Книгоиздательство Е. Д. Мягкова.
„КОЛОКОЛЪ“.

Вторая библіотека

Такъ.

НОВОЕ КРЕСТЬЯНСТВО.

Очерки деревенскихъ настроеній.

1) По губерніи Безпокойной.

2) Крестьянскій съѣздъ въ Москвѣ.

МОСКВА.

1905.

Пров. 1955

РУ
5972
Нов

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

1693
-31

Типографія А. П. Поплавскаго, Москва, Лялинъ пер., соб. д.

Сельскому сходу села Ивановки Второй, Балашевскаго уѣзда Саратовской губерніи, съ любовью посвящаетъ авторъ.

I. По губерніи Безпокойной.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Девять мѣсяцевъ тому назадъ, въ разгаръ осени и наперекоръ стихіямъ, началась русская весна. Она явилась не въ естественной смѣнѣ явленій природы, но возникла въ глубинѣ человѣческихъ сердецъ и вырвалась наружу порывомъ бури, освѣжившимъ духоту жизни и мракъ угнетенія За эти немногіе мѣсяцы наша страна пережила больше, чѣмъ за предшествовавшее сорокалѣтіе. Послѣ того стихіи русской жизни перестали совпадать между собою. Такимъ образомъ, путешествуя по Волгѣ въ серединѣ текущаго лѣта, я убѣдился, что на Волгѣ ледоходъ, — бурное стремленіе мыслей и страстей, растущія волны огромнаго общественнаго движенія

Русскія воды играютъ, и бурное солнце лучится въ ихъ брызгахъ, какъ радуга на водопадѣ. Россія мѣняетъ оболочку, какъ исполинская змѣя, сорокъ лѣтъ проспавшая подъ холоднымъ камнемъ произвола, и ея новая кожа, еще измятая и непрочная, уже цвѣтетъ и блещетъ живымъ переливомъ красокъ.

Путешествіе мое совершалось не безъ препятствій. Въ началѣ іюня въ городѣ Костромѣ, возвращаясь ночью изъ клуба, я встрѣтилъ членовъ мѣстной черной сотни, вооруженныхъ длиннѣйшими палками, выше человѣческаго роста. и шествовавшихъ рука объ руку съ форменными чинами Ночная дѣятельность этой соединенной эскадры послужила поводомъ къ производству строгаго слѣдствія... надъ избитыми. Въ началѣ іюля въ селеніи Ивановкѣ-Второй я попалъ въ плѣнъ къ приставу Сахарову и былъ отправленъ въ городъ Балашовъ въ приложеніи къ казенному пакету и усиленному полицейскому конвою, вооруженному нагайками.

Кстати сказать, за пятнадцать лѣтъ моего скитальчества со мной никогда не было подобнаго приключенія, — ни въ дикихъ чукотскихъ стойбищахъ, ни въ уединенныхъ поселкахъ азіатскихъ эскимосовъ, ни въ одной мелкой деревушкѣ Японіи, гдѣ я путешествовалъ за два года до войны, когда Абаза и Безобразовъ еще не научили ея населеніе смотрѣть на русскихъ съ недовѣріемъ и враждой.

Но препятствія только разжигаютъ охоту путешественниковъ, и я напередъ каюсь, что, не взирая на всѣ увѣщанія саратовской полиціи, могу и впредь впасть въ тотъ же грѣхъ. Запретный плодъ сладокъ, и слишкомъ сильно желаніе проникнуть въ огражденный кругъ русскихъ деревень и уловить загадку возникающихъ тамъ настроеній. Я не могу также забыть, что, по справедливому выраженію одного знакомаго слесаря въ Маріинской больницѣ въ день 9-го января текущаго года, «улицы и дороги назначены для свободнаго движенія публики, а не для военныхъ атакъ».

Какъ бы то ни было, въ промежуткѣ между Костромой и балашовскимъ приставомъ я видѣлъ много интересныхъ, даже необычайныхъ явленій

Въ городѣ Нижнемъ, во время забастовки извозчиковъ, на Нѣмецкой площади каждый день собиралось народное вѣче. Представитель извозчичьяго комитета становился въ срединѣ и, заложивъ полы кафтана за поясъ, произносилъ пламенную рѣчь о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Онъ цитировалъ Четьи-Минеи и Некрасова, какую-то Заволжскую Тріодь и «Буревѣстника» Горькаго. Онъ называлъ бюрократію вавилонской блудницей.—«Отъ воскрылій ея одежды не останется лоскута на землѣ».

— Все мѣняется,—восклицалъ онъ вдохновенно,—новый свѣтъ, новая заря восходитъ надъ родиной.

И, окончательно наэлектризовавъ толпу, онъ поворачивался ко мнѣ и конфиденціально сообщалъ:—«Довольно на сегодня. Я имъ далъ хорошую зажигалку».

Въ Сормовѣ каждый вечеръ собирались митинги рабочихъ, привлекавшіе нѣсколько тысячъ человѣкъ. Они происходили правильно, восемь разъ въ недѣлю, ибо по воскресеньямъ

было два митинга,—утренній и вечерній. Приходили мужчины и женщины; старухи приносили съ собой чулки; матери приводили дѣтей. Толпа разсаживалась въ большой кругъ, выбирала предсѣдателя и открывала рѣчи и пренія. Безбоязненно произносились самыя дерзкія слова, провозглашались «крѣпкіе» лозунги, и ничего ужаснаго не происходило. солнце не тускнѣло, завѣса въ храмѣ не раздиралась, и даже полицейскій участокъ оставался на своемъ мѣстѣ, а на крылечкѣ передъ нимъ сидѣли казаки и мирно лущили сѣмечки. Ибо бюрократическая стѣна повсюду дала трещины и для ежедневной свалки не хватаетъ казацкаго рвенія.

Я былъ на этихъ митингахъ и даже, ужасно сказать, и самъ говорилъ рѣчи, ибо я тоже человѣкъ и ничто человѣческое мнѣ не чуждо. И вмѣстѣ съ другими я отвергъ старое правило о томъ, что языкъ данъ намъ для того, чтобы скрывать свои мысли и молчать, и призналъ новую и весьма простую истину, что для пользованія свободой слова слѣдуетъ только открыть ротъ и заговорить .

Въ городѣ Самарѣ я встрѣтилъ отголоски обширной забастовки торговыхъ служащихъ, когда десять тысячъ приказчиковъ прошли по улицамъ стройными отрядами, не хуже десяти тысячъ грековъ въ «Анабазисѣ» Ксенофонта, а, съ другой стороны, благодаря нѣкоторымъ ошибочнымъ маневрамъ, казаки подвергли избіенію мѣстную черную сотню.

Среди всеобщаго ледохода намѣтились даже особые ледоходные типы, представители которыхъ встрѣчались въ каждомъ городѣ, на каждомъ общественномъ собраніи.

Типъ нумеръ первый: ораторъ, въ родѣ описаннаго выше нижегородскаго извозчика. Это былъ типъ человѣка «голоднаго къ слову» по преимуществу. Онъ молчалъ больше тысячи лѣтъ, съ самаго основанія русскаго государства, и неожиданно почувствовалъ, что на языкѣ его шевелятся членораздѣльныя слова. Съ тѣхъ поръ онъ заговорилъ и не умолкаетъ ни на минуту. Я просидѣлъ съ нижегородскимъ извозчичьимъ комитетомъ въ трактирѣ часовъ десять, и ораторъ-извозчикъ все время говорилъ, какъ заведенный. Все въ немъ было кудрявое: языкъ, и умъ, и волосы, и даже жесты рукъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что ему тридцать пять лѣтъ и что

сызмальства онъ ужасно любитъ читать книги. До послѣдняго времени читалъ одно божественное; но въ прошломъ году нѣкій человѣкъ наставилъ его на путь. Съ тѣхъ поръ онъ успѣлъ перечитать цѣлую библіотеку, вплоть до «Краснаго смѣха» и «Поединка» изъ «Сборниковъ Знанія». Этотъ любитель чтенія отличался феноменальной памятью и цитировалъ поминутно цѣлыя страницы стиховъ и прозы изъ Некрасова, Сурикова, Дрожжина, Щедрина, Льва Толстого и многихъ другихъ. Еще лучше онъ былъ освѣдомленъ по предмету занятій своего извозчичьяго комитета. Грудной карманъ его армяка былъ набитъ разнородными бумагами Здѣсь были два проекта новой легковой таксы Нижняго-Новгорода съ помѣтками на поляхъ, такса петербургская, такса московская и даже какой-то переводъ берлинской извозчичьей книжки. Ораторъ-извозчикъ зналъ всѣ эти таксы и правила на-зубокъ и безошибочно могъ указать на какой страницѣ находится любой пунктъ или примѣчаніе.

Послѣ двухчасового разговора я мало-по-малу сталъ замѣчать, что мой собесѣдникъ при всей своей словоохотливости въ то же время слѣдитъ и за моей рѣчью и какъ-будто производитъ за моими словами какую-то своеобразную мысленную охоту. Я недоумѣвалъ въ чемъ дѣло, но въ концѣ-концовъ загадка разъяснилась.

Надо сказать, что вначалѣ я стѣснялся дѣлать замѣтки, но потомъ не вытерпѣлъ и досталъ записную книжку. Извозчикъ немедленно послѣдовалъ моему примѣру и тоже извлекъ книжку изъ своего неистощимаго армяка. Съ этой минуты мы дѣлали записи, не стѣсняясь другъ передъ другомъ. Подъ конецъ я заглянулъ въ книжку моего собесѣдника и увидѣлъ, что онъ записываетъ иностранныя слова и политическіе термины: *корпорація*, *бюрократическій режимъ*, *автономное управленіе*. Для новыхъ идей ему были нужны новыя опредѣленія, и онъ хваталъ ихъ налету, какъ ласточка пухъ, не стѣсняясь временемъ и поводомъ.

Эту жадность къ слову я встрѣчалъ потомъ повсюду. Такъ, въ городѣ Петровскѣ на собраніи уполномоченныхъ экономическаго совѣта одинъ крестьянинъ говорилъ восемь

разъ, пока другіе, желавшіе говорить, стали его останавливать Онъ тоже приводилъ непонятные термины изъ газетъ и просилъ разъясненія. Требовалъ также, чтобы новѣйшія дешевыя брошюрки по разнымъ «вопросамъ» были переведены съ «интеллигентнаго» языка на простой русскій

Типъ нумеръ второй: физическій вожакъ. Представителемъ этого типа является мужчина «при своемъ тѣлесномъ капиталѣ», восьми пудовъ вѣса и одиннадцати вершковъ роста, съ толстымъ краснымъ затылкомъ и низкимъ трубнымъ голосомъ. Кулаки у него огромные, глаза большіе, немного на выкатѣ, и устремлены прямо впередъ, въ одну точку.

Въ извозчичьемъ комитетѣ рядомъ съ ораторомъ состоялъ и мужчина типа нумеръ второй. «Я не по интеллигентной части,—заявилъ онъ мнѣ своимъ трубнымъ басомъ,—мое дѣло—толчки давать»... Дѣйствительно, я имѣлъ случай убѣдиться въ его готовности давать толчки въ прямомъ и переносномъ смыслѣ. И имя у него было самое подходящее: Мишанька. Когда депутація извозчиковъ явилась для переговоровъ къ полицеймейстеру, Мишанька первый придвинулъ къ себѣ стулъ и сѣлъ на глазахъ изумленныхъ подчасковъ, стоявшихъ на вытяжку во фронтъ Этимъ ознаменовалось начало новой эры. Вслѣдъ затѣмъ между Мишанькой и полицеймейстеромъ произошелъ короткій діалогъ столь экстреннаго свойства, что я затрудняюсь даже привести его здѣсь,—боюсь, строки не выдержатъ. Стѣны полицейскаго управленія однако выдержали, и эта забастовка окончилась мирно, къ общему удовлетворенію.

Кстати сказать по поводу экстреннаго діалога. Въ августѣ, когда я писалъ эти строки, русская печать еще не сбросила намордника и могла скалить зубы только съ оговорками и въ скобкахъ. Теперь, наконецъ, большую часть вещей можно называть ихъ настоящими именами

Разговоръ между полицеймейстеромъ и Мишанькой былъ слѣдующаго содержанія. Наканунѣ одинъ изъ самыхъ богатыхъ легковыхъ хозяевъ сдѣлалъ попытку нарушить забастовку и послалъ коляску одному изъ мѣстныхъ богачей, для поѣздки на вокзалъ Забастовщики остановили экипажъ, стали выпрягать лошадей и для скорости обрѣзали постромки. Въ

разговорѣ съ Мишанькой, описывая этотъ фактъ, полицей-мейстеръ по привычкѣ пожелалъ прибѣгнуть къ устрашенію.

— Доведись на меня,—заявилъ онъ съ грознымъ видомъ,—я бы перваго на мѣстѣ уложилъ.

— А съ вами что бы сдѣлали, Ваше В-діе,—сказалъ Мишанька своимъ трубнымъ басомъ,—васъ по погѣ бы раздернули.

Типъ нумеръ третій: молодой человѣкъ, очень молчаливый, со страннымъ взглядомъ, прозрачнымъ и какъ-будто остановившимся. Это—взглядъ идейнаго экстаза Отличать его меня научили еще канадскіе духоборы.—«Когда задумается человѣкъ,—объясняли они,—съ нимъ какъ-будто сдѣлается чего-то. Виски у него присохнутъ, губы заскорбнутъ, а глаза станутъ такіе свѣтлые, свѣтлые, какъ вода»

Молодой человѣкъ со свѣтлыми глазами попадался мнѣ рѣшительно вездѣ Онъ сидѣлъ впереди, внимательно смотрѣлъ передъ собою и не шевелился. Нельзя было рѣшить, слушаетъ ли онъ рѣчи, или думаетъ о своемъ О біографіи такого молодого человѣка я никогда не могъ узнать ничего положительнаго.—«Кто его знаетъ,—говорили всѣ,—молчитъ, все думаетъ. Пожалуй, зарѣжетъ кого-нибудь». Мнѣ казалось, что у молодого человѣка со страннымъ взглядомъ еще нѣтъ никакой біографіи и что, когда она начнется, взглядъ его долженъ потерять свою прозрачную сосредоточенность.

Но видѣнные мною образцы деревенскихъ настроеній еще интереснѣе городскихъ. Мнѣ случилось разсказывать о нихъ въ интеллигентныхъ кругахъ, и почти никто не вѣритъ. Я этому не очень удивляюсь,—если бы не видѣлъ собственными глазами, я бы тоже ни за что не повѣрилъ. Теперь же чувствую себя такъ, какъ бы побывалъ на лунѣ.

Мнѣ случалось съ тѣхъ поръ приводить наиболѣе отъявленныхъ скептиковъ на собранія интеллигентныхъ крестьянъ, но даже это не дѣйствовало.

— Начитались!—рѣшали они и пожимали плечами. Я же говорю наоборотъ:—Слава тому времени, когда тысячи крестьянъ могли «начитаться» и почерпнуть изъ книгъ и газетъ всѣ новыя идеи, ибо и мы тоже не изобрѣли своихъ взглядовъ заново, но почерпали ихъ изъ того же литературнаго

источника. Трижды слава тому времени, когда единеніе интеллигенціи и народа изъ мечты превращается въ дѣйствительный фактъ!.

Впрочемъ, не однѣ газеты,—самый воздухъ дѣйствуетъ заразительно, ибо онъ наполненъ новымъ микробомъ пытливости и безпокойства. Въ наиболѣе глухихъ поселкахъ я встрѣчалъ полуграмотныхъ крестьянъ, которые развивали мнѣ самые подробные политическіе и соціально-экономическіе планы, поразительно напоминавшіе то Генри Джоржа, то Джона Локка и Жанъ-Жака Руссо, и Фурье, и Кабе.

Но мы на верхахъ русской жизни не имѣемъ объ этомъ никакого понятія. Мы проникнуты тѣмъ же бюрократическимъ духомъ, мы закоснѣли въ незнаніи и высокомѣрномъ презрѣніи къ народу, и когда московскія кликуши возглашаютъ намъ лозунги черной сотни, какъ мнѣніе «добрыхъ русскихъ мужичковъ», мы вздрагиваемъ и ежимся. Когда къ намъ доходятъ вѣсти объ ивановскихъ сельскихъ сходахъ или сумскихъ народныхъ собраніяхъ, мы щуримъ глаза и замѣчаемъ: «Преувеличиваютъ!» Но мы забываемъ, что жизнь стала щедра и обильна и даже преувеличенія увлекающихся людей имѣютъ пророческій характеръ.

Что касается меня, то я сталъ мудрѣе. Когда незнакомый молодой человѣкъ предъявляетъ рекомендательное письмо и называетъ себя делегатомъ царевококшайскаго кружка, я уже не задаю недовѣрчивыхъ вопросовъ, ибо я знаю, что, пока этотъ «делегатъ» вернется въ Царевококшайскъ, жизнь успѣетъ создать на мѣстѣ самый реальный кругъ единомышленниковъ И когда я читаю въ газетахъ о чириковскихъ, исадскихъ, ендеевскихъ и другихъ сельскихъ приговорахъ яркаго политическаго содержанія, я больше не пожимаю плечами и не спрашиваю о вдохновителяхъ, ибо я видѣлъ на дѣлѣ, съ какимъ энтузіазмомъ и стихійнымъ вдохновеніемъ составляются эти деревенскіе приговоры. И газетныя сообщенія одѣлись для меня плотью и кровью.

Еже видѣста очи моя...

Губернія Подтянутая превратилась въ губернію Безпокойную и губернія Неурожайная—въ губернію Строптивую, и

вся Русская земля пошла пятнами, какъ въ оспѣ,—по выраженію одного знакомаго крестьянина.

Рядомъ съ людьми, вопрошавшими объ иностранныхъ словахъ, я видѣлъ въ каждомъ уѣздѣ сотни интеллигентныхъ крестьянъ, свободно разбиравшихся во всѣхъ необходимыхъ терминахъ, оживленно разсуждавшихъ о цензовомъ правѣ и всеобщей подачѣ голосовъ, о прогрессивной и реакціонной партіяхъ, о семи свободахъ и четырехъ избирательныхъ членахъ. Нѣкоторые термины получили широкое народное употребленіе, часто съ легкой руссификаціей для усиленія выразительности. Напримѣръ, «пролетаристы,» «пролетаріаты» или собирательно «вся наша пролетарія»; «буржуазы» и даже «баржаузи». «Малократы» вмѣсто демократы, въ качествѣ заступниковъ за малыхъ людей. «Бѣлократы» вмѣсто бюрократы, въ качествѣ представителей бѣлой кости, «таторъ» въ сокращеніи изъ «агитаторъ» и т. д.

Я видѣлъ многолюдныя крестьянскія собранія, сходившіяся въ зданіи земской управы при какомъ-нибудь экономическомъ или санитарномъ совѣтѣ, въ сельскомъ народномъ домѣ, при школьной библіотекѣ или прямо подъ открытомъ небомъ. Я видѣлъ семидесятилѣтнихъ стариковъ, приходившихъ на такія сборища съ дѣтьми и взрослыми внуками, древнихъ николаевскихъ солдатъ болѣе рѣшительныхъ, чѣмъ молодые люди. Я слышалъ страстныя рѣчи на тѣ же темы, которыя волнуютъ и наши сердца, пренія, происходившія въ такомъ образцовомъ порядкѣ, какой дай Богъ имѣть и нашимъ собраніямъ, стройные сельскіе хоры, распѣвавшіе наши молодыя пѣсни, провозглашавшіе наши собственные крылатые призывы. Я видѣлъ у молодой деревни трогательное уваженіе къ интеллигенціи, равносильное развѣ той ненависти, которую питаетъ къ ней черная сотня.

Передо мной прошла вереница фигуръ изъ 1789 года, рядъ заявленій, какъ-будто заимствованныхъ изъ извѣстныхъ сельскихъ «наказовъ» того времени.

Юноши въ рубахахъ-косоворткахъ и въ высокихъ сапогахъ, съ руками, одеревенѣвшими отъ мозолей, но съ яснымъ, сознательнымъ взглядомъ, дѣлали публичныя признанія, похожія на Аннибаловы клятвы. Цѣлыя села поголовно

заявляли о своей принадлежности къ такъ называемой «сознательной партіи». Старики и старухи учились грамотѣ, чтобы читать газеты и сравняться съ дѣтьми. Группы деревенскихъ женщинъ упорно отстаивали свое право на избирательный голосъ. — «Мы тоже не обсѣвки въ чужомъ полѣ, — возражали онѣ на всѣ сомнѣнія. — Чего тутъ бояться? . Намъ тоже надо права и слободу! А если мужикъ хорошій, то и баба по немъ Худая баба по худомъ мужѣ. А другая баба умнѣй всякаго мужика. Въ селѣ теперь иная баба мужика удерживаетъ, такъ это страха ради, чтобы дѣтей не оставить сиротами. А если будутъ права, никто не будетъ страшиться»...

Я слышалъ и записалъ десятки рѣчей, гнѣвныхъ и трогательныхъ, язвительныхъ и полемически-литературныхъ, часто способныхъ составить украшеніе любой газеты для истинно народнаго чтенія.

— Публицистъ Сергѣй Шараповъ,—говорилъ одинъ крестьянинъ,—предлагаетъ: Заложимъ женъ и дѣтей, но будемъ вести войну. А я спрашиваю, гдѣ та ссудная касса, чтобы заложить жену и дѣтей. Не-то придется вести ихъ въ экономію и заложить на работу по 10 копѣекъ на день. Я пойду на войну, потомъ приду домой, моя семья въ залогѣ, какъ бы не у самаго господина Шарапова...

— Когда уничтожили крѣпостное право,—говорилъ другой,—мы, крестьяне, еще жили въ курныхъ избахъ. Господа землевладѣльцы, какъ добрые сосѣди, понастроили трактировъ, свѣтлыхъ, высокихъ, съ музыкой, чтобы мы приходили купаться въ алкогольномъ болотѣ...

— Даже китайское правительство запрещаетъ употребленіе опіума. Только мы не можемъ ничего сдѣлать противъ казенной винной лавки...

Ибо молодое крестьянство ведетъ ожесточенную борьбу противъ виннаго соблазна, и на его пирушкахъ и складчинахъ отсутствуютъ крѣпкіе напитки.

Другіе ораторы выражались еще опредѣленнѣе: —«Начальства надъ нами, крестьянами, столько, что не знаешь, кого больше бояться. Законъ у нихъ одинъ—палка. Въ обращеніи къ намъ у нихъ имѣется только одно ласковое слово: Дай!..

А приставъ Сахаровъ и его спутники разъѣзжали изъ веси въ весь и на каждомъ шагу подтверждали эту аттестацію практическими примѣрами

Рядомъ съ этимъ движеніе захватило даже административные элементы деревни. Я встрѣчалъ волостныхъ старшинъ, сельскихъ писарей, даже мелкихъ лавочниковъ и «монопольныхъ» сидѣльцевъ, которые стояли во главѣ «сознательной партіи» и часто выносили мелкое подвижничество рука объ руку съ народнымъ учителемъ и фельдшерицей. Такимъ образомъ, основы моего воззрѣнія на деревню, заимствованныя изъ Успенскаго и признававшія всѣхъ волостныхъ старшинъ и писарей преданными мамонѣ и казенному интересу, видоизмѣнились и сдвинулись влѣво.

Съ другой стороны, цѣлые волостные сходы упорно отстаивали земельную общину, не желая слушать никакихъ экономическихъ аргументовъ новѣйшаго стиля. «Если нарушить общину,—говорили они,—намъ и милостыню не у кого попросить будетъ»

Другіе сельскіе сходы отстаивали свою независимость отъ начальства и полиціи сдержанно, но безтрепетно и въ полномъ составѣ членовъ. Такъ-называемые «зачинщики» возвращались домой послѣ временнаго отсутствія. Навстрѣчу имъ выѣзжали кортежи троекъ, украшенныхъ листьями и лентами. Группа дѣтей встрѣчала ихъ привѣтственной пѣсней; имъ говорились рѣчи, устраивались сельскіе банкеты. Ибо молодая деревня уже имѣетъ своихъ героевъ и умѣетъ чтить ихъ на ряду съ другими, болѣе извѣстными, общими всему русскому народу...

Откуда выросли на народной почвѣ эти новыя идеи и чувства?

При разспросахъ молодые крестьяне указывали на книги и газеты, говорили о народныхъ учителяхъ и фельдшерицахъ, о земскихъ служащихъ и о своихъ же односельчанахъ, побывавшихъ въ городѣ и набравшихся тамъ новаго духу. Во многихъ мѣстахъ мѣстная традиція указывала на семидесятые годы, когда русская интеллигентная молодежь производила знаменитое «хожденіе въ народъ». Въ то время оно казалось безнадежнымъ и не дающимъ результатовъ, но теперь,

черезъ тридцать лѣтъ, сѣмена, наскоро брошенныя тогда на народную ниву, наконецъ взошли и дали плодъ, ибо ихъ поливали народныя слезы и теперь ихъ обвѣялъ свѣжій вѣтеръ начавшейся бури, готовой разрушить башни и стѣны всероссійскаго острога.

Нѣсколько дней тому назадъ одинъ полтавскій крестьянинъ разсказывалъ мнѣ о группѣ сознательныхъ крестьянъ, съорганизовавшейся въ какомъ-то селеніи, по имени Новый Хомутецъ.

— Тамъ искони ведется вольный духъ,—объяснялъ онъ,— еще отъ декабристовъ. Потому тамъ Тульчинская Управа засѣдала. И ее помнятъ

Ссылка на декабристовъ и въ частности на Пестеля была повторена другимъ крестьяниномъ на Московскомъ Крестьянскомъ съѣздѣ

Ибо въ исторіи, какъ въ природѣ, ничто не пропадаетъ даромъ. Каждое насиліе рождаетъ себѣ мстителя и каждое смѣлое слово создаетъ себѣ защитника, даже черезъ тридцать и восемьдесятъ лѣтъ.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

I.

Артель.

«Да здравствуетъ начальство и Россія, долой расъ публика и студенты. Хохолъ Васка раздутый, скотскій докторъ, ты у насъ не смучай народъ, ты у насъ политтикъ не разводи въ читальной. Вы говорите, чтобъ была воля и земля; намъ земли не надо, намъ и это работать не охота. Вы отъ японцевъ взяли много золото, отъ этого вы бунтуети, а если вы въ лѣто разведете холеру, то мы не оставимъ васъ ни одного студента и больницу разобьемъ и всѣхъ докторовъ перебьемъ. Вы всѣ политчики, а Степанъ Васильевичъ чтобы не ездилъ въ Верхорожье, не читалъ курсы и Макосеиха и вся медицына, а то убьемъ всѣхъ васъ. Всѣ вы сволочи, вы наемники, вы все одно японцы, вы враги. Живите тише, не бунтуйте, а то всѣхъ перебьемъ. Если будете бунтовать, мы будемъ бунтовать на васъ, берегись, Васка!»

— Что, нравится?

Произведеніе черносотенной литературы, предъявленное мнѣ ветеринарнымъ врачемъ села Верхорожья, Василіемъ Васильевичемъ Чепурнымъ («Васка раздутый» тожъ), дѣйствительно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ побивало общій рекордъ. Не довольствуясь японскимъ золотомъ, оно нагло угрожало холерною травлей, требовало закрытія читальни, вечернихъ курсовъ и прочей «политики» и обѣщало генеральное избіеніе.

— Наклеили мнѣ эту штуку ночью на столбъ у воротъ. Видите, буквы печатныя и многія ошибки нарочно сдѣланы, но мы, конечно, знаемъ, кто писалъ. И не угодно ли: пишутъ

отъ имени мужиковъ.—Намъ земли не надо, намъ и эту работать не охота...

— Отъ черной сотни житья нѣтъ, — жаловался Василій Васильевичъ,—что не устроимъ,—мутятъ. Курсы завели въ Верхорожьи, больше ста человѣкъ приходили, другіе пѣшкомъ являлись изъ сосѣдняго села. Сталъ батюшка ѣздить. До тѣхъ поръ ѣздилъ, пока разрѣшеніе отняли.

— А молодые крестьяне стали озлобляться. «Разнесемъ, говорятъ, черную сотню, головы поотрываемъ, камня на камнѣ не оставимъ» .

— Вѣрите, даже моя ветеринарія поперекъ горла у нихъ стоитъ Первый годъ я завелъ трехъ симментальскихъ быковъ. Шипѣли: «Не надо, не къ чему!» Теперь стали бычки на свѣтъ являться. Иду по деревнѣ, тотъ скажетъ спасибо, другой — спасибо, «Та геть, отвяжитесь! Хиба я ихъ самъ робивъ!» А съ жеребцами земскій начальникъ вмѣшался, поставилъ старшину распоряжаться. Тутъ пошло плодокрадство. За бутылку воровали жеребячью силу А кровь не оказывалась.

— Есть у насъ совѣтъ библіотечный, помѣщица Мукосѣиха, два учителя, да я вотъ, да человѣкъ тридцать крестьянъ, а *они* хотятъ закрыть непремѣнно —«А то они кредитное общество откроютъ», — мы, то-есть. Такое общество имъ ножъ вострый. Кулакъ есть у насъ Ерофеевъ, прозвали его Милуша, можетъ каждому безъ мыла въ душу влѣзть. И есть у нашего села общественный лѣсъ. Раньше сдавали его кулаку, а теперь по душамъ раздѣлили, и всѣ получаютъ по сорока рублей за бревна. То онъ и злобствуетъ. Если же намъ открыть кредитное общество, съ кого же онъ будетъ сто на сто драть?

— Милуша даже меня бить похвалялся. Самъ здоровый, сажень ростомъ, да зять бывшій урядникъ. Могутъ поколотить, а у меня револьвера нема Но только, если ножъ будетъ на столѣ лежать, я и ножомъ пырну.

— Вонъ въ селѣ Сердобинскомъ тоже сельскохозяйственное Общество, шестьдесятъ членовъ. Что же вы думаете? Во время ярмарки подбили хулигановъ сдѣлать погромъ Село большое, торговое; есть хулиганы. Конечно, и парни при-

стали выпивши Полиція сперва посмѣивалась, пока разбивали лотки да карусель. А они потомъ за монополію взялись. Приставъ сталъ кричать, но было поздно. Ударили его самого доской по спинѣ, даже доска разлетѣлась, а онъ устоялъ. Стражника—камнемъ. Потомъ разнесли винную лавку. .

— Такъ они всю эту штуку хотятъ на это общество свалить. Двухъ членовъ арестовали, которые и водки никогда не пьютъ, и по базару не ходятъ Но, конечно, у полиціи на самомъ дурномъ счету.

— Теперь народъ въ безпокойствѣ, легко подбить на погромъ Пожалуй, безъ скандала ни одна ярмарка не обходится. На прошлой недѣлѣ въ Мордовской-Горкѣ тоже ярмарка была. Пьяный мужикъ сталъ ломиться безъ билета въ балаганъ. Его вытолкали Онъ задѣлъ лицомъ за проволоку и ободралъ себѣ щеку. Собралась толпа. Онъ пощупалъ щеку, а на рукѣ—кровь —«А, говоритъ, пусть мы будемъ всѣ ровные»,—да и мазнулъ сосѣда по лицу кровью, одного, другаго . Урядникъ подошелъ—и его кровью, по лицу и по бѣлому кителю. Толпа кровь почуяла и всколыхнулась. Крикъ, бунтъ. Торговцы разбѣжались Потомъ вернулись къ лоткамъ, а тамъ уже половина товара расхватана.

— Въ селѣ Кататрасѣ постановили чужихъ людей не допущать, поставили у села карантинъ. Въ селѣ Троекуровѣ приговорили газетъ не выписывать. Батюшка не велѣлъ, потому всѣ газеты врутъ Газеты еретическій соблазнъ. Въ этомъ самомъ селѣ послѣ Цусимскаго боя служили благодарственный молебенъ за русскую морскую побѣду. Батюшка распорядился, а батюшка лучше знаетъ. Въ селѣ Красноярѣ постановили проѣзжихъ бить. Проѣзжалъ учитель на велосипедѣ Искалѣчили его, теперь лежитъ въ больницѣ...

Помощникъ Чепурного по ветеринарной части, проще говоря, сторожъ при амбулаторіи, прибавляетъ новыя подробности.

— Въ Баклушиной кузнецъ попа обругалъ, а попъ въ набатъ ударилъ. Думали—пожаръ, прибѣжали, а попъ говоритъ: — Бейте этого кузнеца, онъ сана не почитаетъ — А кузнецъ пьяный.

— А въ селѣ Лыкачевѣ,—начинаетъ опять Чепурной, —

молодые крестьяне устроили сельско-хозяйственное общество, а батюшка организовалъ вольную пожарную дружину. Село торговое, большое, вся дружина изъ торговцевъ.

— Въ то воскресенье, — прибавляетъ сторожъ, — было у нихъ большое пьянство. Послѣ пьянства ударили въ набатъ, собрались человѣкъ двѣнадцать, поѣхали на бочкахъ по селу. А батюшка стоитъ на крыльцѣ о косякъ опершись. Шатаетъ его...—Эта дружина, говоритъ, великое дѣло. Она всѣхъ крамольниковъ вздернетъ... Говоритъ: военное положеніе, нужны жертвы, будемъ вѣшать!..

— Потомъ собиралась ярмарка, пошелъ слухъ о бунтѣ. Торговцы послали за солдатами самовольно, а обществу не сказали. Пришли двѣ роты, офицеръ посылаетъ къ старшинѣ, чтобы выставить 45 подводъ на случай отъѣзда.

А старшина ни сномъ, ни духомъ — «У насъ, говоритъ, все благополучно. Мы не звали воинскую силу». Такъ солдаты было ушли, но изъ вольной дружины Сокольниковъ и Еропкинъ догнали ихъ и упросили вернуться. Тутъ складку сдѣлали торговцы, устроили пиръ А батюшку качали на креслѣ, съ рюмкой въ рукѣ, потомъ подняли вверхъ Онъ ту же рѣчь сказалъ къ солдатамъ — Здѣшнихъ крамольниковъ нужно искоренить!

— А молодежь озлилась,—прибавляетъ сторожъ.—Ночью у батюшки ворота дегтемъ вымазали...

— У нашихъ сосѣдей въ селѣ Сиротскомъ, начинаетъ онъ опять—отецъ дьяконъ подъ окнами слушаетъ Парни стали грозиться:—Поймаемъ, патлы острижемъ!

— А ну ихъ къ черту!—отрывисто говоритъ Чепурной.— Поѣдемъ на хуторъ

Хуторъ, это — оригинальная затѣя части Верхорожскихъ крестьянъ. Семь семействъ изъ «сознательныхъ» соединились и составили хозяйственную артель. Эти семьи были изъ самыхъ бѣдныхъ, но послѣ основанія артели онѣ получили возможность снять въ аренду изрядный участокъ владѣльческой земли и основали артельный хуторъ. Хуторъ стоитъ въ сторонѣ отъ села, въ густомъ дубнякѣ. Онъ находится на замѣчаніи у начальства, и, прежде чѣмъ попасть туда, мы

дѣлаемъ извилистый крюкъ, въ родѣ лисицы, путающей свои слѣды.

На хуторѣ, къ сожалѣнію, было мало народа. Большая часть мужчинъ была на полевой работѣ, кое-кто—на отхожемъ промыслѣ. Пять семействъ проживали въ селѣ въ собственныхъ избахъ, и только двѣ жили на хуторѣ. Впрочемъ самъ основатель артели былъ на-лицо. Это былъ слѣпой съ дѣтства, и онъ не выѣзжалъ на поле. Ослѣпъ онъ отъ оспы, которая изрыла ему все лицо. Несмотря на эти рытвины черты его не были лишены пріятности. Онъ былъ еще очень молодъ, тонокъ тѣломъ и производилъ впечатлѣніе какой-то одухотворенности. Говорилъ онъ тихо и медленно; его слѣпые глаза были постоянно закрыты, и казалось, что онъ обдумываетъ какія-то важныя мысли Я давно замѣчалъ, что въ рабочей средѣ увѣчные часто пріобрѣтаютъ особую интеллигентность. Жизненная сила, освобожденная отъ мускульнаго труда, уходитъ въ голову и порождаетъ новыя мысли. Увѣчье отрываетъ отъ грубой матеріальной «радости бытія» и порождаетъ сосредоточенность и безстрастіе. При видѣ этого слѣпого учредителя новой артели мнѣ вспомнился другой слѣпецъ, именемъ Шендеръ Капоресъ, тоже ослѣпшій въ дѣтствѣ отъ оспы, который нѣкогда побирался въ маленькомъ литовскомъ мѣстечкѣ, а теперь, несмотря на слѣпоту, объѣзжаетъ весь околотокъ съ проповѣдью новаго слова и новой истины..

Слѣпой хозяинъ настойчиво приглашалъ насъ остаться на ночлегъ.

— Наши подъѣдутъ, поговоримъ. Вы разскажете намъ, что на свѣтѣ дѣлается! .

Мы отказались съ большимъ сожалѣніемъ. На третье утро мы должны были попасть въ Петровскъ на экономическій совѣтъ, а по дорогѣ хотѣли посѣтить еще три села.

— У насъ все сообща,—разсказывалъ мнѣ слѣпой:—продукты, и деньги, и даже одежда. Напримѣръ, одинъ артельщикъ иконы пишетъ, другой—маляръ. Теперь работаютъ на сторонѣ, каждый мѣсяцъ сюда деньги посылаютъ. А трое здѣсь, около земли. Надѣльная у насъ земля по тридцаткѣ въ каждомъ полѣ, а арендованной—45 десятинъ,—тридцатка

обозначаетъ десятину въ 30×80=2,400 саженъ —Надѣльная земля вовсе истощала,—разсказывалъ слѣпой.—Сей годъ на сѣмена не соберешь. А арендная родитъ .

— Седьмой артельщикъ у насъ—церковно-приходскій учитель Запугали его батюшки, не похожъ на человѣка, а на зайца. И, напримѣръ, женили его 18-ти лѣтъ; жена каждогодъ рожаетъ; теперь ему 26 лѣтъ, а у него шесть человѣкъ дѣтей. Мы его изъ церковныхъ учителей взяли, опредѣлили его писцомъ къ страховому агенту Теперь хотимъ изъ него человѣка сдѣлать. Онъ учиться очень охочъ, пусть готовится на настоящаго учителя.

— Мы рѣшили артелью,—продолжалъ слѣпой,—наемныхъ рабочихъ не брать, водки не пить и табаку не курить, и на молебны деньги не тратить. Отъ того болѣе батюшка и сердится на насъ. Колесо порядочное, а дохода причту нѣтъ.

— А женщины не ссорятся у васъ?

— А почто намъ ссориться?—весело отозвалась молодка, хлопотавшая у стола.—У насъ борщъ разный. А захотимъ—вмѣстѣ сольемъ.

— Мы дѣлимъ продукты по ѣдокамъ, — объяснилъ слѣпой, — а стряпаемъ разно, какъ случится: кто вмѣстѣ, кто порознь.

— Какъ же у васъ артель началась?—настаивалъ я.

— Вотъ я тебѣ разскажу,—предложилъ маленькій старичокъ, служившій намъ проводникомъ на опальный хуторъ — У насъ въ селѣ два конца, Лозиноватый и Лозный. На Лозиноватомъ торговые мужики живутъ. А нашъ конецъ бѣдный, пятьдесятъ два двора. Но живемъ мы дружно, всѣ вообще. Напримѣръ, если тебѣ ѣхать надо, ты вышелъ и поймалъ сосѣдскую лошадь. А сосѣдъ твою. И хлѣбомъ помогали. . Такъ у насъ идетъ въ родѣ артели. А на будущій годъ еще десять семействъ хотятъ къ намъ вотъ присоединиться...

Здѣсь нарождалось новое хозяйственное стремленіе, напоминавшее организацію гурійскихъ крестьянъ. Повидимому, это была первая стадія той же эволюціи.

Слѣпой однако не далъ мнѣ продолжать вопросы. Ему хотѣлось поговорить на общія типы. «Что дѣлается на свѣтѣ?—приставалъ онъ,—Скоро ли?... И какъ другіе люди рѣшили

дѣйствовать?. . Хотя на колѣнкахъ дополземъ до учредительнаго собранія,—сказалъ онъ въ заключеніе,—все равно отстать нельзя»

— А у васъ что дѣлается?—спрашивалъ я въ свою очередь.

— У насъ въ родѣ японской войны ..—Слѣпой махнулъ рукой.—Покоряютъ насъ подъ нози супостатовъ. Ходу никакого нѣтъ. Кто ворохнется—бьютъ, въ холодную сажаютъ. Тутъ самые смиренные стали ожесточаться... Вонъ поѣдете по дорогѣ, заѣзжайте въ Крамаевку, Покорное село...

II.

Въ усадьбѣ.

Было десять часовъ вечера. Мы проѣхали верстъ сорокъ, но до «Покореннаго» села осталось еще тридцать. Ночь была лунная, погожая, но въ почтовой телѣжкѣ трясло немилосердно Я запросилъ пардону и сталъ заговаривать о ночлегѣ.

— Если хотите, заѣдемъ къ Челищеву,—предложилъ мнѣ Чепурной,—его имѣніе близко.

Я встрѣчалъ Челищева въ городѣ на земскомъ собраніи; это былъ очень милый и либеральный землевладѣлецъ Меня заинтересовало послѣ крестьянской избы [заглянуть въ дворянскую усадьбу.

Мы свернули съ дороги и поѣхали узкимъ проселкомъ Тотчасъ же показались перелѣски, указывавшіе на близость рѣки. Мы проѣхали греблю и мостъ и выѣхали вверхъ по довольно крутому подъему. Усадьба Челищева стояла на высокомъ берегу, надъ самой Медвѣдицей. Даже ночью можно было различить, что отсюда открывается великолѣпный видъ на зарѣчную степь. Прежніе помѣщики вообще умѣли выбирать мѣста для своего поселенія. Въ невѣрномъ лунномъ свѣтѣ широкая равнина какъ-будто переливалась тонкими и призрачными волнами. Поближе выступала темная полоса прирѣчнаго лѣса, и гдѣ-то далеко въ сторонѣ поблескивала свѣтлая черточка воды, — Богъ вѣсть, степное ли озеро, или неожиданный зигзагъ той же извилистой Медвѣдицы. Внизу подъ усадьбой дремало большое село, крытое соломой и зарывшееся въ темный и длинный оврагъ.

Окна господскаго дома были ярко освѣщены. Мы поднялись

на веранду и постучали въ дверь, но намъ отворили не сразу. За дверью слышалось какое-то движеніе, раздавались поспѣшные шаги, передвигались стулья.

— Кто тамъ?—наконецъ спросилъ неувѣренный голосъ.— Что нужно?

— Какого бѣса?—съ удивленіемъ сказалъ Чепурной.— Развѣ мы— разбойники?

Дверь, наконецъ, пріотворилась, и въ промежуткѣ показались двѣ мужскія головы и одна женская. Выраженіе у всѣхъ было довольно опрокинутое. Узнавъ насъ, хозяинъ принужденно засмѣялся и спряталъ въ карманъ какой-то блестящій предметъ.

— Какъ поживаете?—спрашивалъ Чепурной, внося свой чемоданчикъ.

— Пожаръ у насъ былъ,—сказалъ Челищевъ,—третьяго дня. Амбаръ сгорѣлъ и стогъ сѣна.

— А это—мой братъ,—прибавилъ онъ, указывая на толстаго старика, стоявшаго рядомъ,—изъ Закрайскаго уѣзда. Только-что пріѣхалъ предъ вами, часа два. У нихъ тоже пожаръ былъ, рига сгорѣла и соломы скирда...

У чайнаго стола сидѣло нѣсколько дамъ различнаго возраста.

— Скажите пожалуйста,—обратилась ко мнѣ жена второго Челищева,—вы все ѣздите... Что будетъ съ нами? Пожгутъ насъ или къ тому же побьютъ?

У нея было красивое породистое лицо, пышные волосы, чуть подернутые просѣдью. Лобъ и щеки были совсѣмъ молодые, безъ морщинъ, съ нѣжнымъ румянцемъ. Маленькія, тонко очерченныя ноздри нервно трепетали. Несмотря на сумятицу внезапнаго путешествія она была въ изящномъ дорожномъ туалетѣ съ большой соломенной шляпой и темными шведскими перчатками. По лицу ея можно было съ увѣренностью заключить, что жизнь ея протекла не омраченная ни однимъ облачкомъ, и эти неожиданные пожары были для нея первой серьезной тревогой.

— Что будетъ съ нами?—повторила madame Челищева и даже привстала съ мѣста.

Эти люди бѣжали съ пожара, отъ нихъ еще пахло горѣлымъ. Они заговаривали съ незнакомыми со странной не-

принужденностью, какая является во время внезапныхъ катастрофъ.

— Другъ-друга будемъ убивать,—сказалъ второй Челищевъ, тяжело отдуваясь,—вотъ что будетъ.

— Какъ это?—подхватила его жена. — То-есть я и Анна Павловна будемъ другъ-друга убивать? За что же? — Она слегка улыбнулась хозяйкѣ, сидѣвшей напротивъ за самоваромъ.

— Никогда я не повѣрю,—воскликнула она опять,—чтобы въ нашемъ селѣ Первушинѣ наши собственные крестьяне, которые насъ съ дѣтства знаютъ, вдругъ пришли на насъ съ вилами и топорами. За что? Какое зло мы имъ сдѣлали?

— Луга у меня испольные, — мрачно сообщилъ первый Челищевъ,—ихъ косятъ исполу, такъ сей годъ крестьяне свою часть сейчасъ свезли. Потому, говорятъ, тебя будутъ жечь, грабить. Люди выходили изъ лѣсу, сказывали.

— Какіе люди,—быстро спросила madame Челищева,—агитаторы, студенты?

— Какіе тамъ студенты,—неохотно проворчалъ хозяинъ,—сами выдумываютъ.

— У меня двойная бѣда,—обратился онъ къ Чепурному,—батраки забастовали. Вы знаете сами, содержаніе у меня лучше, чѣмъ у всѣхъ сосѣдей, ну и плата, какая обыкновенно; а они просятъ прибавки пятнадцать рублей на кругъ, и отдѣльныя квартиры, и еще съ резонами.—«Вы сами говорили, что нужно уважать человѣчество. Какое же человѣчество, чтобы семейные и холостые вмѣстѣ жили? »

— А сосѣди косятся на меня, говорятъ я нарочно устраиваю стачки, чтобы подводить другихъ

— Дерзкіе такіе стали,—жаловалась madame Челищева:—пойдешь по деревнѣ, глядятъ тебѣ въ глаза, и никто не кланяется. Дорогу перестали уступать. Вотъ сюда ѣхали. Мы на тройкѣ въ тарантасѣ, а *онъ* пустой телѣгой прямо къ намъ подъ дугу оглоблей въѣхалъ. Распутывали потомъ. Что ему трудно свернуть?.. Я была бы налегкѣ, тоже свернула бы...

Люди такъ устроены, что во всѣхъ общественныхъ смятеніяхъ прежде всего обращаютъ вниманіе на мелочи, на дерзкіе взгляды, скупые поклоны. Часть этихъ жалобъ г-жи

Челищевой относилась, повидимому, къ тѣмъ же собственнымъ крестьянамъ изъ села Первушина, благомыслію которыхъ она только-что защищала. Впрочемъ и сама madame Челищева обнаруживала прогрессъ: она была готова и сама свернуть налегкѣ передъ крестьянами.

— Господи! — вырвалось у второго Челищева.—Хоть бы отъ правительства рѣшеніе вышло, выкупъ или что. Одинъ конецъ. Я бы отдалъ имѣніе и все, уѣхалъ бы въ Петербургъ, домъ купилъ бы.

— А мнѣ что дѣлать? — отозвался первый Челищевъ.— Другіе посылаютъ за военной силой, а я не могу. Батракамъ далъ прибавку. Косари пришли толпой съ косами, стали у крыльца, Анну Павловну до-смерти напугали,— далъ косарямъ по 80 копеекъ на день. Крестьяне пришли изъ села—убавилъ имъ аренду. А урожай плохой. Сей годъ о доходѣ не думаю, только бы убытковъ не было. Бросилъ бы все, уѣхалъ бы заграницу; дочери надо на воды ѣхать, докторъ велѣлъ, но инвентарь куда? 2,000 овецъ, сотня головъ скота,—съ голоду поморятъ.

— А имѣніе-то вѣдь еще при Михаилѣ Ѳедоровичѣ нашему предку дано, боярскому сыну Ванькѣ Челяку...

— Отдайте имѣніе въ охрану сельскому сходу, — посовѣтовалъ Чепурной,—цѣло будетъ.

— А что вы думаете, — ухватился Челищевъ за эту новую мысль.—Объ этомъ надо подумать .. Приказчику моему они велѣли уйти,—сообщалъ онъ дальше,—говорятъ: «Ты, грубая скотина, уйди добромъ». Теперъ я самъ за приказчика. Сталъ нанимать въ помощь одного изъ своихъ же крестьянъ. Грамотный мужикъ и толковый.—«Я,—говоритъ,— прежде стариковъ спрошу, разрѣшатъ ли».

— Я знаю, у нихъ бываютъ въ лѣсу сходы, — продолжалъ онъ задумчиво. — На послѣднемъ сходѣ приговорили меня не трогать и не жечь, кромѣ семи человѣкъ, которые не хотятъ подчиняться, все самые отчаянные люди А теперь опять пожаръ. Для поджога много ли надо, — одной спички довольно.

— Какъ они села не подожгутъ?—полюбопытствовалъ я.

— Они выбираютъ такое время, безвѣтренное,—объяснилъ

хозяинъ,—или чтобы вѣтеръ отъ села тянулъ А помогать ихъ не дозовешься. «Намъ,—говорятъ,—нужно собственныя избы оберегать». Напримѣръ, на хуторѣ Сорокинѣ былъ пожаръ. Пріѣхалъ земскій начальникъ. «Отчего вы не помогали, вы, должно-быть, подожгли»? Такъ они взъѣлись на него: «Когда баринъ горитъ, ты къ намъ съ привязкой. А когда наше село горѣло четыре раза, отчего ты не ѣздилъ къ барину, не говорилъ: Ты поджегъ?... Пошелъ отседова!».

— Наши имѣнія перестали въ страховку брать, — сообщилъ Челищевъ.—Теперь сожгутъ,—нищимъ останешься.

Эти напуганные землевладѣльцы, готовые все бросить и уѣхать на теплыя воды за границу, представляли какъ бы противовѣсъ моей завтрашней перспективы. Ибо на завтра мнѣ предстояло посѣтить село Покоренное, гдѣ землевладѣльцы являлись воинствующей и побѣдоносной стороной.

III.

Крамаевка.

Наша «явка» въ Крамаевкѣ была прямо въ сельское управленіе, къ старостѣ. Мы однако не поѣхали прямо. Сначала, передъ въѣздомъ въ село, мы подвязали колокольчикъ, потомъ заѣхали въ почтовую избу на другомъ концѣ села, а ужъ оттуда пошли пѣшкомъ въ управленіе. Признаюсь, въ то время всѣ эти предосторожности казались мнѣ излишними и даже немного театральными. Мнѣ представлялось, что мы играемъ въ какихъ-то заговорщиковъ на мирномъ деревенскомъ привольѣ. Балашовскій приставъ Сахаровъ заставилъ меня потомъ перемѣнить свое имѣніе и убѣдиться въ реальности угрозъ, тяготѣющихъ въ русской деревнѣ надъ каждымъ простымъ статскимъ человѣкомъ.

Староста былъ высокій, рыжій мужикъ Лицо у него было мрачное, суровые глаза, широкія скулы и скудная растительность на щекахъ. Все вмѣстѣ не было лишено тяжелой и своеобразной красоты. Это лицо почему-то показалось мнѣ уже знакомымъ.

— А я гдѣ-то васъ видѣлъ,—не удержался я,—но только не помню гдѣ...

— Не знаю,—протянулъ староста сомнительно.—Мы изъ Мордвовъ...

Я внезапно понялъ свое впечатлѣніе. Мнѣ приходилось уже встрѣчать такія тяжелыя мордовскія лица среди «сознательныхъ» крестьянъ на нижней Волгѣ. На всероссійскомъ съѣздѣ учителей народный учитель-мордвинъ выдавался своимъ суровымъ краснорѣчіемъ, и каждое слово его падало, какъ

ударъ молота. Лицо этого учителя было чрезвычайно похоже на лицо спдѣвшаго передо мной мордовскаго старосты. Южная мордва вообще сильно отличается отъ сѣверной Она составилась изъ разбойничьихъ шаекъ и бродячей вольницы, осѣвшихъ потомъ на мѣстѣ, и до сихъ поръ обладаетъ безпокойнымъ духомъ.

— Мордва выдумчива,—говорятъ про нее русскіе сосѣди, и даже грамотность этой мордвы выше нормальнаго уровня русской деревни

— Ну, какъ у васъ дѣла? — задаю я первый обычный вопросъ

— Да что,—угрюмо говоритъ староста,—вьявѣ покорился народъ... Ну, а ужъ изъ-подъ руки чего будетъ,—онъ дѣлаетъ широкій жестъ,—только держись!..

— Нашей сознательной партіи еще не очень много, человѣкъ за сто однако будетъ А другіе тоже тутъ, но еще не упрограммились, теперь доходятъ...

— А черная сотня есть у васъ?—спросилъ я подъ впе чатлѣніемъ вчерашнихъ жалобъ.

Староста поднялъ огромный кулакъ и медленно покачалъ имъ въ воздухѣ.

— *Какіе* у насъ черныя сотни! .—сказалъ онъ выразительно.—Мы имъ такую самотряску .

— Жалко, теперь рабочее время,—сказалъ староста,—народъ на полѣ . Я, впрочемъ, пошлю за рѣку и къ кузнецамъ. Соберемъ кое-кого.

Мы объяснили, что можемъ оставаться въ Крамаевкѣ не болѣе двухъ или трехъ часовъ

— Ну, такъ я позову дѣда Лазаря Онъ здѣсь у насъ Изъ Хрѣновки пришелъ. Хрѣновка и Крамаевка были два парныя села, лежавшія другъ противъ друга черезъ рѣку. Одно изъ нихъ совершило «нарушеніе правъ», но покоренію, въ виду его спѣшности, подверглись вмѣстѣ оба села.

Черезъ минуту за дверью послышались кашель и шарканье лаптей, и въ комнату вошелъ дѣдъ, старый, загорѣлый и сморщенный, какъ-будто вырубленный изъ коричневаго древеснаго пня. Впрочемъ, держался онъ довольно бодро. Голова у него была косматая, словно вся поросла спутаннымъ

сѣрымъ мохомъ, и маленькіе глазки сверкали изъ-подъ сѣдыхъ бровей, нельзя сказать, чтобы весьма дружелюбно

— Чего тамъ?—ворчалъ онъ, усаживаясь на лавку.—Поди и этотъ смѣяться станетъ. Стаканники!..

— Какіе стаканники, дѣдушка?—спросилъ я, заинтересовавшись этимъ новымъ терминомъ.

Дѣдъ Лазарь коротко засмѣялся.

— Я ихъ все стаканниками называю,—сказалъ онъ,—которые съ пуговицами или при бляхѣ. Больно они охочи чужое вино стаканами пить, отъ послѣдняго сельскаго до самаго что ни на есть...

— А кто же надъ тобой смѣялся, дѣдушка?—спросилъ я.

— Тяжбится наше общество объ лугѣ съ барином Крошинымъ,—началъ дѣдъ.

— Этотъ Крошинъ будетъ Матвѣй Филиппьевичъ, а отецъ его — Филиппъ Матвѣевичъ, а дѣдушка опять Матвѣй Филиппьевичъ. Такъ этотъ допрежній Матвѣй у нашего общества закосилъ лугъ. Тому прошло 60 лѣтъ невступно. Закосилъ и только. Ничего подѣлать не могли. Тогда, самъ знаешь, суды были тихіе. Теперь, какъ пошло въ народѣ безпокойство, стали наши общественные барина скучить: «Отдай лугъ назадъ!» Пріѣзжаетъ къ намъ все начальство. «Есть ли у васъ бумаги, документы, напримѣръ?»—«Документовъ, говорятъ, нѣту, а есть свидѣтели-старички, которые помнятъ: Лазарь Косой, это я то-есть, да Фифа Антипьевъ».

— А тебѣ сколько лѣтъ, дѣдушка?—полюбопытствовалъ я.

— Я-то еще не столько старъ,—сказалъ дѣдъ Лазарь,—мнѣ семьдесятъ девять лѣтъ, а Фифѣ въ позапрошломъ году сто минуло. Когда волю давали, у него ужъ внуки были... Но только я рѣчистѣе,—прибавилъ онъ просто.—А баринъ говоритъ: «Они слабоумные, чего ихъ и слушать». А я ему отвѣтъ далъ: «Если я слабоумный, давай на пятьсотъ рублей объ закладъ биться. Вынимай деньги. Буде я не сосчитаю,—вся ваша правда. А буде я пересчитаю, да въ карманъ положу, и ты тогда походи за мной».—А нашъ-то воинъ, земскій начальникъ, говоритъ: «На что самоуправничать, отчего вы не жаловались?»...—«Кому, говорятъ, жалиться. Къ

тебѣ двери открыть—четвертной билетъ, закрыть—сотельная. У насъ, мужиковъ, кишокъ не хватитъ». Такъ прямо и сказали, да.

Я не имѣлъ времени продолжать свои разспросы. За окномъ раздался звонъ колокольчика, очевидно, болѣе смѣлаго, чѣмъ нашъ, и черезъ минуту въ избу вошелъ урядникъ съ пакетомъ въ рукахъ и съ шашкой черезъ плечо Впрочемъ, ни староста, ни мой спутникъ не выказали особаго смущенія Оба были люди мѣстные и поздоровались съ урядникомъ за руку, какъ старые знакомые. Только дѣдъ Лазарь насупился и даже отодвинулся отъ стола.

Урядникъ имѣлъ особенно молодцеватый видъ. Лицо у него было открытое, насмѣшливое, маленькая рыжеватая бородка и въ лѣвомъ ухѣ серебряная серьга, похожая на круглую заклепку.

— А, старый смутьянъ,—обратился онъ къ Лазарю,—все ходишь.

— Извольте видѣть, этакіе старые огарки всю бѣду сочинили. Что было при царѣ Горохѣ, все вспомнили. «Онъ, говорятъ, тогда самоуправно закосилъ,—это за шестьдесятъ лѣтъ, — надо и намъ такожъ, для права владѣннаго». Пріѣзжаетъ его высокородіе, господинъ исправникъ, они косятъ .. Чго, неправду я говорю? —обратился онъ къ Лазарю.

Старикъ молчалъ.

— У, нераскаянность!—засмѣялся урядникъ.—Что, спрашивалъ у мужиковъ, налущили имъ? Чешутся у нихъ спины?..

— У мужиковъ не чешутся,—хмуро сказалъ дѣдъ Лазарь,— они съ кольями были. Налущили-то бабамъ да старикамъ, да одного дитенка потоптали.

— Слышите?—отнесся ко мнѣ урядникъ.—За такую ихнюю нераскаянность перво на перво забрали у нихъ на покосѣ двухъ лошадей, увели на барскій дворъ. Они шумъ сочинили. похватали косы, пали верхомъ, погнались за тарантасомъ — «Стой,—кричатъ,—все равно не уйдешь».—Заскакали впередъ. — «Выходи, говорятъ, пріѣхали .. Сейчасъ молъ съ спхъ мѣстъ посылай стражника за нашими лошадьми». А Ванька Кудлатый кричитъ исправнику: «Хочешь я тебѣ вилками брюхо

пропорю?»—Насилу отняли у него. И даже бабы поучаствовали, сказали. «Видишь, какое у него пузо гладкое У нашего быка въ стадѣ такого пуза нѣтъ. Наѣлъ на нашихъ трешникахъ» .

— Что, хорошо это?..—прибавилъ онъ насмѣшливо укоризненнымъ тономъ, настойчиво обращаясь къ старику

Дѣдъ Лазарь упрямо тряхнулъ головой.

— Тоже кудлатый,—подмигнулъ мнѣ урядникъ на косматую гриву старика —Кудлатые заворушились!..

— Конечно, пришлось привезти имъ науку изъ города. Земскій начальникъ созвалъ ихъ на сходъ. Говоритъ «Снимите шапки». А они «Самъ прежде сними. Ты одинъ, а насъ много». Тутъ баринъ Крошинъ заговорилъ съ ними: «Братцы! Будемъ по-братски!»... А передній отозвался: «Какой ты мнѣ братъ! У тебя земли не объѣхать, а у меня только подъ избой» —«Ахъ ты!.. Арестовать его!» .. Ночью зачинщиковъ перехватали, тринадцать человѣкъ. На утро посадили ихъ на подводы, повезли. Восемь человѣкъ убѣгли Прибѣжали въ Хрѣновку, опять сочинили шумъ. Кричатъ «Идемъ отбивать нашихъ братей!»

— Что же вы думаете: побѣгли съ кольями, догнали. Говорятъ имъ драгуны: «Не лѣзьте», а они прутъ. Тутъ ихъ, конечно, пощелкали кнутиками. Изъ ихней партіи стали кричать къ драгунамъ. «Зачѣмъ насъ обижаете? У самихъ небось старики не ѣвши сидятъ!» А унтеръ говоритъ. «За своими смотрите! Не вашъ ли высокій, красноглазый, ночью принесъ списки, кого хватать»...

Староста во все время этого страннаго разговора держался въ сторонѣ и молчалъ. Но при этихъ словахъ урядника лицо его внезапно исказилось судорогой неумолимой ненависти.

— Что, кумъ, морщишься? — наметанный взглядъ урядника немедленно подхватилъ на-лету выраженіе его лица.— Не любишь?

— Вѣрите,—обратился онъ ко мнѣ,—у того красноглазаго уже сожгли ригу и полдвора... Гадина мужикъ, чертъ съ нимъ.

Староста опять помолчалъ.

— Можетъ и ваша правда, кумъ, — заговорилъ онъ не-

спѣшно.—Только одного я не понимаю. Хрѣновскіе сочинили шумъ. А крамаевскіе при чемъ? Ихъ за что щелкали?

— Гдѣ тутъ разбирать,—безпечно возразилъ урядникъ.— Пускай не попадаются по дорогѣ. Потомъ, должно-быть, всѣхъ разберутъ,—прибавилъ онъ въ утѣшеніе.

Мнѣ вспомнилось изреченіе католическаго монаха, сказанное еще во время албигойскаго похода. «Бей всѣхъ кряду. На томъ свѣтѣ Господь разберетъ, кто правъ, кто виноватъ».

— И то сказать, — сентенціозно заключилъ урядникъ,— со смутьянами рядомъ живете, какъ самимъ смутьянами не прослыть...

— Все-жъ-таки они пообмякли,—продолжалъ разсказывать урядникъ — Какъ увезли зачинщиковъ въ другой разъ, больше двадцати человѣкъ, его высокородіе господинъ исправникъ опять созвалъ сходъ, однихъ стариковъ. Проморилъ ихъ часа четыре, потомъ вышелъ да какъ крикнетъ: «Становитесь на колѣни!» Они послушали, встали. «Пѣтъ, говоритъ, не прощу, ни за что не прощу». Да еще цѣлый часъ продержалъ ихъ на колѣняхъ.

Дѣдъ Лазарь низко опустилъ свою косматую голову.

— А господинъ земскій начальникъ говоритъ: «Окружить бы ихъ со всѣхъ сторонъ да перепполосовать всѣхъ кряду, тогда поумнѣли бы». А исправникъ говоритъ: «Я не могу васъ простить, а идите къ своему барину, станьте на колѣни передъ его крыльцомъ. Если онъ проститъ, то и я прощаю». Нечего дѣлать, пошли, стали на колѣни, стояли, стояли... Вышелъ Матвѣй Филиппьевичъ, стали торговаться. Онъ говоритъ: Что взяли, привезите мнѣ обратно». А они отговариваются.

«Если такъ, — говоритъ,—то въ уплату за сѣно уберите мой хлѣбъ и траву, сколько осталось, скосите и свозите. Такъ, говоритъ, никому убытку не будетъ. У васъ, вѣдь, трудъ не купленный, еще сѣно вамъ даромъ осталось».

— Теперь и жнутъ и косятъ, потомъ повезутъ, — закончилъ урядникъ.

— Повезутъ,—подтвердилъ Лазарь,—только на чьи дворы,—вотъ въ чемъ разговоръ.

— Баринъ изъ части передумалъ,—сообщилъ староста,—

половину хлѣба со счета сбросилъ Теперь легче стало. Сѣно его тоже рублей триста стоило. — Онъ какъ-будто искалъ утѣшенія въ этомъ расчетѣ уменьшенныхъ убытковъ отъ предпріятія хрѣновскихъ «смутьяновъ»

— Нѣтъ, ты скажи,—снова началъ урядникъ, обращаясь къ Лазарю,—что вы о себѣ помышляете? Такая сила стоитъ, можно сказать, башня вавилонская, а вы что можете подѣлать противъ ней? Жалко васъ, слѣпые вы люди.

Лазарь внезапно поднялся съ мѣста и подошелъ къ порогу

— Гришутка,—крикнулъ онъ, пріотворивъ дверь.—Подика сюда, дай книжку-то, что даве читали

Черезъ минуту дѣтская рука, принадлежавшая, должно-быть, мальчику лѣтъ 10-ти, просунула въ дверь тоненькую истрепанную листовку и тотчасъ же исчезла. Гришутка стѣснялся войти въ комнату къ большимъ. Лазарь со сосредоточеннымъ видомъ принесъ книжку и положилъ ее на столъ.

— Прочитай-ка чего написано, — пригласилъ онъ урядника

Это было одно изъ изданій «Посредника» И въ видѣ девиза на заглавномъ листкѣ было выведено. «Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ»

На столѣ появился самоваръ и даже бутылка водки Староста молча налилъ три большія рюмки Въ отношеніяхъ этихъ людей не все для меня было одинаково ясно Староста и урядникъ называли другъ-друга кумовьями Въ рѣчахъ урядника рядомъ съ насмѣшкой и укоризной проскальзывали своеобразныя соболѣзнующія нотки, и даже самъ «старый смутьянъ» Лазарь, хотя хмурился, но не прекращалъ разговора и не уходилъ прочь

Урядникъ съ видимымъ удовольствіемъ выпилъ первую рюмку, спутникъ мой сдѣлалъ то же самое Я отказался наотрѣзъ, и моя рюмка перешла къ старому Лазарю, который послѣ нѣкоторыхъ отнѣкиваній не устоялъ противъ соблазна Староста ничего не пилъ, но немедленно налилъ опустѣвшія рюмки.

Послѣ четвертой рюмки урядникъ перешелъ съ насмѣшливаго тона на меланхолическій.

— Живите, какъ знаете,—бормоталъ онъ,—красные ваши пѣтухи и куры. Мое дѣло низенькое, мое дѣло—сторона!

Странно было слышать такія низенькія рѣчи отъ этого высокаго, виднаго человѣка.

Старикъ неожиданно всхлипнулъ.

— Внучка жаль,—сказалъ онъ въ объясненіе,—Петюшку... Что онъ теперь дѣлаетъ!..

— Ничего ему не станется,—утѣшалъ его урядникъ.—Мѣсяцъ отсидитъ, такой же выйдетъ Еще растолстѣетъ на даровыхъ хлѣбахъ

Дѣдъ Лазарь горестно качалъ головой.

— Мнѣ говорятъ, зачѣмъ служишь,—заговорилъ урядникъ о своемъ,—а куда я пойду? Кто меня возьметъ? Въ головѣ у меня немного, только руки крѣпкія да грудь, а жалованье доброе, почетъ, водка...

Онъ на мгновеніе улыбнулся своей прежней насмѣшливой улыбкой. Угощеніе, повидимому, имѣло въ виду не только родственное радушіе, но также и общественное положеніе гостя.

— Еще, говорятъ, опасно,—продолжалъ урядникъ,—а по-моему за такія деньги даже мало. Вы возьмите, напримѣръ, на заводѣ: слесарь каждый день лазіетъ въ котелъ, заклепки набиваетъ, за двадцать рублей. Подвергаетъ свою жизнь опасности, смерть у него, можно сказать, на носу. А мнѣ что?.. Глупости все!..

Этому разсужденію нельзя было отказать въ логичности. Оно показывало только, какъ въ сущности мало значенія имѣетъ чувство страха на этомъ жестокомъ, слѣпомъ, кровавомъ, войнолюбивомъ свѣтѣ.

Старикъ Лазарь охмѣлѣлъ. «Умирать пора,—заявилъ онъ внезапно.—Пожили, довольно»...

— Поживи съ нами еще, дѣдушка, — упрашивалъ урядникъ такимъ тономъ, какъ-будто возможность продолжить свое существованіе на бѣломъ свѣтѣ всецѣло зависѣла отъ доброй воли старика

— Эхъ, Иванъ Петровъ,—возразилъ старикъ снова,—умирать не страшно. А только предъ смертью хотя бы я одинова кому-нибудь трехрожки въ мягкое всадилъ.

Староста усиленно пилъ чай и молчалъ. Рядомъ съ этой разнокалиберной компаніей онъ выглядѣлъ, какъ будто часовой, который ожидаетъ своей смѣны, чтобы снова выйти на свѣжій воздухъ

4

Совѣщаніе въ Петровскѣ.

Засѣданіе экономическаго совѣта при земской управѣ открылось при довольно торжественной обстановкѣ. За столомъ сидѣли земцы, члены управы, гласные, въ томъ числѣ даже одинъ земскій начальникъ, два агронома, докторъ, ветеринарный врачъ. Кругомъ на стульяхъ и скамьяхъ размѣстились делегаты, уполномоченные отъ сельскохозяйственныхъ обществъ и просто приглашенные въ качествѣ свѣдущихъ людей. Повѣстки о засѣданіи были разосланы па спѣхъ и сначала управа опасалась малолюдства Кромѣ того, деревенская страда была въ полномъ разгарѣ и можно было предполагать, что часть приглашенныхъ поневолѣ останется дома. Тѣмъ не менѣе, опасенія эти не оправдались. Делегаты стали являться съ шести часовъ утра. Многіе были немытые, въ пыли, прямо съ дороги. Они получили повѣстки слишкомъ поздно и ѣхали всю ночь, чтобы попасть во-время на засѣданіе. Двое пришли пѣшкомъ за шестьдесятъ пять верстъ. Нѣсколько человѣкъ явились безъ приглашеній; они представляли полномочія и настойчиво просили допустить ихъ къ участію въ совѣтѣ.

Глубина залы была переполнена публикой. Впереди сидѣли мѣщане, нѣсколько кущовъ, аптекари. Группа земскихъ служащихъ стояла у дверей. Сзади толпились крестьяне. Ихъ было много, человѣкъ до двухсотъ. День былъ воскресный и половина базара, отторговавшись, вмѣсто того чтобы отправиться въ чайную, забралась сюда послушать, о чемъ будутъ говорить на совѣтѣ.

Въ залѣ было довольно темно и публику было плохо видно. Одинъ разъ въ заднихъ рядахъ произошло небольшое смятеніе, но оно тотчасъ же улеглось. Я послѣ узналъ, что смятеніе произвелъ гороховый спектръ, проникшій вслѣдъ за толпой въ открытыя двери. Судя по описанію, это былъ наивный провинціальный призракъ «явно секретнаго» вида. Довольно сказать, что изъ подъ штатскаго пальто у него выглядывали синіе суконные штаны съ форменнымъ кантомъ Недвусмысленный ропотъ его сосѣдей заставилъ его тотчасъ же очистить позицію и возвратиться вспять

Зато фигуры уполномоченныхъ ясно выступали предъ нами по тремъ сторонамъ стола. Почти всѣ были одѣты довольно бѣдно У многихъ сапоги были съ изъяномъ и одежда въ заплаткахъ. По деревенскому опредѣленію — Тѣ, что съ дырками,—хулиганы. А «сознательные» изъ тѣхъ, что съ заплатками —Молодежь щеголяла въ короткихъ пиджакахъ и бѣлыхъ косовороткахъ съ кожанымъ поясомъ, что составляетъ посильное народное подражаніе бѣлымъ воротничкамъ культурныхъ классовъ. Руки у нихъ обросли мозолями и были тверды, какъ желѣзо. Ихъ щеки были обвѣтрены и шеи сожжены дотемна отъ работы подъ солнцемъ и открытымъ небомъ. За то лица у нихъ были молодыя, славныя; открытые взгляды, полные пробужденнымъ сознаніемъ и напоминавшіе учащуюся молодежь Не даромъ молодое крестьянство настойчиво называетъ себя «сознательной партіей».

Большинство уполномоченныхъ все-таки принадлежало къ среднему возрасту. У нихъ были широкія бороды, нерѣдко подернутыя просѣдью, суровые глаза и лобъ въ морщинахъ.

Предсѣдатель земской управы открылъ собраніе. Изъ всѣхъ присутствовавшихъ здѣсь «господъ» это былъ безспорно самый замѣчательный. Богатый землевладѣлецъ и безкорыстный народникъ, Александръ Петровичъ Челищевъ, въ теченіе всей своей сорокапятилѣтней жизни не имѣлъ никакого другого интереса, кромѣ земской работы и культурнаго роста деревень. Александръ Петровичъ былъ тщедушенъ, хилаго здоровья и не имѣлъ семьи и никакой личной жизни. Какъ многіе другіе, онъ началъ свою карьеру съ искапія подвиговъ Для этой цѣли двадцать пять лѣтъ тому назадъ онъ бросилъ свое

имѣніе и уѣхалъ въ Новгородскую губернію народнымъ учителемъ, въ глухой деревнѣ и на пятнадцати-рублевомъ жалованьи. Въ первые шесть мѣсяцевъ ему пришлось вынести много нападокъ и назойливыхъ приставаній. У Александра Петровича былъ и остался тихій голосъ и неистощимо кроткій нравъ, а начальство въ деревнѣ, какъ водится, было грубое. Потомъ ближайшее начальство узнало объ имущественномъ цензѣ бѣднаго учителя. Начался періодъ лести, смѣнившійся опасливымъ наблюденіемъ. Раньше первой годовщины явилась отставка, и Челищеву пришлось ѣхать обратно. Съ тѣхъ поръ Александръ Петровичъ работалъ преимущественно въ предѣлахъ родного округа и опираясь на свое независимое матеріальное положеніе. Онъ былъ очень популяренъ среди крестьянъ, и его ровный и корректный характеръ внушалъ уваженіе даже буйнымъ охранителямъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ и черносотенныхъ мелкихъ торговцевъ.

Я съ интересомъ ожидалъ начала преній. На очереди для обсужденія стоялъ вопросъ о кооперацiяхъ,—о пользахъ и нуждахъ сельско-хозяйственныхъ, кредитныхъ и сберегательныхъ обществъ Петровскаго уѣзда. Въ послѣдніе десять мѣсяцевъ мнѣ пришлось присутствовать на многихъ интеллигентныхъ собраніяхъ. Нѣкоторыя хватали быка за рога и прямо переходили къ новому вопросу, другія, смотря по обстоятельствамъ времени и мѣста, начинали плясать менуэтъ отъ довольно далекой печки. Помнится, было одно собраніе духовыхъ музыкантовъ, которое отъ вопроса о кларнетахъ перешло къ свободной композиціи, а потомъ уже къ четырехчленной формулѣ. Мнѣ было любопытно наблюдать, насколько спѣлись между собой эти простонародные ораторы и какъ они разыграютъ свою очередную симфонію.

Предсѣдатель сказалъ только нѣсколько словъ, а изъ числа деревенскихъ делегатовъ записались уже десять человѣкъ. Это былъ ихъ день, они торопились высказаться, и не хотѣли ждать ни минуты.

Первый ораторъ, дѣйствительно, заговорилъ о пользѣ кооперацiи:—Разумные люди должны жить въ складку и помогать другъ другу. Одинокое поле ржа выѣстъ. Надо намъ

заводить побольше обществъ и отбиваться отъ притѣснительства купцовъ...

Но въ слѣдующей рѣчи уже стали прорываться характерныя бытовыя ноты.

— Общество мы завели, а собираться не можемъ,—жаловался ораторъ — У нашихъ враговъ мы, какъ бѣльмо на глазу Распускаютъ про насъ развратные слухи, обзываютъ насъ дѣтьми сатаны.

Священникъ урекаетъ: «смотрите, это латинство какое-то зашло, что-то иностранное!» Отчасти вмѣсто слова Божія говорятъ про насъ проповѣдя! Къ примѣру, я одну на бумажку списалъ:—Завелись люди, которые зачитались до безумія и въ своемъ сумасшествіи говорятъ разныя глупости, что будто не нужно бояться старшинства. Вы отъ нихъ избѣгайте, молю васъ, не ради выгодъ моихъ, а ради спасенія вашихъ душъ отъ геенны огненной. Вотъ они говорятъ, что попы у васъ просятъ. Какое имъ дѣло, не ихъ грѣхъ, да и не вашъ, а поповъ. Потому въ писаніи сказано. «Если кто сниметъ съ тебя ризу, отдай ему и рубашку», а значитъ, если попъ проситъ пятерку, ты по закону долженъ дать ему десятку, а грѣхъ не твой, а поповъ»...

Первыя волны пробѣжали по собранію. Молодой человѣкъ съ сердитымъ лицомъ и горящими глазами вскочилъ съ мѣста.

— Я учитель грамоты въ моемъ родномъ селѣ, — быстро заговорилъ онъ,—научите, какъ мнѣ жить! Кричатъ на меня, топаютъ ногами Запкнешься словомъ,—«молчать, не разсуждать!» Намедни, далъ я мальчику книжку, философа Эпиктета. Стражникъ ее отобралъ. — «Эта книжка не дозволенная!.. вотъ сказано: не покланяйся тельцу!» — «Ну такъ что же, говорю, это хорошо, дай Богъ всѣмъ!—Нѣтъ, говоритъ, какой телецъ, можетъ, это укоръ церкви?.. Или, говоритъ, никого не нужно бояться. Это значитъ и полиціи не нужно бояться» ..

Предсѣдатель звонитъ въ колокольчикъ, требуя соблюденія очереди.

— Господи,—выкрикиваетъ учитель,—когда уберутъ это мучительство? Поступаютъ съ нами, какъ въ завоеванной странѣ...—Голосъ у него дрожитъ, руки сжимаются. Онъ

принадлежитъ къ составу новой деревенской интеллигенціи, которая всплываетъ на поверхности крестьянства въ послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ. Эти люди терпятъ двойное гоненіе, и какъ податныя единицы, и какъ строптивые козлища, и жизнь для нихъ стала совершенно невыносимой.

Слѣдующій очередной ораторъ начинаетъ съ самообвиненія.

— Можно ли намъ заводить общества, — спрашиваетъ онъ,—мы живемъ въ невѣжествѣ, въ разноту. Общества наши распадаются отъ нашей темноты. Другъ другу нѣтъ довѣрія Только оснуютъ, годъ простоитъ и развалится. Одинъ другому на руки смотритъ .

— Мы упущенные, опозданные люди,—заключаетъ онъ — Надо хоть молодежь просвѣтить, чтобы не были такіе тумаки, какъ мы

Этотъ ораторъ затронулъ первое больное мѣсто современной деревни,—недостатокъ образованія Нѣсколько человѣкъ въ разныхъ углахъ залъ требуютъ слова.

Зачѣмъ заграждаютъ намъ науку?—кричитъ маленькій лысый человѣкъ съ нервнымъ лицомъ —Я дѣтей своихъ ненавижу, за то что они невѣжи .

— Зачѣмъ ограничиваютъ программу,—кричатъ въ другомъ углу, — пусть будетъ ограничено въ меньшемъ, а не въ большемъ. Что больше, за то спасибо наше...

— Другимъ людямъ можно книжки читать. Насъ крестьянъ усчитываютъ на книгахъ. Чего они боятся, Богъ ихъ знаетъ. Даютъ намъ пустяки, сказки ..

— Сдѣлать постановленіе,—предлагаютъ съ разныхъ сторонъ.—Религія свободна, свобода цензуры... *Слобод* слова и печати.

Они произносятъ не совсѣмъ правильно, но это ничему не мѣшаетъ. Выразительность терминовъ и лозунговъ оттого нисколько не уменьшается. Въ ихъ сердцахъ слишкомъ много страсти, въ настроеніи электричества, а въ сердцѣ негодованія.

— А какъ намъ учиться? — снова заявляетъ лысый — Только кулакъ, если зашибетъ сотню или двѣ, начнетъ эксплуатировать, то и учитъ своихъ дѣтей. А крестьянину бѣда. Даже керосину нѣтъ, чтобы заняться мальчику...

Старшина мордовскаго села Кашмасъ, высокій, рыжій, съ лохматой бородой, возвращается къ кооперации и попутно задѣваетъ новую тему.

— Кооперации вещь хорошая, — говоритъ онъ, — но гдѣ ихъ примѣнять.

— У меня надѣлъ одна десятина въ восьми разныхъ мѣстахъ, по двѣ съ половиной сажени Гдѣ тутъ ворочаться? Надо, чтобъ вся земля была въ кучкѣ Надо прибавить намъ земли, полегчить народъ.

— Зачѣмъ мнѣ общественная лавка,—разсуждаетъ мордвинъ,—когда купить не на что. Денегъ у меня полтинникъ, не стоитъ лавку заводить Если плугъ пріобрѣсть, что имъ пахать?—земли нѣтъ. За что ни хватись . Банкъ завести, изъ банку брать будемъ, а отдавать чѣмъ? Не оттого ли происходятъ всякіе *аргарные* безпорядки?. —Онъ произноситъ *аргарные* вмѣсто *аграрные*.—Если у насъ не будетъ увеличенія земли, никакія кооперации не помогутъ...

Начинается вавилонское столпотвореніе. Мордвинъ задѣлъ за самую чувствительную струну.

Лысый делегатъ быстро протискивается къ столу. Онъ дождался своей очереди въ наиболѣе подходящую минуту и теперь онъ можетъ говорить, не опасаясь предательскаго колокольчика.

— Я практикантъ жизни,—начинаетъ онъ —Я человѣкъ трезвый Никто не скажетъ, что я развратно живу. Каждую копейку завязываю въ девять узловъ. Что подѣлаешь? Мой отецъ понималъ, что неученые больше уважаютъ родителей, а мы понимаемъ, что наши дѣти одубѣютъ, какъ и мы одубѣли. А какъ ихъ исправить? Я чѣмъ живу, все изъ лавочки таскаю. Надо заработать четвертакъ, это стоитъ трудовъ. Пока рубль добуду, а дыра на полтора. Такъ я завертѣлся, заведу какихъ-нибудь курешекъ пятокъ, а яички другому продаю. Самъ кушать не могу, въ царствіи небесномъ покушаю. Недоимка на мнѣ, начальство теребитъ, а платить нечѣмъ. Такъ я кружусь, голову теряю. Дѣти мои на меня негодуютъ. Потому щи постныя, вода особо, квасъ особо, капуста особо, а заправить нечѣмъ. Гдѣ свинья лежитъ, тутъ мы тюрю хлебаемъ Если каша уродится, такъ

она безъ масла. А масло на базарѣ. А намъ снятое молоко хуже воды. Вѣчно гадаемъ, абы только свести конецъ съ концомъ.

Лысый говоритъ безъ конца. Въ рѣчи его проскакиваютъ все новые образцы и житейскіе примѣры. Наконецъ, другіе начинаютъ роптать. Они тоже хотятъ говорить.—Пусть примутъ мѣры,—заканчиваетъ лысый.—Я вполнѣ увѣренъ, что если такъ останется, то вся Россія пойдетъ врозь.

Слово переходитъ къ делегату села Супровскаго. Это высокій мужикъ съ умнымъ взглядомъ и рѣшительнымъ выраженіемъ лица.—Русская земля стоитъ на трехъ китахъ, начинаетъ онъ, — голодъ, невѣжество, безправіе. Всѣхъ страшнѣе третій китъ... Надъ нами гнетъ хуже татарскаго ига. Ни одинъ жомъ на маслобойномъ заводѣ не давитъ такъ. У насъ прежде было меньше полиціи, а порядокъ устройства былъ получше. Теперь насъ затянули, какъ тугую супонь. Позавидовали нашему нищенскому куску, суму забрали и веревочку оторвали. Какъ теперь жить, все намъ запрещено. Только одно дозволено: дѣтей плодить, нищихъ. Лучше бы то запретили...—

Во всѣхъ концахъ залы подымается необычайный шумъ. Предсѣдательскій колокольчикъ безсиленъ. Одинъ прелагаетъ одно, другой другое. Лысый говорунъ предлагаетъ перенести обсужденіе всѣхъ вопросовъ на сельскіе сходы.—Мало этого,—заявляетъ нестарый мужикъ угрюмаго вида, до сихъ поръ державшійся на заднемъ планѣ. — На сельскомъ сходѣ участвуютъ люди старые, которые прожили свою жизнь и думаютъ только о могилѣ и о царствіи небесномъ. Для молодыхъ людей тамъ нѣтъ мѣста. Тысячи людей просыпаются отъ шелеста вѣтра. Новое вино надо вливать въ новые мѣхи, надо устроить новое крестьянское общество... Я былъ мальчикомъ, думалъ учиться, но не вышло по-моему. И я сказалъ себѣ: Болото меня стало засасывать. Я останусь въ этой тинѣ и сглажусь. Но въ пятнадцать лѣтъ люди перемѣнились. Весной пахнуло на нихъ. Мы дадимъ возможность этому новому народу выйти изъ желѣзныхъ рамокъ. Пусть Петровское земство будетъ повивальной бабкой нашего новаго союза.

Шумъ увеличивается. Всѣ говорятъ, говорятъ Лысый делегатъ требуетъ слова уже въ восьмой разъ. — Садись— кричатъ ему протестующіе голоса.—Господинъ предсѣдатель, пусть онъ перестанетъ.—Предсѣдатель звонитъ въ колокольчикъ и объявляетъ перерывъ.

Нѣкоторые изъ интеллигентныхъ членовъ совѣщанія чувствуютъ себя не совсѣмъ ловко. Они похожи на курицу, высидѣвшую утиныя яйца. Страсти собранія слишкомъ разгорѣлись. Эти люди заговариваютъ объ умѣренности и начинаютъ вырабатывать рядъ среднихъ «пріемлемыхъ» постановленій.

Въ дешевой чайной напротивъ собрались всѣ главные ораторы собранія. Они тоже вырабатываютъ рядъ постановленій и вкладываютъ въ ихъ редакцію все свое возбужденіе. Собраніе открывается черезъ два часа. Лидеръ умѣренной группы взываетъ къ разсудительности и предлагаетъ принять «практическую формулировку».

Начинаются новыя пренія. Къ изумленію «умѣренныхъ интеллигентовъ» нѣкоторые изъ самыхъ яркихъ ораторовъ собранія, перейдя на практическую почву, стали весьма осторожны. Близкій товарищъ неукротимаго учителя грамоты заявляетъ, что считаетъ необходимымъ существованіе консервативной партіи. Изъ равновѣсія двухъ партій создается государственная жизнь. Супровскій делегатъ отстаиваетъ выкупъ помѣщичьей земли.— Нельзя безъ выкупа, доказываетъ онъ, — помѣщики намъ тоже не виноваты. Будущее народное собраніе должно это предусмотрѣть —

Группа, засѣдавшая въ чайной, предлагаетъ заслушать свой проектъ формулы. Его мотивировка написана тѣмъ же красивымъ, сильнымъ, оригинальнымъ, образнымъ языкомъ, какимъ говорили деревенскіе делегаты.

— Мы родились и воспитались въ крестьянствѣ, никакихъ промысловъ, кромѣ земледѣлія, не знаемъ и не въ силахъ вести, такъ какъ для этого у насъ нѣтъ капиталовъ.

— Земледѣліе должно насъ кормить. Оно должно дать намъ возможность скопить копейку на черный день, на голодный годъ, или когда придется свадьбу сыграть, или сына въ солдаты отдать. Съ нея же мы подати платимъ, свое сельское начальство и судъ содержимъ, духовенству за требы даемъ,

церкви, больницы и школы строимъ, дороги содержимъ и что самое главное, косвенные налоги на своихъ плечахъ выносимъ Весь акцизъ на вино, спички, керосинъ, чай, сахаръ, собирается по большей части съ насъ Сотни миллионовъ рублей должны мы выжать изъ земли, чтобы удовлетворить государственныя нужды.

— Однако земли у насъ столько, что мы не въ силахъ жить на ней даже впроголодь. У крестьянъ нѣтъ выгоновъ для скота, нѣтъ сѣнокоса, нѣтъ лѣса для топлива, нѣтъ водопоевъ, нѣтъ никакихъ угодьевъ Всѣ угодья либо казенныя, либо удѣльныя, либо монастырскія, либо дворянскія и купеческія.

— Годъ отъ году становится все хуже жизнь, а дѣться некуда

— Мы пробовали посылать ходоковъ въ Сибирь, но тамъ всѣ лучшія земли принадлежатъ кабинету его Величества и казакамъ, почему заграждены для переселенцевъ Другія земли отводятся помѣщикамъ, которыми хотятъ обогатить Сибирь, какъ и Россію.

— Вотъ какъ живется намъ при малоземельи, но не лучше приходится намъ и отъ безправія. Надъ нами столько начальства, что мы на знаемъ подчасъ, кого больше бояться, Мы не знаемъ, кто именно и для чего ихъ столько поставилъ, но видимъ, что начальниковъ надъ нами больше, чѣмъ надзирателей надъ арестантами въ тюрьмѣ. Точно мы, крестьяне такіе большіе преступники!.. Всѣ начальники на насъ кричатъ, ругаются, грозятъ тюрьмой, плетью, нагайкой и воинской силой. Законъ у нихъ одинъ: палка. Въ обращеніи къ намъ у нихъ имѣется одно только ласковое слово дай.

— Земскій начальникъ и становой, исправникъ и губернаторъ, даже наше выборное начальство, старшины и старосты, даже священники, призванные быть пастырями церкви Христовой, и они измываются надъ нами, потому что нашей мірской воли нѣтъ надъ нами никакой. Вся воля въ рукахъ чиновниковъ и высшихъ сословій.

— Мы строимъ школы, тратимся на нихъ, чтобы научить нашихъ дѣтей. Мы хотимъ, чтобы наши дѣти черезъ школу узнали, гдѣ правда, но чиновники назначаютъ намъ учителей

противъ нашего желанія, которые забиваютъ ребятамъ голову всякимъ соромъ вмѣсто науки, запрещаютъ имъ читать хорошія книжки и хоронятъ отъ нихъ правду.

— Мы составляемъ изъ себя приходы церкви Христовой и по правиламъ вѣры имѣемъ право выбирать себѣ пастыря. Намъ же назначаютъ чужихъ священниковъ, которые берутъ съ насъ безбожные поборы, шпіонятъ за нами, смущаютъ насъ непотребными проповѣдями, сѣютъ смуту и соблазнъ, а мы не можемъ даже на нихъ пожаловаться

— Намъ запрещаютъ читать хорошія книги и газеты, даже и цензурныя

— Мы не знаемъ, куда идутъ собираемые съ насъ налоги, не знаемъ, кто и какъ ихъ расходуетъ, потому что предъ нами никто не учитывается Если же мы почему либо не угодили во время заплатить ихъ, надъ нами насильничаютъ.

— У насъ нѣтъ праваго суда. Когда же надъ нами чинятъ произволъ, то защитниковъ у насъ нѣтъ. Когда же мы рѣшаемся возстановить наши попранныя права, на насъ шлютъ войско, грозятъ смести насъ съ лица земли, бьютъ плетьми

— Бьютъ насъ наши же сыновья и братья, которыхъ мы съ воплями и стонами отрываемъ отъ семьи и посылаемъ для защиты отечества. Ихъ научаютъ бить своихъ кровныхъ, своихъ братьевъ, а защитить отечество отъ враговъ они не научены

— Такъ дальше продолжаться не можетъ. Мы находимъ необходимымъ высказаться по совѣсти, по Божьи, что порядки въ нашей землѣ нужно измѣнить

— Нужно, чтобы землей управляли не высшіе чиновники изъ высшихъ сословій, а выборные люди изъ всего народа.

— Всѣ, кому исполнилось гражданское совершеннолѣтіе, мужчина ли, женщина ли, какой бы вѣры кто ни былъ, какимъ бы языкомъ кто ни говорилъ, должны выбирать изъ себя уполномоченныхъ для управленія землей. Выборщики должны быть всѣ равны, и богатый и бѣдный, и ученый и темный. Подавать голоса должны тайно шарами, или закрытыми конвертами, чтобы не было насилій и подкуповъ Выборные люди должны издавать равные для всѣхъ законы и слѣдить, какъ тратятся народныя деньги.

— Всѣ дѣла, которыя ведетъ теперь мѣстное начальство, должны быть переданы въ руки мѣстныхъ правленій, члены которыхъ будутъ избираться общимъ голосованіемъ и передъ народомъ учитываться.

— Постоянное войско надо распустить и замѣнить народнымъ ополченіемъ, для чего обязать каждаго мужчину изучать военную науку у себя дома, въ свободное отъ работъ время Мы думаемъ, что народное ополченіе въ случаѣ войны сумѣетъ защитить родину не хуже теперешней арміи

— Народу должно быть дано право собираться и свободно говорить обо всемъ, о дѣлахъ государственныхъ, общественныхъ и другихъ

— На книги, газеты и журналы не должно быть никакой цензуры, ибо отъ нея одинъ вредъ и затемнѣніе.

— Необходимо, чтобы за всѣ преступленія судилъ судъ присяжныхъ, а безъ суда чтобы не смѣли никого держать подъ арестомъ больше одного или двухъ дней.

— Нужно, чтобы подати съ народа собирались не такъ, какъ теперь, акцизомъ да пошлинами, да съ мужиковъ и бѣднаго народа Напротивъ, надо брать налогъ процентами чистаго дохода, и чѣмъ дохода больше, тѣмъ процентъ долженъ быть выше.

— Также всякій, кто получаетъ большое наслѣдство, пусть платитъ съ него большой налогъ, ибо онъ получилъ богатство, которое не зарабатывалъ

— Нужно, чтобъ не было никакихъ притѣсненій въ дѣлахъ вѣры и молитвы, ибо по ученію Христа не дѣло христіанскихъ людей преслѣдовать другихъ за вѣру.

— Точно такъ же въ нашей православной церкви священники и архіереи должны выбираться и смѣщаться прихожанами

— Нужно, чтобъ образованіе народа было безплатное, для всѣхъ равное и при большой матеріальной помощи со стороны государства.

— Наконецъ, самое главное, что необходимо сдѣлать возможно скорѣе, это устранить нашу кабалу, остановить разореніе Кабала развилась оттого, что рядомъ съ крестьянами-землепашцами живутъ собственники-землевладѣльцы, богатѣющіе отъ крестьянскаго труда, благодаря беззаконному праву соб-

ственности на даръ Божій—землю, указанную Создателемъ во владѣніе тому, кто въ потѣ лица своего снѣдаетъ хлѣбъ свой.

— Необходимо всѣ земли въ Россіи отобрать отъ частныхъ собственниковъ, кто бы они ни были, и отдать ихъ въ пользованіе земледѣльческимъ обществамъ съ тѣмъ, чтобы земля дѣлилась по душамъ между землепашцами - собственниками, обрабатывающими ее своими трудами.

— Только послѣ того, какъ исполнится все нами намѣченное, начнется въ Русской землѣ житье сносное и народъ сможетъ выбиться на правильный путь. Если же этого не будетъ, то родинѣ нашей грозятъ большія бѣды.

— Для проведенія изложенныхъ началъ въ жизнь и устройства на нихъ жизни нашего отечества признаемъ необходимымъ немедленный созывъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго избирательнаго права съ прямой и тайной подачей голосовъ.

— Для борьбы за эти реформы учреждаемъ крестьянскій союзъ Петровскаго уѣзда. Учредителями являются всѣ члены настоящаго собранія...

Пунктъ за пунктомъ проходитъ при дружныхъ рукоплескапіяхъ собранія и всей публики. Все принято, все подписано. Члены управы, гласные, даже земскій начальникъ записываютъ свои имена на бѣлый листъ, приложенный къ резолюціи. Увы, черезъ двѣ недѣли земское собраніе съ большинствомъ этихъ самыхъ гласныхъ будетъ привлекать управу къ отвѣту именно за этотъ крестьянскій союзъ. .

— Объявляю Петровскій крестьянскій союзъ учрежденнымъ,—заявляетъ предсѣдатель

Начинается сборъ пожертвованій въ пользу союза Крестьяне заворачиваютъ полы и даютъ пятаки, двугривенные, даже серебряные рубли. Даютъ больше и щедрѣе, чѣмъ въ церкви.

Уже двѣнадцать часовъ. Предсѣдатель звонитъ въ колокольчикъ въ послѣдній разъ и закрываетъ засѣданіе.

Въ слѣдующее воскресенье господину начальнику уѣзда случилось присутствовать на волостномъ съѣздѣ села Круговоднаго.

— Скажите на милость, Ваше Высокородіе,—обратился къ нему одинъ изъ стариковъ съ особеннымъ, лукавымъ любопытствомъ — Какой съѣздъ былъ намедни въ городѣ?

— Какой съѣздъ! — всполошился Его Высокородіе. — Я ничего не знаю.

— Насъ вотъ не пригласили, — жаловался старикъ,—не всѣ стало быть села. А вели важный разговоръ о самыхъ серьезныхъ дѣлахъ

— О какихъ дѣлахъ? — повторилъ Его Высокородіе — Я не знаю.

— О ко-о-пе-ра-ці-яхъ—пояснилъ старикъ, раздѣляя слоги Въ селѣ Круговодномъ не было сельскохозяйственнаго общества, но послѣднее совѣщаніе экономическаго совѣта въ Петровскѣ придало этому термину совсѣмъ особую популярность

Начальникъ уѣзда смолчалъ.

— Выходитъ, что и васъ тоже не пригласили,—сдѣлалъ заключеніе вслухъ коварный старикъ,—могутъ, стало быть...

Начальникъ уѣзда задумался. Онъ думалъ два дня, а на третій конфиденціально попросилъ одного изъ управскихъ писцовъ объяснить ему, что такое *корпорація*. Писецъ при содѣйствіи другихъ служащихъ добылъ и отправилъ Его Высокородію небольшую брошюрку, которая разсылалась по сельскохозяйственнымъ обществамъ еще въ прошломъ году и была очень хорошо знакома всѣмъ «сознательнымъ» крестьянамъ Петровскаго уѣзда Заголовокъ ея гласилъ: Что такое кооперація.

Такимъ образомъ, кооперативная идея сдѣлала полный кругъ.

V

Въ лѣсу

Сходка была въ лѣсу, въ пяти верстахъ отъ огромнаго торговаго села Грекова. Мѣсто было выбрано очень удачно, на лѣсной полянѣ въ самой глубинѣ дубовой чащи. Конечно, какой-нибудь дерзкій сыщикъ могъ бы безнаказанно подкрасться и подсмотрѣть изъ-за кустовъ, съ очень серьезнымъ рискомъ при первой неосторожности. Но вооруженное нападеніе было почти невозможно, ибо въ этомъ переплетѣ вѣтвей ружья и даже шашки могли бы такъ же часто попадать по своимъ, ближе стоящимъ.

Съ правой стороны поляна примыкала къ болоту, которое тянулось до рѣки Хопра. Это сосѣдство тоже имѣло свои стратегическія выгоды, ибо пѣшіе и конные стражи не пускаются по болотамъ, особенно по незнакомымъ. Я знаю случай, бывшій весною въ Петербургѣ, когда рабочая сходка, прижатая къ болоту казаками, сперва попробовала отстрѣляться резиновымъ мячомъ, брошеннымъ подъ ноги лошадямъ. Казаки приняли резиновый мячъ за «стальной апельсинъ» и бросились вразсыпную. Рабочіе въ свою очередь пустились по тропинкамъ черезъ болото. Нѣсколько минутъ спустя казаки вернулись и тоже бросились по болоту, но тутъ же увязли и съ трудомъ выбрались обратно.

Нѣсколько десятковъ человѣкъ сидѣли и лежали на травѣ между деревьями, ожидая остальныхъ. Въ селѣ была ярмарка, на которую собирались крестьяне всѣхъ окрестныхъ селъ и каждый вновь приходящій непремѣнно приносилъ съ собой заказъ отъ такой-то деревенской группы: —Будутъ

непремѣнно, просятъ подождать ихъ малость Еще не исторговались

Я сидѣлъ вмѣстѣ съ маленькимъ кружкомъ изъ села Маноцкова на самомъ краю болота. Мнѣ вспоминалась другая сходка дней за пять назадъ, на другомъ концѣ уѣзда. Она собралась въ чистомъ полѣ, за пять верстъ отъ ближайшаго жилья. Небо, видимо не одобрявшее вольнодумныхъ затѣй молодого крестьянства, обрушило на ихъ головы пятичасовой ливень. Защиты не было нигдѣ. Мы попробовали спуститься въ неглубокій оврагъ, но и тамъ было не лучше! Мы выбрались обратно наверхъ и прижались къ подвѣтренной сторонѣ низкаго холма, гдѣ дождевыя струи хлестали не такъ сильно. Мы сбились всѣ вмѣстѣ, какъ стадо овецъ, и пробовали пережидать. Но дождь былъ обложной и пережидать не имѣло смысла. Вся эта обстановка, — и сѣрое небо, и голая степь, и дождевые потоки, и наша безпорядочная тѣсно сжавшаяся толпа,—все это имѣло въ себѣ что-то дикое, волчье Но мы были не волки, а люди Кто-то предложилъ снять пальто и армяки и растянуть надъ головами въ видѣ импровизированнаго навѣса Потомъ собраніе расположилось правильнымъ кругомъ и стало разсуждать о дѣлахъ, не обращая вниманія на дождь.

Такъ было пять дней тому назадъ Сегодня, какъ будто въ видѣ возмездія, былъ ясный солнечный день. Самый воздухъ въ лѣсу былъ какой-то особенный, легкій, даже легкомысленный, странно располагавшій людей къ такому необдуманному предпріятію, какъ собирать въ лѣсу сходки вблизи села, наполненнаго казаками и пѣхотой.

Мы, впрочемъ, нимало не думали объ этомъ. Рядомъ со мной сидѣлъ старикъ Мартьяновъ, и мы тихо разговаривали съ нимъ о разныхъ деревенскихъ и городскихъ дѣлахъ и даже о жизни на крайнемъ Сѣверѣ, имѣвшей мало отношенія къ текущимъ интересамъ уѣзда.

Мартьянову было 79 лѣтъ и онъ былъ почти совершенно слѣпъ. На сходку его привели сыновья и внуки. Впрочемъ, въ предѣлахъ своего маленькаго владѣнія онъ двигался при помощи палки съ полной увѣренностью, нисколько не хуже зрячаго.

Я провелъ у Мартьянова весь предшествовавшій день. У него былъ домикъ съ огородомъ и при домѣ участокъ въ двѣ десятины, весь раздѣланный подъ малинникъ и подъ разные фрукты

— Я—личный крестьянинъ,—разсказывалъ Мартьяновъ.— Какъ бываютъ потомственные и личные дворяне, такъ я личный крестьянинъ; потому я вписался въ крестьяне изъ мѣщанъ, безъ надѣла, съ собственной своей землей. Развелъ садъ фруктовый, сталъ пашню въ аренду брать, тѣмъ кормился. Было у меня пять сыновъ, двѣ дочки. Я ихъ выучилъ, сколько могъ. Теперь они разлетѣлись во всѣ стороны, какъ птицы. Одинъ въ Сибири умеръ, другой въ Сибири живой, одна дочка въ фельдшерской школѣ, другая въ гимназіи въ городѣ Теперь мои орлята даже дома не сидятъ. Ну, что дѣлать, время боевое. Все равно будто въ солдатахъ служатъ —

Мартьяновъ два раза былъ гласнымъ отъ крестьянъ и разъ былъ въ ссылкѣ въ Архангельской губерніи. Онъ съ гордостью показалъ мнѣ палку съ серебрянымъ набалдашникомъ, коллективный подарокъ архангельской ссыльной колоніи. На палкѣ было вырѣзано: «старѣйшему товарищу отъ младшихъ».

Въ домѣ у Мартьянова жило нѣсколько старухъ, жена, свояченица-вѣковуша и еще какая-то родственница. Онѣ до сихъ поръ сторонились отъ свободомыслія, которымъ молодое поколѣніе было заражено насквозь.

— О, и много же я пилки вытерпѣлъ отъ женскаго элементу,—философски разсказывалъ старикъ. — Теперь жена стала понемножку склоняться... А прежде подводили меня подъ крупную присягу, чтобъ дѣтей не смущать. А что вышло? Будто людей надо сомущать. Они сами напитываются, только не мѣшай имъ.—

Среди своей малиновой разсады и пчелиныхъ ульевъ, съ палкой въ рукѣ и сѣткой надъ слѣпыми глазами, старикъ выглядѣлъ, какъ настоящій сельскій отшельникъ.

Но здѣсь на сходкѣ настроеніе Мартьянова пріобрѣло больше активности.

— Теперь новое время,—говорилъ онъ—теперь крышка.

Прошла пора, чтобъ изъ народа масло жать. Теперь не открутятся, пошло въ массовую ..—

— Вы, дѣдушка, похожи лицомъ на Толстого,—неожиданно замѣтилъ я Въ лицѣ старика было много сходства съ авторомъ Воскресенія и именно въ эту минуту оживленія и активности сходство съ Толстымъ выступало въ незрячихъ глазахъ и глубокихъ морщинахъ Мартьянова яснѣе всего.

— Отъ мужицкой ѣды не будешь толстой, — отшутился старикъ, — будешь тонкій. А у нашего земскаго начальника рожа—во! —

Новые участники сходки подходили партія за партіей.

— Вонъ Кириковскіе идутъ, — со смѣхомъ указалъ младшій сынъ Мартьянова. — Погляди-ка на нихъ. Валенки у нихъ грязные, штаны съ дырами, волосы патлатые, а носы кверху. .

— Здравствуй, Егоръ, — отозвался одинъ изъ Кириковскихъ —Что тебѣ еще не скрутили лопатки?—

— Нѣ,—протянулъ Егоръ съ притворной неохотой — у начальства другія дѣла. Они васъ пороть собираются ..

— Гляди, гляди, — оживился Егоръ, — Долгоруковскіе идутъ съ флагомъ . Новая партія, дѣйствительно, шла со знаменемъ, на которомъ было написано бѣлыми буквами по красному полю: *грядущая свобода.* Во главѣ партіи шелъ сельскій староста, мужчина лѣтъ тридцати, гигантскаго роста, съ суровымъ и красивымъ лицомъ, типъ волжскаго ушкуйника или старорусскаго богатыря.

— Вотъ такъ дѣтинка,—засмѣялся Егоръ,—черезъ дубки видно.

— Рядомъ со старостой шелъ другой сѣдой старикъ, не моложе Мартьянова, босой, въ рубищѣ и съ рваной фуражкой на головѣ.

— А гдѣ, дѣда, шапку взялъ? — засмѣялся неугомонный Егоръ.—Новая?

— Дырки то старыя, — тоже засмѣялся старикъ.—Дегтярникъ ѣхалъ, да бросилъ. А я поднялъ.

— Это бобыль,—объяснилъ мнѣ Егоръ,—солдатъ николаевскій. А ходить дюже рѣзвый, дюжѣе молодого ..—

Группы собирались все шире и тѣснѣе. Общій разговоръ

касался забастовки сельскохозяйственныхъ рабочихъ, которая разгоралась въ это время въ разныхъ углахъ уѣзда

— Что намъ съ Баклушинскими дѣлать? — жаловались Кириковцы,—выѣзжаютъ до пятисотъ крюковъ (косъ), ломаютъ нашу стачку. А насъ въ Кириковой только пятьдесятъ дворовъ нашей партіи. Пробовали уговаривать ихъ, не слухаютъ. А сами пролетаристы, голочканы, тупыя головы —

— Вы бы ихъ толкали пропагандой—посовѣтовалъ Егоръ

— Пробовали,—жаловался разсказчикъ —Не слухаютъ и программы не понимаютъ Въ такомъ распутствѣ живутъ, ничего ихъ не беретъ. Заговоришь,—дерутся

— А у насъ лучше,—говорили Долгоруковцы.—Мы всѣмъ сосѣдямъ заказали». Не ѣздите къ нашимъ помѣщикамъ. У насъ крестьянскій союзъ —«Не станемъ ни за что,—говорятъ,—но только помните доброту, примите и насъ въ союзъ».

— Нѣтъ, худо въ глухихъ деревушкахъ, — продолжалъ жаловаться тотъ же Кириковецъ.—Фабрика много учительнѣе. Народъ живетъ въ огулѣ, другъ отъ дружки учится. Почитай, всѣ грамотные.

— Надо науку начинать темнымъ людямъ съ церковнаго закона,—отозвался пожилой мужикъ съ рыжей бородой,—потому народъ слишкомъ втянулся въ это ..

— А почему такъ?—сказала юная фельдшерица, сидѣвшая рядомъ со мной.

— Ахъ, барышня, если бы васъ отецъ воспиталъ и съ дѣтскихъ лѣтъ маленькую училъ: «не гляди въ это окно»,—поди ка ты выростешь и своихъ дѣтей такъ выучишь. Такъ и поповская наука...

Жалобы на духовенство сразу прорвались ключемъ.

— Нашъ батюшка сыщикамъ платитъ,—говорилъ одинъ изъ Долгоруковскихъ. — Хуже ворога. Мы даже исправнику сказали у насъ это не попъ, а жандармъ. Теперь будетъ въ Михайловъ день ходить по дворамъ, не будемъ принимать его. Отъ вѣры не отказываемся, а такого попа не признаемъ.

— А нашъ-то дока, Павелъ Козмодемьяновскій,—разсказывалъ новый человѣкъ изъ другого села, — такой счетчикъ... Кругомъ шестнадцать, полтора рубля семь гривенъ... Общество желѣзной дорогѣ землю продало, а онъ деньги

получилъ Подумаешь, душа кипитъ Придетъ къ нему голодный, онъ не подастъ — Поди, поди, — говоритъ, — Богъ подастъ.—У насъ на собрании недавно одинъ парень сказалъ: «Не надѣйтесь на Бога, надѣйтесь на самихъ себя Говорятъ: Богъ подастъ Ну ко, Боже, подай»!—И протянулъ шапку вверхъ.

— А у насъ хорошій народъ есть,—начинаетъ другой,—учитель, нашъ же крестьянинъ Ивановъ; псаломщикъ тоже, отверженный человѣкъ, такой ораторъ, ничто не стоитъ передъ нимъ Докторъ тоже изъ мужиковъ. Отъ нихъ сѣмя разводится. Больше всего своими усиліями, книжки читавши. А волостной писарь, ему не дашь отчету, вѣритъ, а не дѣлаетъ, какъ бѣсы.—Зачѣмъ же ты подлости дѣлаешь?—«Да отъ нихъ жизнь зависитъ. Къ вамъ притти, вы мнѣ куска не дадите, а у меня восемь человѣкъ дѣтей»..

Народу собралось до полутораста человѣкъ Они сидятъ партіями, по селамъ. Между ними четверо волостныхъ старшинъ и шесть сельскихъ старостъ.

— Довольно ждать! — раздается кругомъ. — Давайте митингъ дѣлать Рѣчь, рѣчь!..

Въ нашемъ кружкѣ собралась небольшая кучка интеллигенціи. Двѣ фельдшерицы, народный учитель, огромный, какъ слонъ, и неуклюжій, какъ жирафъ, еще ветеринарный врачъ, статный, удалый и оборванный, съ длинными усами и фигурой гайдамака, и два присяжныхъ агитатора изъ числа тѣхъ, которыхъ травитъ полиція и которые вѣчно скитаются изъ веси въ весь, то съ полными карманами паспортовъ, то вовсе безъ паспорта Это настоящая доподлинная зараза, но приставъ Сахаровъ занятъ другими дѣлами. Денно и нощно онъ скачетъ по дорогамъ и хватаетъ «не тѣхъ ѳедотовъ».

Назовемъ одного изъ этихъ двухъ: Иванъ-Заверни-въ-Кусты, а другого Иванъ-Несчастной-Жизни.

Иванъ-Заверни-въ-Кусты высокъ, строенъ, съ длиннымъ носомъ и ухарскимъ цыганскимъ лицомъ. Онъ и одѣтъ соотвѣтственно: въ казакинѣ и высокихъ сапогахъ. Иногда при случайныхъ встрѣчахъ мужики принимаютъ его за удачливаго конокрада На самомъ дѣлѣ онъ столбовой дворянинъ и бывшій учитель гимназіи. Иванъ-Заверни-въ-Кусты человѣкъ

не слова, а дѣйствія На собраніяхъ онъ не говоритъ, но у него много спеціальныхъ миссій и разныхъ щекотливыхъ дѣлъ.

Иванъ-Несчастной-Жизни маленькій, тщедушный, въ рваномъ платьѣ У него нѣтъ никакого собственнаго имущества, нѣтъ даже перемѣнной рубашки. Онъ родомъ поповичъ и бывшій студентъ. Лицомъ онъ очень смуглъ, какъ будто огонь, сожигающій его душу, ударилъ наружу и обжегъ его щеки.

— Товарищи! .

Мгновенно въ толпѣ присутствующихъ водворяется полная тишина.

— Русская земля занимаетъ шестую часть свѣта. Въ ней живетъ полтораста милліоновъ народу, сотня различныхъ племенъ. По своему пространству и населенію Россія должна была бы быть самой богатой, самой счастливой, самой образованной, первой въ мірѣ страной Между тѣмъ Россія самая несчастная, самая нищая, самая безграмотная страна. Кто сдѣлалъ Россію голодной и бѣдной страной? Чиновники и полиція. Они сосутъ русскую кровь, они бьютъ народъ кнутомъ, они поступаютъ съ нимъ хуже, чѣмъ со скотами...

— Кто страдаетъ въ Россіи больше и ужаснѣе всѣхъ? Кто голодаетъ каждый годъ, съ кого деруть всѣ налоги, кто дѣлаетъ самую черную работу, кого земскіе начальники сажаютъ въ казенку, кого гонятъ на войну за десять тысячъ верстъ?..

Это все русскіе крестьяне, товарищи!..

Русскіе крестьяне создали своими черными руками всю силу и все богатство Россіи. Ихъ больше, чѣмъ сто милліоновъ. Это основа государства. Если они скажутъ: «стой!», все остановится, все замретъ.

Крестьяне слушаютъ съ горящими глазами. Ораторъ задѣваетъ самыя глубокія струны ихъ души. Они, насынки русской жизни, уже чувствуютъ себя будущими владѣтелями ея.

Рѣчь льется длиннымъ и страстнымъ потокомъ. Отъ чиновниковъ ораторъ переходитъ къ помѣщикамъ и даетъ имъ столь же энергичную характеристику. — «Народу должна принадлежать вся власть и вся земля» — провозглашаетъ онъ.

— Браво!—бѣшено рукоплещутъ слушатели.

Въ эту минуту изъ лѣсу выходитъ рыжая собака и останавливается, очевидно изумленная этимъ необычайнымъ собраніемъ.

Собака съ виду, какъ собака, охотничьей породы, сеттеръ, съ длинной и мягкой шерстью, но она производитъ среди собранія дѣйствіе разрывного снаряда.

— Это собака шпона Куликова,—заявляютъ съ разныхъ сторонъ.

Иванъ-Заверни-въ-Кусты и еще два или три парня попроворнѣе, быстро срываются съ мѣста и бросаются впередъ Не завидую Куликову, если онъ попадется имъ на глаза

Собраніе прервано. Десять или двадцать человѣкъ рыщутъ по лѣсу и ищутъ предполагаемаго Куликова, но безъ всякаго успѣха Наконецъ, Иванъ-Заверни-въ-Кусты выходитъ изъ лѣсу.

— Это не Куликовъ,—говоритъ онъ успокоительно.—Это лѣсникъ, только собака Куликовская. А лѣсникъ человѣкъ знакомый, ему даже листки даютъ. Мы его сюда звали, да онъ не идетъ.

Бесѣда возобновляется и переходитъ на практическіе вопросы. Обсуждается предложеніе объ отказѣ имѣть дѣло съ земскими начальниками и о неплатежѣ податей, о всеобщей забастовкѣ батраковъ и арендаторовъ, о принудительной нормировкѣ арендной платы и о бойкотѣ владѣльцевъ, не желающихъ подчиниться.

— Мы сдѣлаемъ имъ землю, какъ горячую картошку—цитируетъ ораторъ ирландскую пословицу,—чтобъ она выскочила изъ ихъ бѣлой горсти.

Собраніе продолжается еще два часа. Послѣ агитатора—говорятъ мѣстные интеллигенты и крестьяне. Принимается рядъ рѣшеній по мѣстнымъ вопросамъ.

— Ну, теперь пойдемъ! заявляютъ вожаки разныхъ группъ —съ пѣснями, вмѣстѣ.—Всѣ поднимаются на ноги и смыкаются въ колонну.

Храбро и смѣло,
За наше дѣло,
Маршъ, маршъ, впередъ.
Рабочій народъ!

— Вотъ гдѣ горитъ!..

Егоръ завладѣлъ знаменемъ и старается поднять его, какъ можно выше, вверхъ.

— Эхъ кабы намъ да еще барабанъ,—заявляетъ онъ въ пылу увлеченія,—какихъ бы мы дѣлъ надѣлали..

— Марсельезу! .

Съ громкимъ пѣніемъ и съ вьющимъ знаменемъ колонна крестьянъ отправляется впередъ. Нѣкоторые гикаютъ и свищутъ въ тактъ пѣнію.

Такъ итти можно только нѣсколько минутъ. Потомъ придется разсѣяться въ разныя стороны Но на протяженіи первой сотни саженей эта мужицкая толпа чувствуетъ себя боевой колонной застрѣльщиковъ крестьянской свободы. Одинъ высокій бѣлобрысый мужикъ пляшетъ впереди. Но даже эта пляска какъ-то странно гармонируетъ съ громкимъ пѣніемъ толпы.

Насъ остается человѣкъ двадцать крестьянъ и интеллигентовъ пополамъ

— Идемъ на мельницу!—предлагаетъ Иванъ Заверни въ Кусты

Нервы, возбужденные собраніемъ, требуютъ новыхъ впечатлѣній. Мы спускаемся къ Хопру и по береговой тропинкѣ версты черезъ двѣ приходимъ на большую водяную мельницу купца Востокова. Мельница эта представляетъ одно изъ гнѣздъ «сознательной партіи» Хозяева и приказчики и всѣ до одного рабочіе проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ.

Два—три человѣка выходятъ къ намъ навстрѣчу.

— Хозяинъ уѣхалъ въ городъ,—сообщаютъ они. — А вы заходите въ домъ И чего вы хотите, чай пить или закусывать?

Но мы не хотимъ входить въ домъ. На берегу рѣки стоятъ двѣ большихъ пузатыхъ старыхъ лодки Мы спускаемъ ихъ на воду и отправляемся кататься по Хопру.

Два или три молодыхъ рабочихъ отправляются вмѣстѣ съ нами. Одинъ красивый, щеголеватый, отчаянно ухаживаетъ за молоденькой бѣлокурой фельдшерицей.

— Барышня, барышня!—то и дѣло звенитъ его вкрадчивый, ласкающій голосъ

Онъ привязалъ къ одной изъ лодокъ маленькій челнокъ,

настоящую деревянную скорлупу Наши тяжелыя лодки движутся медленно и онъ соблазняетъ «барышню» прокатиться на челнокѣ Общественное мнѣніе обѣихъ лодокъ признаетъ катанье на челнокѣ рискованнымъ. Быть можетъ, въ этомъ приговорѣ сказывается нѣкоторая зависть къ предприимчивости новаго ухаживателя

Но фельдшерица любитъ маленькую опасность и также склонна дразнить мужское общественное мнѣніе. Послѣ нѣкоторыхъ рискованныхъ эволюцій оба уже сидятъ въ челнокѣ. молодой рабочій на носу, а дѣвица на кормѣ. Они не должны мѣнять своихъ мѣстъ подъ страхомъ очутиться въ водѣ Но они могутъ глядѣть другъ другу въ лицо и разговаривать Счастливый спутникъ «барышни» поднимаетъ тоненькія весла и запѣваетъ пѣсню, и голосъ его звучитъ нескрываемымъ торжествомъ. Челнокъ уплываетъ впередъ и быстро исчезаетъ изъ нашихъ глазъ.

Другой рабочій молча сидитъ на скамьѣ въ лодкѣ. Лицо у него странное, злое, измученное и какъ будто грозное.

— Тоска,—заявляетъ онъ въ видѣ объясненія.—А отчего, не знаю. Кто-нибудь виноватъ тому, можетъ я самъ, а можетъ и другіе. И какъ убить тоску, тоже не знаю. Бѣжалъ бы я куда, да бѣжать некуда. Отъ себя самого не убѣжишь.

Съ мѣсяцъ тому назадъ хозяиномъ мельницы былъ старшій братъ. Младшій еще не думалъ ни о дѣлахъ, ни объ идеяхъ.

Хозяинъ постоянно ходилъ съ Браунингомъ въ карманѣ. Въ одинъ несчастный день ему случилось споткнуться и упасть на землю. Браунингъ выстрѣлилъ и нанесъ ему смертельную рану въ животъ. Съ того времени прошло мѣсяца два. Младшій братъ за это время претерпѣлъ значительное измѣненіе и унаслѣдовалъ не только дѣловыя сношенія, но также всѣ идеи своего предшественника.

Между прочимъ мнѣ много разсказывали объ оригинальной забастовкѣ, которая была устроена въ началѣ мая на мельницѣ Востоковыхъ. Въ маѣ на мельницахъ и маслобойняхъ всего околотка стали поговаривать о забастовкѣ. Никто однако не рѣшался начать и нужно было дать первый примѣръ. Старшій Востоковъ затѣялъ создать такой примѣръ на

собственной мельницѣ. Положеніе рабочихъ было таково, чт протестовать не было никакого повода. Востоковъ поступилъ очень просто. Онъ созвалъ своихъ рабочихъ на сходку и сдѣлалъ имъ конспиративное предложеніе устроить примѣрную забастовку въ цѣляхъ развитія общаго рабочаго движенія въ округѣ Эта удивительная затѣя имѣла свой успѣхъ, ибо на четырехъ сосѣднихъ мельницахъ, гдѣ условія работы были весьма неблагопріятныя, тотчасъ же началась забастовка самая настоящая и черезъ четыре дня владѣльцы были приведены къ уступкамъ.

Лодки наши медленно проѣзжаютъ по рѣкѣ Хопру мимо большого села, которое раскинулось наискось отъ мельницы на противоположномъ берегу. Это село Краснояръ, гнѣздо такъ называемой «небесной партіи»

— Вотъ это черносотенцы, — заявляетъ одинъ изъ рабочихъ.—Бѣда съ ними. Намъ Востоковцамъ нельзя на село показаться. Изобьютъ. Мы и покупать къ нимъ не ѣздимъ, даромъ что близко. Ходимъ въ Маноцково за четыре версты Зато мы имъ тоже запретили муку молоть на нашей мельницѣ Пусть ѣздятъ въ Залогино за 6 верстъ, чертъ съ ними — Это настоящій взаимный бойкотъ красной и черной партіи.

На Красноярскомъ берегу рѣки стоятъ десятка два мужиковъ, между ними какой-то чинъ съ ясными пуговицами.

— Давайте, подразнимъ ихъ!— предлагаетъ тотъ же рабочій —Пропоемъ имъ пѣсенку! .

Отречемся отъ стараго мира,
Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ .

Красноярцы услышали нашу пѣсню. Они смотрятъ въ нашу сторону и потрясаютъ кулаками. Для какихъ-либо камнеметательныхъ дѣйствій слишкомъ далеко, ибо Хоперъ разлился въ этомъ мѣстѣ на четыре версты.

На мельницу мы возвращаемся уже въ сумеркахъ Старуха Востокова посылаетъ намъ всѣмъ приглашеніе напиться чаю и закусить въ ея гостиной.

Весь домъ Востоковыхъ наполненъ иконами, лежанками у печей, большими коваными сундуками. Востокова совсѣмъ старозавѣтная старуха въ паколкѣ и

большой темной шали, но нашъ цыганъ, Иванъ-Заверни-въ-Кусты тожъ, какъ-то съумѣлъ пріобрѣсти ея особенное благорасположеніе Старуха знаетъ, что онъ «отчаянный», и въ тоже время даетъ ему порядочныя деньги на его «отчаянныя дѣла» И это послѣднее чаепитіе устроено не для насъ, а для него

Мы выпили по первой чашкѣ, но до закуски дѣло не дошло

Съ мельницы Анисовыхъ, изъ упомянутаго выше Залогина, прискакалъ мальчикъ на конѣ съ сообщеніемъ, что его прислалъ старый мельникъ, а его тятя, и что мимо Анисовской мельницы проѣхалъ отрядъ драгунъ.

Предупрежденіе шло отъ человѣка незнакомаго, но, очевидно, болѣе сочувствовавшаго крамольникамъ, чѣмъ драгунамъ Самое значеніе этого факта было неясно Драгуны могли просто проѣзжать мимо по другому дѣлу. Тѣмъ не менѣе въ нашемъ маленькомъ обществѣ начался переполохъ. Съ нами было четыре молодыхъ дѣвушки и мы вовсе не желали подвергать ихъ любезности драгунъ.

Посовѣтовавшись между собой, мы рѣшили отправить двухъ человѣкъ на развѣдки по главной дорогѣ отъ Хопра къ селу Маноцкову

Развѣдчики вернулись черезъ часъ и сообщили, что въ кустахъ кто-то сидитъ. Они спугнули какую-то темную фигуру, которая бросилась бѣжать во всѣ лопатки. Надо замѣтить, что они дѣлали свои развѣдки съ револьверами въ рукахъ.

Я высказываю предположеніе, что фигура могла принадлежать мужику, сидѣвшему подъ кустомъ, и что эта фигура могла принять развѣдчиковъ попросту за разбойниковъ

Мое предположеніе съ негодованіемъ отвергается. Военный совѣтъ продолжается. Я настаиваю на неправдоподобности того, чтобъ драгуны въ темную ночь засѣли въ кустахъ въ засаду. Доводы мои очень просты. Я знаю изъ многихъ примѣровъ, что драгуны и казаки боятся темноты и внезапности никакъ не менѣе, чѣмъ частные люди.

Тѣмъ не менѣе военный совѣтъ рѣшаетъ не искушать

судьбу, а отправиться по обходной дорогѣ черезъ Хоперскіе лѣса.

Всѣ рабочіе мельницы выходятъ съ кольями и выражаютъ непремѣнное желаніе проводить насъ вплоть до поворота на большую дорогу у села Маноцкова. Въ нашей средѣ у троихъ охотничьи ружья. Они становятся во главѣ колонны. По обѣ стороны идетъ цѣпь крестьянской дружины, которая вооружена револьверами и финскими ножами. Внутри колонны помѣщены дѣвушки и подростки

Размѣщеніемъ отряда управляетъ Иванъ Заверни-въ Кусты въ качествѣ опытнаго боевого спеціалиста Самъ онъ, впрочемъ, вышелъ изъ рядовъ и идетъ сзади рядомъ со мной Въ рукѣ его поблескиваетъ огромный револьверъ

— Вотъ такъ на границѣ,—замѣчаетъ онъ задумчиво,— крадешься лѣсомъ верстъ на тридцать. Кругомъ стражники. Поймаютъ, изобьютъ до смерти Вотъ и ползешь между кустами съ револьверомъ въ рукѣ Кто ни попадись—мнѣ смерть или ему

Возможная опасность настраиваетъ почему-то нашего Цыгана въ меланхолическомъ тонѣ.

— Попадусь я, должно быть,—уныло замѣчаетъ онъ.—Повадился кувшинъ по воду ходить, тутъ ему и голову сложить...

— Какъ буду я сидѣть подъ крѣпкими запорами, вспомните эту дорожку и пришлите мнѣ хоть бы одинъ калачикъ..

У насъ семь проводниковъ, все мѣстныхъ жителей, которые постоянно спорятъ о томъ, кто лучше знаетъ дорогу. Быть можетъ, по пословицѣ о семи нянькахъ и безглазомъ дитяти, черезъ полчаса мы теряемъ дорогу, сбиваемся въ сторону въ болото и, наконецъ, начинаемъ ломиться прямикомъ, черезъ молодой пвнякъ. Дамы наши всѣ въ грязи. Бѣлыя платья фельдшерицъ забрызганы темными пятнами и оборваны по подолу. Это, пожалуй, не лучше встрѣчи съ драгунами

Нечего и говорить, что никакіе драгуны не думали прятаться въ кустахъ у дороги. Все сообщеніе оказывается невѣрно истолкованнымъ. Дѣла у драгунъ много и безъ насъ. Они проѣзжали мимо Залогина, отправляясь на аграрное усмиреніе.

Черезъ два часа послѣ взаимныхъ пререканій изъ-за болотной дороги мы вышли на большую дорогу и забыли о драгунахъ.

Впрочемъ, это ложное сообщеніе по моему мнѣнію имѣло особый вѣщій смыслъ Драгуны предвѣщали казаковъ, которые встрѣтились мнѣ черезъ два дня послѣ собранія въ лѣсу и на этотъ разъ велп себя уже не какъ скромные призраки, а какъ самые матеріальные наѣздники, съ матеріальными нагайками въ рукахъ

И бысть послѣдняя горше первыхъ

VI

Алексѣй Петровъ.

— Будете въ Балашовскомъ уѣздѣ,—настаивали мои саратовскіе пріятели,—заѣзжайте въ село Ивановку Вторую.

Про Ивановку разсказывали различныя чудесныя вещи. Тамъ всѣ подростки грамотные, а старики не пьютъ водки. Мужья не дерутся съ женами, а родители не бьютъ дѣтей. Сельскіе сходы собираются лѣтомъ въ общественномъ паркѣ, а зимою въ читальнѣ. Сходчики садятся на скамейкахъ, а староста занимаетъ лекторскую каѳедру, въ качествѣ предсѣдателя. Списокъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, вывѣшивается на стѣнѣ, на листѣ бумаги, а списокъ ораторовъ записывается на черную доску. И сходы созываются по звону школьнаго колокола, подвѣшеннаго на дворѣ у крыльца и въ просторѣчіи именуемаго «вѣчевымъ».

Въ банкетную эпоху, въ началѣ русской общественной весны, въ Ивановкѣ состоялось три многолюдныхъ политическихъ банкета... И всѣ жители Ивановки, мужчины и женщины, за исключеніемъ церковнаго причта и двухъ стражниковъ, причисляютъ себя къ «сознательнымъ крестьянамъ».

Я пробовалъ даже спорить и утверждать, что одна ласточка не дѣлаетъ весны и одинъ оазисъ не оживляетъ окружающей пустыни, но убѣждавшіе меня мѣстные «свѣдущіе люди» стояли на своемъ.

— Содомъ и Гоморра могли бы быть спасены только изъза десяти праведниковъ,—доказывали они полушутливо,—а въ одной Ивановкѣ больше, чѣмъ полторы тысячи жителей. Кромѣ того есть и другія села сплошь «сознатель-

ныя», Трубетчина, Чириково; и въ другихъ селеніяхъ вездѣ есть такія же «сознательныя» группы.

— Если произвести немедленный подсчетъ голосовъ,— говорили они,—то вмѣстѣ съ «сознательными» пойдутъ тысячъ тридцать или сорокъ человѣкъ...

Путь въ Ивановку лежалъ черезъ городъ Балашовъ и въ частности черезъ жилище Алексѣя Петровича Ѳеологова, ибо «Алексѣй Петровъ», какъ его звали обыкновенно въ округѣ, жилъ и работалъ въ Ивановкѣ около тридцати лѣтъ и могъ разсматривать всю Ивановскую молодежь, какъ своихъ духовныхъ дѣтей. Алексѣй Петровъ былъ волостной писарь въ отставкѣ и крестьянскій адвокатъ, нынѣ подъ запрещеніемъ, благодаря«независящимъ обстоятельствамъ» Запрещеніе, впрочемъ, уменьшило только число денежныхъ кліентовъ. Безденежные попрежнему текли рѣкой и валили валомъ. Я прожилъ у Ѳеологова три дня и каждый день было одно и то же Люди съ жалобами начинали являться съ шести часовъ утра Они проходили съ задняго хода, сквозь дворовую калитку, но калитка эта не закрывалась до поздней ночи.

Являлись портъ-артурскія солдатки, съ младенцемъ на рукахъ и прошеніемъ въ рукавѣ, раненые изъ подъ Мукдена объ одномъ желтомъ сапогѣ и объ одной деревяшкѣ взамѣнъ недостающей ноги. Вмѣсто объясненій они ругались крѣпкими словами, и простирали костыли вверхъ.

Приходили какіе-то нищіе мѣщане, арендаторы городской земли.

— У насъ земля неродимая,—жаловались они,—мѣщанское наше племя, разнесчастное, фараонское. Никто о насъ не думаетъ. Бросили насъ на поѣденіе городскимъ торговцамъ.—

Пріѣзжалъ волостной старшина изъ сосѣдняго уѣзда, который разсказалъ, что земскій начальникъ N, вмѣсто новыхъ выборовъ, поставилъ всѣхъ бородатыхъ людей подъ рядъ, «пузо съ пузомъ», и велѣлъ имъ бѣжать на перегонки Приходилъ староста извозчичьей артели, который между прочимъ сообщилъ, что балашовскіе извозчики намѣтили его представителемъ въ Палату.. Алексѣй Петровъ каждому да-

валъ совѣтъ, составлялъ прошеніе, или указывалъ надлежащую инстанцію.

Болѣе всего, несмотря на горячую страдную пору, являлось крестьянъ. Они приходили со всѣхъ концовъ обширнаго округа, съ Хопра и Медвѣдицы, съ Волги и Дона. Все это были арендаторы владѣльческой земли, чаще всего представители группъ или цѣлыхъ селеній. На Хопрѣ и Медвѣдицѣ былъ полный неурожай. Мѣстами рожь скосили на кормъ скоту.

— Требуютъ съ насъ за землю,—жаловались арендаторы,—а мы ничего не собрали.

— Что скажешь, Алексѣй Петровъ,—платить, или нѣтъ?—

Алексѣй Петровъ давалъ отвѣты лаконическіе, но мудрые

— А есть у васъ чѣмъ платить? — спрашивалъ онъ въ свою очередь.

— Нѣту!—дружно отвѣчали арендаторы.

Алексѣй Петровъ молча пожималъ плечами, но кліенты понимали его безъ словъ и удовлетворялись.

Они, впрочемъ, являлись уже съ заранѣе составленнымъ рѣшеніемъ и только желали получить верховную нравственную санкцію.

— Есть законъ божескій и законъ человѣческій,—сказалъ мнѣ одинъ старикъ,—мы съ *ними* поступаемъ по всѣмъ десяти заповѣдямъ, а *они* съ нами по одиннадцатой. То и мы не станемъ зѣвать...—

— Это такой народъ,—говорилъ съ своей стороны Алексѣй Петровъ,—я того жду, въ одинъ день они придутъ ко мнѣ и скажутъ: «Ну, Алексѣй Петровъ, съ кого начинать»?

Впрочемъ, изъ крестьянскихъ объясненій слѣдовало, что во многихъ мѣстахъ крестьяне и владѣльцы вступили въ компромиссъ и сдѣлали «грѣхъ пополамъ».

Земля подешевѣла почти повсюду. Половники вмѣсто второго снопа отдавали третій. Денежная аренда съ 18 и 20 рублей упала до 10 и 8 рублей за десятину. Нѣкоторые торговцы землей изъ купеческаго званія схитрили и вовсе не стали взимать аренды, откладывая взысканіе до болѣе спокойныхъ временъ. Ихъ вѣра въ конечную побѣду нагайки видимо была

совершенно несокрушима. Но крестьяне поднимали ихъ на смѣхъ и принимали свои мѣры.

— Въ прошлыхъ годахъ,—разсказывалъ мнѣ Алексѣй Петровъ,—во всѣхъ земельныхъ тяжбахъ мужики стремились охранить договоръ, а землевладѣльцы нарушить. «Продешевили, молъ, землю»! Теперь наоборотъ, сами мужики нарушаютъ условія. Цѣлыя села даже неустойку платятъ, только бы новую снять. Подешевѣла земля.

Популярность Алексѣя Петрова была исключительнаго свойства. Къ нему пріѣзжали хохлы изъ Донской области и мордва изъ Петровска. Изъ ближнихъ деревень къ нему прямо присылали съ просьбой:—«Алексѣй Петровъ, чего не пріѣдешь къ намъ поговорить, духу подлить?»—Вокругъ его совѣтовъ почему-то насланивалась легенда и, напримѣръ, крестьяне, желавшіе расправиться съ приказчикомъ, безъ церемоніи заявляли:—«Самъ Алексѣй Петровъ велѣлъ васъ раздѣлывать».— Разумѣется, Алексѣй Петровъ не зналъ объ этомъ ни сномъ, ни духомъ. Съ другой стороны, мелкопомѣстные дворяне прямо величали Алексѣя Петрова Пугачемъ.— Когда я былъ высланъ въ Борисоглѣбскъ, — разсказывалъ Алексѣй Петровъ,—въ имѣніи—Новохоперскаго уѣзда, большая экономія, приказчикъ мнѣ знакомый — пріѣзжаютъ къ нему три дворянскихъ семейства:

— «Извините, что мы безъ церемоніи. Защиту окажите. Прислали сказать: идутъ на насъ изъ Борисоглѣбска босяки и студенты, а ведетъ ихъ Алексѣй Петровъ».

Черносотенные городскіе торговцы ненавидѣли Алексѣя Петрова отъ всей души, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время, выбитый изъ всѣхъ деревенскихъ позицій, онъ основался въ городѣ и даже сталъ гласнымъ городской думы.

— Алексѣй Петровъ, перестань!—усовѣщивали его рыбники и суровцы по поводу забастовки приказчиковъ, о которой они не имѣли никакого понятія.—Смотри, бить будемъ!..

За нѣсколько дней до моего пріѣзда пришло анонимное письмо, возвѣщавшее болѣе крутыя мѣры.

«Не оскудѣла русская земля Миниными-Пожарскими,— гласило письмо.—Дождешься, Алексѣй Петровъ, пристрѣлимъ тебя, сатану.. »

Алексѣй Петровъ относился ко всему этому съ шуточкой. «Вы ужъ со мной при мужикахъ,—предлагалъ онъ купцамъ —А не то извозчики, моя надежная охрана Я имъ прошеніе на исправника писалъ. Онъ хотѣлъ ихъ въ мундиры одѣть».

Послѣдующія событія однако показали реальность этихъ угрозъ. Во время извѣстнаго Балашовскаго погрома домъ Алексѣя Петрова былъ разрушенъ до основанія мѣстными хулиганами и мелкими торговцами. Впрочемъ, я описывалъ этотъ эпизодъ въ другомъ мѣстѣ.

Замѣчательно, что по частнымъ дѣламъ тѣ же самые торговцы охотно прибѣгали къ адвокатской помощи Алексѣя Петрова, ибо о немъ, какъ о Гришкѣ Отрепьевѣ, сложилось общее мнѣніе: хоть воръ, да молодецъ. .

Наружностью, впрочемъ, Алексѣй Петровъ походилъ не на Гришку Отрепьева, а скорѣе на отца Мисаила. Это былъ высокій, ражій, грузный мужчина, пятидесяти лѣтъ съ хвостикомъ, уже отяжелѣвшій отъ возраста, не дуракъ выпить, любитель всхрапнуть послѣ обѣда, но зато, въ случаѣ нужды, все еще способный не спать три ночи подъ рядъ и развивать совершенно неутомимую дѣятельность

Несмотря на городскую осѣдлость, мысли Алексѣя Петрова постоянно стремились къ деревнѣ, чаще всего къ селу Ивановкѣ Второй.

— Я работалъ въ Ивановкѣ тридцать лѣтъ, — говорилъ онъ.—Жизнь убилъ, даже меня узколобымъ называютъ. Но я думаю, каждому человѣку нужна своя нива. Конечно, я былъ не одинъ. Пріѣзжали тогда въ семидесятыхъ годахъ разные люди, приносили свѣтъ истины Я былъ мѣстный человѣкъ, приспосабливалъ ихъ, кого писаремъ, кого учителемъ, но только не сидѣлось имъ, Иные не уходили, оставались. Напримѣръ, учитель NN намъ, Ивановцамъ, много добра сдѣлалъ ..

Алексѣй Петровъ былъ и остался народникомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова

— Тридцать лѣтъ я веду этотъ споръ, — разсказывалъ онъ.—Спрашиваютъ: что можетъ сдѣлать въ деревнѣ «интеллигентный человѣкъ»... А я говорю: «все можетъ сдѣлать. Одинъ человѣкъ можетъ цѣлое село передѣлать»... Прихо-

дили люди въ деревню, сѣяли сѣмя, но не терпѣлось имъ, чтобы увидѣть плодъ. И все-таки изъ того сѣва ничто не заглохло. Ибо на свѣтѣ ничто не пропадаетъ даромъ,—горячо доказывалъ Алексѣй Петровъ.—Старое сѣмя теперь стало вырастать ..

— Знаете небось о Ц—нѣ? .

Онъ упомянулъ довольно извѣстное Самарское село, гдѣ, четверть вѣка тому назадъ, нѣкоторое время была учительницей одна изъ славныхъ русскихъ женщинъ, изъ числа «распятыхъ за ны при Понтіистѣмъ Пилатѣ и страдавшихъ и погребенныхъ», именно Софья Перовская. Тогда имя ея пришло въ забвеніе, но теперь его вспомнили и чтутъ отъ всего сердца. Въ ближайшее время то же мѣсто занималъ учитель однороднаго направленія, но меньшаго калибра. Онъ работалъ зато пятнадцать лѣтъ и оставилъ болѣе глубокіе слѣды. Его учительская дѣятельность закончилась «независящими обстоятельствами», путешествіемъ вверхъ по меридіану, вплоть до Бѣлаго моря, и въ свое время смертью. Два года тому назадъ группа его бывшихъ учениковъ, нынѣ взрослыхъ домохозяевъ села Ц-ны, собрали складчину и затѣяли построить своему учителю памятникъ. Расходовъ было немного, ибо село Ц-на отпускаетъ на отхожіе промыселъ каменщиковъ и штукатуровъ, стало быть, работа была своя. Но явились затрудненія дипломатическаго характера. Сперва священникъ запретилъ ставить памятникъ на церковной землѣ. Строители не смутились этимъ, стали строить памятникъ за церковной оградой и успѣли возвести пьедесталъ. Тогда на опальный памятникъ упало еще болѣе дѣйствительное запрещеніе исправника, и онъ такъ и застрялъ на половинѣ. Впрочемъ, ц-скіе каменщики вывели надпись на пьедесталѣ и твердо рѣшились довести свою работу до конца...

Въ селѣ Ивановкѣ Второй были памятники, воздвигнутые Алексѣемъ Петровичемъ Геологовымъ.

— Если хотите, я разскажу вамъ свою жизнь,—предложилъ онъ.—Я родомъ поповичъ, званіемъ потомственный почетный гражданинъ. Съ пятнадцати лѣтъ былъ писарькомъ сельскимъ, да знаете, такимъ, настоящимъ, который «ни справки безъ семишника, ни росчерка безъ трешника»... По-

томъ, какъ сталъ я расти, пришло такое время, что я сказалъ: «Отче, согрѣшихъ передъ тобою». Послѣ этого еще былъ писаремъ восемь лѣтъ. Мужики стали говорить: «Запишись къ намъ въ общество.» Я вычиталъ въ законѣ о состояніяхъ, что потомственнымъ почетнымъ гражданамъ предоставляется записываться въ крестьяне. По этому закону я причислился, запасся пріемнымъ приговоромъ, даже на надѣлъ право получилъ. Потомъ думаю:—«Распоясываться, такъ вполнѣ». Поступилъ въ крестьянскій домъ пріемнымъ зятемъ, все время жилъ крестьянскими трудами. На всѣхъ сходахъ былъ первымъ горлопаномъ Послѣ старшины первый стаканъ водки мой И хотя было мнѣ двадцать пять лѣтъ, но я водилъ компанію только съ шестидесятилѣтними стариками, а молодежь къ намъ съ почтеніемъ, издали картузки снимаетъ. .—

Алексѣй Петровъ разсмѣялся и потомъ вздохнулъ.—Теперь такое почтеніе стало выводиться. Молодые ушли дальше насъ стариковъ. Мое родительское сердце болитъ о нихъ. Не было бы имъ какого худа —

Опасенія Алексѣя Петрова были не безосновательны Черносотенная охрана считала Ивановку главнымъ очагомъ завиральныхъ идей. Властный голосъ съ амвона называлъ ивановцевъ безбожниками и крамольниками, и даже еще крѣпче, крамольными мерзавцами. Ивановцы платили за грубость вѣжливостью и величали богобоязненную черную сотню «небесной партіей». Съ другой стороны, мѣстная бюрократія изготовляла для ивановцевъ официальные скорпіоны: — Расточить бы ихъ на всѣ четыре стороны,—высказывалось административное предположеніе въ стилѣ Калигулы,—чтобы и мѣсто самое сравнять, и сѣмянъ не оставить.. —

— Я былъ избираемъ на разныя общественныя должности,—началъ опять Алексѣй Петровъ, — до церковнаго сторожа включительно Исправникъ даже ругаться сталъ.: «Какой онъ къ черту мужикъ? Водку пить онъ мужикъ, а если подъ рубашку заглянуть или въ казенку посадить, такъ онъ потомственный почетный гражданинъ».

Послѣ того власти двѣнадцать лѣтъ разсматривали вопросъ, мужикъ я или нѣтъ, и въ комиссіяхъ рѣшили извергнуть

меня изъ мужицкаго званія, вверхъ по сословной лѣстницѣ, обратно въ потомственное почетное гражданство.

— Вѣдь, вы то подумайте,—прибавилъ Алексѣй Петровъ,—кто кончитъ высшее учебное заведеніе, обязанъ выписаться изъ крестьянъ, теряетъ гражданскія и имущественныя права Онъ уже сталъ чужой, не членъ общества...

— Впрочемъ, за эти двѣнадцать лѣтъ —продолжалъ онъ,—мы сдѣлали кое-что. Обстроили школу, читальню, развели общественныя дѣла. Потребительную лавку, торговлю, хорошо шла Завели общій посѣвъ. Я думалъ расширять понемногу, пока засѣемъ весь надѣлъ Но отъ притѣсненій стало..

— Особенно я любилъ чтенія устраивать. Завели фонарь, картинки На наши чтенія люди приходили пѣшкомъ за тридцать верстъ изъ всѣхъ окрестныхъ селъ. Мѣста не хватало, чтобы стоять.

— И такіе они непосредственные. Разсказываешь имъ, напримѣръ, изъ русской исторіи, какъ варяги завоевали славянъ.—Ахъ, черти,—говорятъ,—вотъ съ какого времени пошла разница

— Или разъ я приводилъ доказательства вращенія земли Одинъ паренекъ и выскочилъ: правду должно быть земля вертится, а солнце стоитъ. Только видимость иная. Если бы солнце вертѣлось, подсолнухи бы себѣ всѣ шеи выкрутили.

— Я себѣ выбралъ семью самую благочестивую,—продолжалъ Алексѣй Петровъ.—Жену мою будущую въ дѣвицахъ Богородицей звали. Она хотѣла итти въ монастырь. Я тоже все соблюдалъ, ходилъ въ церковь, постилъ посты, пока съ теченіемъ времени все стало передѣлываться. Молодые скоро подались, а старики держались долго. Потомъ бывало такъ: Выѣдемъ на покосъ, или на жниво, станемъ варить полевую кашу, а на дворѣ середа. Вотъ мы на нашей сторонѣ все-таки сало кладемъ, а старики на своей сторонѣ въ тотъ же котелъ постное масло. Подъ конецъ стали замѣчать: нашъ старый дѣдъ съ нашей стороны понемножку ложкой цѣпляетъ и себѣ размѣшиваетъ...

— Когда я былъ крестьяниномъ и уѣзжалъ въ поля,—разсказывалъ Алексѣй Петровъ,—нашъ шалашъ былъ, какъ у патріар-

ховъ древнихъ Сотни людей собирались около Напримѣръ, тогда было такъ, что мужики въ аренду платили хлѣбомъ, а цѣну имъ приказчикъ сбавлялъ противъ базарной цѣны на полтора или два рубля. Конечно, попищатъ, да и сдадутся Разъ въ жниво ѣдетъ мужикъ и у него двѣ пары воловъ. У переднихъ надѣты повязки на морды, а у заднихъ нѣтъ.—Отчего такая разница, — говорю, — что задніе волы вольные? — Попробуй, сунься,—говоритъ,—они тебя на рога посадятъ.—Вотъ, думаю себѣ, прекрасная иллюстрація смиренства и строптивости Вдругъ тотъ же мужикъ подходитъ, плачется. — Даетъ мнѣ приказчикъ только по шести рублей за четверть, а на базарѣ отъ восьми. Что дѣлать?

— «А это, — говорю, — ты у своихъ заднихъ воловъ спроси, а не у меня».

Съ этого слова пошелъ въ народѣ разговоръ и не стали отдавать хлѣбъ. Пошла цѣна вверхъ, не то восемь, до четырнадцати рублей дошла, только бы не свезли съ тока, а то потомъ ищи съ него. А съ дюжину приказчиковъ въ больницу свезли съ ребрами поломанными. Послѣ того даже хохлы стали пріѣзжать изъ самыхъ далекихъ мѣстъ.—«А гдѣ тутъ разбиратель, который знаетъ законы, якъ землю дешево брать?»—И такъ чудно. Пріѣдетъ, напримѣръ, съ дѣломъ.—Гдѣ Алексѣй Петровъ?—«Въ полѣ!»—«А можетъ онъ тамъ написать?»—«Можетъ!»—Ну, онъ перо, бумагу возьметъ, придетъ. Я либо пашу, либо крюкомъ (косой) вожу. Сейчасъ разспросишь, ну, а работу не останавливать... Дашь ему: паши за меня, либо коси Ну, онъ возитъ. Потомъ напишешь, а онъ за карманъ, достаетъ деньги.—«Нѣтъ, не надо!»—«Да вѣдь ты писалъ!»—«А ты косилъ!»—Это ихъ особенно поражало, обмѣнъ трудовъ.

Алексѣй Петровъ показалъ мнѣ двѣ карточки, свою и своей жены. Оба были въ мѣстномъ нарядѣ, онъ въ поддевкѣ, она въ широкомъ сарафанѣ. Лица у обоихъ были молодыя, ясныя.—Тогда мы такъ ходили,—объяснилъ Алексѣй Петровъ.

— Въ то время мы перевидали много разнаго народа... Въ 81 году была сенаторская ревизія. Пріѣзжали Платоновъ

и Горемыкинъ. Я повѣрилъ имъ, написалъ докладъ на шестидесяти листахъ. Они лестили меня, а взяли факты и цифры Платоновъ говорилъ.—«Такого крестьянина Богъ въ первый разъ создалъ». Мы съ нимъ всю ночь водку пили. Онъ говорилъ:—«будетъ земскій соборъ, все образуется!»—Потомъ оставилъ свою карточку.—«Если будутъ васъ тѣснить, обратитесь къ намъ, мы окажемъ вамъ всяческую защиту»

Потомъ лѣтъ черезъ пятнадцать, когда отняли мои адвокатскія права, я поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать. Думаю: пойти посмотрѣть, можетъ у нихъ еще теплится искра Божья. Надѣлъ фракъ, пошелъ къ Платонову. Не скажу слова, принялъ онъ меня тотчасъ же и узналъ сразу.

— «Радъ васъ видѣть, Алексѣй Петровичъ».—Но только лицо у него препостное. Заговорили объ нашей губерніи.—«Какъ же,—говоритъ,—очень помню .. Въ средѣ вашего патріархальнаго населенія я имѣлъ случай убѣдиться въ спасительномъ воздѣйствіи строгости на крестьянскій бытъ и въ благотворномъ вліяніи тѣлесныхъ наказаній на народную нравственность».—А самъ въ лицо мнѣ смотритъ, какъ будто хочетъ прибавить:—«И для твоей бы нравственности не мѣшало бы тебѣ заглянуть, куда слѣдуетъ».—Ну, думаю, шалишь. Не сталъ даже говорить о своемъ дѣлѣ, откланялся и ушелъ. Этакія у нихъ несчастныя выхолощенныя души, утѣшаются на березовый прутъ...

— Такъ мнѣ не помогла никакая протекція,—продолжалъ Алексѣй Петровъ.—Отъ начальства своего былъ мучимъ неоднократно. Въ первое посѣщеніе меня дома не было. Были одни женщины. Тринадцать конныхъ жандармовъ оцѣпили домъ. Сестра женина съ непривычки такъ испугалась, потомъ немного поболѣла и умерла. А жена обозлилась. Пошли въ чуланъ, тамъ сундуки холстами набиты. Велѣли старостѣ ихъ переворачивать, а староста больной человѣкъ. Моя жена говоритъ: — «у васъ лодыри покрѣпче есть».—Тогда велѣли жандармамъ спѣшиться, ворочать сундуки. Потомъ надо лѣзть на чердакъ, никому не хочется. Всѣ въ бѣлыхъ кителяхъ, а тамъ пыль.—«Ну, говоритъ, я полѣзу».—Полѣзла, а тамъ овчины вохреныя, пыли полны. Давай ихъ по одной швырять внизъ, имъ на головы. Они расчи-

хались.—«Будетъ, пожалуйста»!—А она швыряетъ... Потомъ говоритъ: «посмотрите въ шубныхъ карманахъ!»—И шубы въ низъ, а онѣ еще хуже...

— Изъ одного сундука вытащили брошюрокъ пачку. Ухъ, кинулись, заиграли. А то аѳонскія богомолья Семья то, говорю, была благочестивая...

— Послѣ того стали на меня доносы писать. Лавочникъ, священникъ, урядникъ... Будто я побуждаю крестьянъ къ возстанію. Столько доносовъ написали, у меня столько волосъ нѣтъ на головѣ...

— И за всѣ двѣнадцать лѣтъ, пока я былъ крестьяниномъ, не было дня, чтобы я подъ судомъ не состоялъ, либо по политическому поводу, либо уголовнымъ образомъ по поводу начальства Подъ конецъ даже дипломатическій поводъ былъ. Въ 89 году, въ столѣтнюю годовщину французской революціи, мы составили проектъ адреса. Тогда подобрали насъ цѣлую грушу и стали обвинять въ сношеніяхъ съ иностранными державами...

— На этихъ слѣдствіяхъ и судахъ я изучилъ законы. Саратовскіе адвокаты пріѣзжали, помогали. Послѣ одного процесса, я рѣчь тогда сказалъ, оправдали насъ. Они стали поздравлять, уговариваютъ: «отчего вы не сдадите экзаменъ на частнаго повѣреннаго, будете адвокатомъ».

— Когда выкинули меня изъ крестьянства, я послушалъ, сдалъ экзаменъ. Послѣ того былъ адвокатомъ восемнадцать лѣтъ. Жилъ въ деревнѣ и въ городѣ, но занимался больше крестьянскими дѣлами. Защищалъ по процессамъ, устраивалъ школы, чтенія, сельскохозяйственныя общества. У насъ бываютъ вопіющія дѣла Напримѣръ, въ селеніи Русскій Сарай былъ старшина Воронинъ съ писаремъ, которые насильно завладѣли волостью и не хотѣли уходить. Предводитель дворянства былъ съ ними, исправникъ тоже, общество ничего не могло подѣлать. Такой былъ старшина, что если мужикъ пройдетъ мимо и шапки не сниметъ, то либо въ кутузку попадетъ, либо подъ рубашку засыплютъ. Казну разграбили. Общественниковъ съ аукціона въ кабалу продавали. Потомъ они приходятъ ко мнѣ оба, старшина и писарь. — Алексѣй Петровъ, какъ намъ сдѣлать? Насъ не

жалаютъ, а мы жалаемъ? Есть, говорятъ, хуторъ у насъ, сдѣлаемъ его десятидворнымъ, пошлемъ на волостной сходъ. Я говорю:— Это трудно, господа».—«Ничего,—говорятъ,— сей годъ какъ-нибудь пройдемъ, а на будущее передѣлаемъ. Если которое общество будетъ не такихъ десятидворныхъ посылать, какъ надо, мы его штрафовать будемъ, а старосту въ холодную»...

— Все-таки на выборахъ имъ положили шары палѣво, а очутились направо. Тутъ общество не вытерпѣло, зашумѣло—«не надо ихъ» А предводитель дворянства телеграфировалъ губернатору Коспчу: «пошлите войско, бунтъ». Но губернаторъ протелеграфировалъ: сперва пересмотрѣть выборы. Когда стали опять выбирать, начальство предложило балотпроваться прежнему старшинѣ, такъ все общество упало на колѣни и завопило: — «не хотимъ его, стараго пса!» Такъ онъ ихъ донялъ ..

— Такъ я былъ адвокатомъ, хорошо зарабатывалъ, — разсказывалъ Алексѣи Петровъ.

— Три года тому назадъ начальство опять на меня ополчилось. Лишили меня права защиты и выставили въ Борисоглѣбскъ. Сошелъ я съ трехсотъ рублей на семь съ полтиной въ мѣсяцъ, а женѣ голодать приходилось. А когда меня выслали, Его Превосходительство собственными устами изволилъ мнѣ сказать. — «Уѣзжайте отсюда! Гдѣ вы, тамъ нѣтъ мѣста власти». — А я говорю: — «Хорошо, ваше превосходительство, я принимаю это за комплиментъ. Вы признаете за мной такой авторитетъ, что населеніе можетъ жить безъ властей».

Разсказы Алексѣя Петрова тянулись нескончаемо. Въ концѣ концовъ, разговоръ нашъ, какъ часто бываетъ въ послѣднее время, перешелъ отъ фактовъ къ перспективамъ и предсказаніямъ.

— Что будетъ, Алексѣй Петровичъ?—Въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ я сдѣлалъ привычку задавать этотъ вопросъ каждому, кто можетъ имѣть хоть тѣнь притязанія на званіе свѣдущаго человѣка.

- Кто знаетъ! . — Алексѣй Петровъ широко развелъ ру-

ками.—Драться будемъ сперва всѣ и во всю, потомъ видно будетъ . Еще жечь будутъ.. Вонъ Баку сожгли.

— Если все сжечь—возразилъ я. —гдѣ люди будутъ жить потомъ?

— Что же дѣлать, — сказалъ Алексѣй Петровъ, — весь свѣтъ только за палку хватается а палка о двухъ концахъ. Выходитъ драка Я пробовалъ имъ говорить· — «полегче, милые!» —да никто не слушаетъ .

Алексѣй Петровъ былъ мирный человѣкъ и законникъ Положение его въ гущѣ вышеупомянутой драки часто выходило воистину трагическое. Онъ старался сдерживать друзей и учениковъ, а враги направляли удары именно на него.

— И то сказать.—Алексѣй Петровъ какъ будто возражалъ своему собственному опасенію, — слишкомъ много нечисти развелось кругомъ Не ошпарить ее безъ хорошаго кипятку...

Жизнь шла впередъ, куда-то въ багровый туманъ, къ зареву бурнаго разсвѣта. И Алексѣй Петровъ слѣдовалъ за нею, вооружаясь на ходу школами, лекціями и другими культурными средствами, стараясь не отставать и по временамъ выкрикивая свое»:—полегче, милые!..

VII.

Ивановка Вторая.

Мы выѣхали изъ Балашова рано утромъ, отправляясь въ объѣздъ по селамъ. Насъ было трое: Алексѣй Петровъ, А. А. Абловъ, членъ земской управы, и я. Мы съ трудомъ помѣщались въ тѣсной коробкѣ почтовой брички. При самомъ выѣздѣ случилось непріятное приключеніе. На ухабѣ дороги изъ передка брички выскочилъ желѣзный сердечникъ, лошади убѣжали вмѣстѣ съ передними колесами и волоча за собой ямщика, вцѣпившагося въ вожжи, а мы вылетѣли вонъ и очутились на землѣ.

— «Худенько началось!»—сказалъ Алексѣй Петровъ, поднимаясь съ земли и обтирая кровь съ разсѣченной щеки. Для его грузнаго тѣла такое сальто мортале могло быть опаснѣе, чѣмъ для другихъ.

Въ эту минуту мимо насъ проскакалъ конный стражникъ, остановился, поглядѣлъ на нашу маленькую группу и ускакалъ прочь.

Это былъ, такъ сказать, первый офиціальный андронъ, пущенный намъ въ-догонку и уже предвѣщавшій трагикомическую развязку.

Какъ бы то ни было нужно было ѣхать дальше. Мы починили телѣжку и пустились въ путь. Часа черезъ два мы пріѣхали въ Ивановку безъ дальнѣйшихъ приключеній.

Въ центрѣ Ивановки расположена группа просвѣтительныхъ учрежденій, пятиклассная школа, читальня, чайная. При школѣ есть порядочная библіотека, нѣсколько наборовъ учебныхъ пособій, волшебный фонарь. Въ одной изъ школь-

ныхъ залъ въ видѣ иконы повѣшена копія картины Ге: Христосъ въ пустынѣ. Мнѣ показалась весьма счастливой идея помѣстить предъ свѣтлыми дѣтскими глазами вмѣсто традиціонной кипарисной доски эту скорбную фигуру, склонившую свою задумчивую, отяжелѣвшую отъ мыслей голову на тонкія руки, исхудалыя отъ бдѣній и поста, — фигуру мученика и пророка, бѣжавшаго отъ гоненій въ пустыню, и послѣ этого короткаго этапа готоваго итти на смерть.

Мы хотѣли въ другой разъ повѣсить картину: Христосъ передъ Пилатомъ, — сказалъ завѣдующій, — да намъ не разрѣшили

Зданія окружены прекраснымъ паркомъ, занимающимъ десятину съ четвертью земли. Крестьяне сами развели этотъ паркъ семь лѣтъ тому назадъ и относятся къ нему съ большой заботой и любовью Несмотря на короткій срокъ, паркъ хорошо разросся. Его аллеи составляютъ любимое мѣсто гулянья Ивановской молодежи. Въ центрѣ парка разбита большая круглая лужайка, на которой лѣтомъ происходятъ собранія и даже сельскіе сходы. И среди этой свѣжей зелени крестьянскій сходъ получаетъ почти идиллическій оттѣнокъ и напоминаетъ древнее сельское вѣче на лѣсной полянѣ, или на лугу, подъ сѣнью стараго деревенскаго дуба. Такъ новыя идеи заставляютъ иногда людскія учрежденія возвращаться къ старой, болѣе непосредственной и свѣжей обстановкѣ и возобновлять общеніе съ зеленью, природой и землей.

Паркъ окруженъ плотнымъ частоколомъ съ крѣпкими воротами подъ надежнымъ замкомъ. Школьные сторожа имѣютъ строгій наказъ отъ всего общества не пускать въ крестьянскій паркъ «постороннихъ лицъ».

— Я сегодня заставилъ уйти трехъ казаковъ,—съ озабоченнымъ видомъ разсказывалъ старшій сторожъ.—Какъ угодно, господа, а я васъ несогласенъ пустить. Вы науродуете, а мнѣ придется отвѣчать передъ обществомъ.

— И то сегодня ночью науродовали,—съ горечью жаловался сторожъ,—пойдемте, я покажу.

Въ углу парка, примыкающемъ къ церкви, почти у самой калитки, ведущей на церковный дворъ, полтора десятка молодыхъ деревьевъ были сломаны и брошены тутъ же на

землю. Очевидно, это было тенденціозное озорство, сдѣланное съ цѣлью кого-то раздразнить, отомстить хотя бы порчей предметовъ и обстановки.

Группа молодежи, стоявшая подъ деревьями, горячо и открыто негодовала.

— Ребра ему поломать,—заявляли они,—за каждое дерево по ребру...

— Будемъ сторожить по ночамъ по очереди —

— А калитку эту непремѣнно забей,—приказывали они сторожу,—это нашъ садъ, не поповскій ..

Какой-то безпристрастный голосъ, впрочемъ, вступился за попа.

— Въ немъ нѣтъ причины, это попадья поджигаетъ, да подуськиваетъ. Съ ней племянники, сторожъ церковный, да два хулигана. А попъ ее и самъ боится.

Деревенская публика стала мало-по-малу собираться въ садъ.

На скамейкахъ въ глубинѣ аллеи усаживались отдѣльныя пары, часть молодежи группировалась на лужайкѣ, собираясь пѣть. Вокругъ насъ собралась другая группа. Здѣсь было много людей постарше возрастомъ, даже нѣсколько сѣдыхъ стариковъ, ибо вообще среди сознательныхъ крестьянъ люди средняго возраста занимаютъ довольно видное мѣсто. Молодежь, холостая и неотдѣленная, не имѣетъ хозяйственной самостоятельности и скорѣе играетъ роль хора, хотя тонъ и настроеніе все-таки создаетъ она. Сознательныхъ крестьянъ въ общемъ тоже называютъ «молодой партіей», «молодежью». Но въ этомъ смыслѣ и по сравненію съ городами деревенское понятіе молодежи гораздо обширнѣе и обнимаетъ многихъ людей лѣтъ 25—30, женатыхъ, съ дѣтьми, участниковъ на сходахъ, но все-таки, конечно, молодыхъ, сравнительно со старичками. Съ другой стороны, въ селахъ, гдѣ преобладаютъ «сознательные» самыхъ вліятельныхъ сходчиковъ, хотя бы молодыхъ лѣтами, тоже причисляютъ къ «старичкамъ»

Разговоръ завязался почти мгновенно.

— Теперь въ сто разъ легче жить,—говорили старики,—какъ стали напирать Съ арендаторомъ недавно сцѣпились.—

«Не будемъ платить по старому, будемъ по новому».—А арендаторъ говоритъ:—«Ну, давайте сѣмена оточтемъ да грѣхъ пополамъ» —А мы говоримъ:—«Нѣтъ, лучше сѣмена оточтемъ и работу, а уже остальное пополамъ:—Онъ кричитъ:—«Я позову полицію!»—Полиція говоритъ:—«Какъ вы смѣете? Это бунтъ!» — «Нѣтъ,—говоримъ—не бунтъ, а мы требуемъ своего».—И еще такъ говоримъ:—«Намъ васъ жалко. Если мы не внесемъ въ казначейство, чѣмъ вамъ жалованье будутъ платить, —а вы заступаетесь за купцовъ, да за дворянъ».

Такъ даже Попова приказчикъ плюнулъ и сказалъ:— «Нѣтъ, такая-сякая, тянуло, тянуло, да перевѣсило.

Молодежь смотрѣла мрачно и жаловалась на казаковъ.— —Ѣздятъ они взадъ впередъ, по дворамъ шарятъ, по дорогамъ дерутся. Съ возомъ поѣдешь, клади вилы на возъ для худой встрѣчи. По улицѣ пройти нельзя, наскачутъ съ нагайками. «Идите на покой, пока цѣлы»!.

— Ужъ мы ихъ пробовали уговаривать .

— Третьяго дня, — разсказывала молодежь, — обступили наши въ переулкѣ трехъ казаковъ:—«Вы, кобели, не надоѣло вамъ ваше дѣло, кнутами народъ гонять?»—Слово за слово. Упросились казаки. — «Братцы, пустите насъ, мы такіе же люди!»—«Люди, молъ, такіе, да нагайки у васъ другія».—И прибавили имъ ихнее же присловье:

— «Идите на покой, пока цѣлы!»

Вмѣстѣ съ мужчинами собралась группа женщинъ, человѣкъ десять или пятнадцать. Онѣ завели свой разговоръ и категорически потребовали себѣ избирательныхъ правъ въ законодательномъ собраніи

— А вы понимаете про законодательное и учредительное?—спросилъ я съ нѣкоторымъ недовѣріемъ.

— А то!—настаивали бабы,—все понимаемъ. Теперь какія старушки даже за букварь взялись. Только башки тугія, не слишкомъ къ наукѣ пригодны. Но все-таки подучились. Читаютъ по крупному. А изъ молодыхъ многія ученыя, не хуже мужиковъ. Онѣ могутъ намъ объяснить.

— У насъ вообще старики стали учиться,—разсказывали въ свою очередь мужчины —Одному даже пятьдесятъ пять

лѣтъ, сына у него забрали А онъ говоритъ. — «Научите меня грамотѣ! Хочу знать, за что людей забираютъ».И въ одинъ мѣсяцъ научился, сталъ газеты читать Теперь его нѣтъ здѣсь. Бросилъ хозяйство на старшихъ сыновей, завлекся газетами, ѣздитъ по округѣ, читаетъ, объясняетъ.

— А въ селѣ Самойловкѣ,—разсказывали съ другой стороны,—забрали одного старика за раздачу книжекъ. Стали ему говорить: подпиши протоколъ. А онъ говоритъ: «Вы бы, ваше высокородіе, сперва научили меня читать да писать, потомъ бы я подписывалъ»

Безграмотный старикъ въ роли распространителя «литературы» Только Безпокойная губернія можетъ создавать такія сочетанія.

— Какъ же онъ книжки распространялъ?—спрашиваю я съ недоумѣніемъ.

— Такой старикъ! У него были книжками карманы набиты, а разбиралъ онъ ихъ по оберткамъ. Поймаетъ грамотнаго человѣка и достанетъ для него, что болѣе подходящее.—Почитай вотъ эту! А другому другую даетъ —Почитай вотъ эту...

— Такой старикъ... Его прежде называли земскимъ начальникомъ. Потому онъ изъ Корытовской улицы и всю улицу судилъ. И даже лѣтъ десять тому назадъ, когда онъ былъ еще въ старыхъ мысляхъ, одну бабу приговорилъ выпороть Конечно, тутъ же выпороли, за нехозяйственность.

Другой земскій, настоящій, казенный, призвалъ его къ себѣ —«Какъ же, говоритъ, ты распоряжаешься, по какому праву и суду»? — «А такъ же, говоритъ, у васъ свой судъ, а у насъ свой». — Съ этого его прозвали: Корытовскій уличный земскій .

— Бабы слушательницы все-таки разсердились.—Самого видно безпереч пороли,—сказала одна молодуха, поджимая губы.

— Я весной была въ Самойловкѣ, — сказала другая постарше и въ примирительномъ тонѣ, — напомнила ему про эту бабу поротую. Такъ онъ самъ смѣется да кается. — Говоритъ, былъ дуракомъ. Что съ дурака возьмешь?..

— А что за Корытовская улица?—полюбопытствовалъ я.

— Тамъ наши живутъ,—объяснилъ тотъ же разсказчикъ.—

—Корытовскую улицу даже попъ въ церкви проклялъ за неблагонадежность.—

Я, впрочемъ, уже привыкъ, что разные концы одного того же села рѣзко отличались другъ отъ друга и имущественнымъ положеніемъ и политическимъ настроеніемъ, часто доходя до взаимныхъ дракъ и даже поджоговъ.

Бабы опять свернули разговоръ на женскія права.

— А что можно дать бабамъ права?—полушутя обратился я къ мужикамъ

— Не дадимъ!—сказалъ такъ же шутливо одинъ изъ стоявшихъ поближе

— Что-жъ пусть ихъ,—прибавилъ онъ снисходительно.—Онѣ тоже ищутъ встать за свою свободу.—

— А вотъ въ Бельгіи католическіе попы забрали женщинъ въ руки,—привелъ я всѣмъ извѣстный аргументъ.—А у насъ какъ будетъ?

Мнѣнія раздѣлились, но преобладало оптимистическое.

— Наши попы больше насчетъ доходу,— объяснила та же примирительная старуха. — Напримѣръ, гдѣ несчастье, у женщины мужъ умретъ, они сейчасъ обступятъ, какъ воронье. Въ такое время, ежели жили мало-мальски по человѣчески, она всего готова рѣшиться, весь домъ. А онъ подговариваетъ, улещаетъ:—«Дай для спасенья души».—У меня братъ двухродный умеръ недавно, не очень богатый. А дьякъ уже присылалъ узнавать:—Не закажутъ ли сорокоустъ?—«А вѣдь это шестьдесятъ рублей».

— Не очень закажутъ, — вступилась молодая, — многіе есть понимающія. У насъ теперь ихъ доходы упали Прежде въ поминальный день поставятъ попы кошолку, такъ ее полную накладутъ яйцами, блинами, кренделями, а теперь пустая стоитъ.

Мою тетку попъ призывалъ даже, уговаривалъ:—«Что же, говоритъ, вы хлѣбнаго для покойника стали жалѣть? Онъ вѣдь у васъ былъ хлѣбопашецъ»

Въ этихъ очеркахъ мнѣ приходилось уже нѣсколько разъ говорить о сельскомъ духовенствѣ. Я долженъ сказать вообще, что въ другихъ губерніяхъ мнѣ приходилось слышать и благопріятные отзывы. Но въ Саратовской губерніи дѣя-

тельность сельскаго священства отличается изнурительнымъ и темнымъ однообразіемъ. Изъ встрѣчъ нѣсколько иного характера могу привести только одного изъ городскихъ священниковъ, отца Виссаріона. Я встрѣтилъ его раза два на интеллигентныхъ собраніяхъ, но онъ обыкновенно слушалъ чужія рѣчи и молчалъ.

— Какъ намъ говорить, — сказалъ мнѣ однажды отецъ Виссаріонъ,—мы рождаемся рабами, мы не можемъ говорить Вотъ я хочу ротъ раскрыть, а меня какъ будто кто за горло ухватилъ. Или, напримѣръ, ты съ архіереемъ нашимъ никогда не разговаривалъ? Ты посмотри-ка на него Это такая личность, на кого хочешь впечатлѣніе произведетъ Поневолѣ замолчишь..

— Былъ дьяконъ Сходниковъ, — разсказывалъ отецъ Виссаріонъ.—Пилъ жестоко. Спрашиваютъ его купцы.—«Хорошій ты человѣкъ, а зачѣмъ пьешь»?—«Да если бы и тебя привязать къ столбу, да заставить часа три:—гу, гу гу!—ты не то запилъ, а повѣсился бы. А я тридцать лѣтъ гавкаю по собачьи».

Впрочемъ, самые яркіе разсказы были про извѣстный Ивановскій подвигъ ибо это крамольное село составило первый общественный приговоръ политическаго содержанія

Лучше всѣхъ объ этомъ разсказывалъ бывшій сельскій писарь Бычонковъ, принимавшій видное участіе во всей этой исторіи и только что вернувшійся изъ Камышинской тюрьмы.

Бычонкову было двадцать лѣтъ. Лицо у него было славное, такое ясное, твердое, открытое. Несмотря на свою молодость, Бычонковъ пользовался въ Ивановкѣ большимъ вліяніемъ и въ настоящую минуту даже являлся народнымъ героемъ.

Мнѣ передавали трогательныя подробности о немъ и его двухъ товарищахъ

На первомъ Ивановскомъ банкетѣ одинъ изъ нихъ выступилъ отъ имени всего кружка и сказалъ слѣдующее:

— Легче вельбуду пройти сквозь угольное ушко, чѣмъ мужицкому сыну добраться до настоящей науки. Откроютъ мужику щелку къ образованію, а сунь туда палецъ, его и прищемятъ. Предъ нами каменная стѣна, а брень пробить не

подъ силу. Такъ Богъ съ нимъ, съ ученьемъ. Вмѣсто ученья, мы приняли клятву: бороться противъ этой стѣны и крпчать до тѣхъ поръ, пока она разсыплется въ прахъ. Потомъ, можетъ, дѣти наши будутъ учиться...

Одному изъ трехъ товарищей, впрочемъ, удалось протиснуться сквозь вышеупомянутую щелку и поступить въ учительскую семинарію. Будущій учитель лѣтомъ работаетъ въ деревнѣ простымъ батракомъ и мѣсяцъ за мѣсяцемъ собираетъ свою скудную плату, а зимой возобновляетъ ученье и старается пропитаться на эти плоды своего заработка

Два другіе товарищи бросили мечту объ ученьѣ и вошли въ жизнь.

Говорившій на банкетѣ поступилъ сельскимъ писаремъ въ одно изъ самыхъ отсталыхъ селеній округа. Теперь по разсказамъ сосѣдей село раскололось на двѣ партіи, кулацкую и сознательную.

— Все село, какъ медвѣдь, ходитъ на дыбахъ,—разсказывали мнѣ —Кулаки стали грозиться на писаря. А молодые говорятъ:—Только суньтесь къ нему, голову оторвемъ. Даже такъ, что писарь сказалъ своей партіи:—Трудно стало, надо на время уйти назадъ въ Ивановку.— А молодые покраснѣли въ лицѣ.—Какъ же, говорятъ, мы безъ тебя останемся? Ты начиналъ, стой теперь посередкѣ. Не пустимъ тебя.

Бычонковъ остался въ Ивановкѣ, тоже поступилъ въ сельскіе писаря и принялъ участіе въ составленіи вышеупомянутаго общественнаго приговора, который какъ бы послужилъ прототипомъ сотнямъ другихъ ему подобныхъ Резолюція Петровскаго экономическаго совѣта, приведенная выше, можетъ служить другимъ образчикомъ такого приговора, ибо во всѣхъ приговорахъ говорится о необходимыхъ свободахъ, объ учредительномъ собраніи, на основаніи четырехчленной формулы, и о передачѣ земли въ руки народа.

Ивановскій приговоръ былъ написанъ языкомъ болѣе сдержаннымъ, но столь же опредѣленнымъ и твердымъ, какъ и Петровская резолюція. Копія его была немедленно отправлена по начальству.

На другой день прискакалъ становой и исправникъ:— Ахъ

вы, такіе сякіе, зачинщиковъ выдавайте! Кто вамъ подсунулъ такой приговоръ? Изъ города привезли навѣрно.

Эти рѣчи имѣли въ виду Алексѣя Петрова.

Бычонковъ выступилъ и сказалъ: — Приговоръ писалъ я.

— Врешь, врешь!.. Ты не можешь трехъ словъ такъ написать. Садись, пиши подъ мой диктантъ, ошибокъ не оберешься

— Это я могу,—возразилъ Бычонковъ,—а потомъ вы подъ мой диктантъ попробуйте, будемъ считать, у кого больше ошибокъ.

Черезъ два дня прискакалъ губернаторъ Столыпинъ—Крамольники, бунтовщики, кто васъ подбилъ?

— Всѣмъ міромъ.

— Врете, врете! Кто писалъ приговоръ?

Бычонковъ опять выступилъ и заявилъ — Я!—

— Лжешь ты! Поди садись, напиши!—

— Это я могу!

Бычонкова отвели въ сосѣднюю комнату и дали бумаги и чернилъ

— Ну, отчего ты не пишешь?—

— Постойте, дайте обдумать. Я слишкомъ взволнованъ.—

— Врешь ты все! Отчего тебѣ волноваться?

— Я еще такой особы не видывалъ такъ близко. —

Черезъ полчаса Бычонковъ написалъ на память новую копію приговора.

— Врешь ты все! Ты наизустъ заучилъ... Цыцъ, молчать, не разсуждать!..

Особенно разозлило губернатора требованіе націонализаціи земли. На почвѣ вопроса о частной собственности у него уже было столкновеніе съ Ивановскимъ сходомъ мѣсяца за два до приговора.

— Вы собственности не уважаете,—упрекалъ губернаторъ Ивановцевъ,—ловите рыбу въ чужихъ прудахъ, ломаете жерди въ помѣщичьемъ лѣсу. Это грѣхъ передъ Богомъ —

Послѣ этихъ упрековъ выступилъ одинъ сѣдой старикъ и сказалъ слѣдующее:

— Ваше превосходительство, мы твою рѣчь выслушали,

теперь ты выслушай нашу! У меня два сына на войнѣ, ѣдоковъ въ домѣ 21, а земли одна душа. Какъ намъ пропитаться?—

Губернаторъ пашелся возразить только по Мальтусу.

— А кто вамъ велѣлъ такъ расплодиться?—

— Это грѣхъ,—заговорили старики,—Это не по Божьему.—

— Цыцъ, молчать, не разсуждать!—

На этотъ разъ губернаторъ вздумалъ возобновить пренія съ Ивановскимъ сходомъ по тому же предмету.

Онъ даже положилъ руку на плечо одному изъ мужиковъ, стоявшему поближе, и сказалъ:—Это твоя поддевка?—Моя.—

— Ты не хочешь, чтобы отняли ее у тебя. Ну и земля такъ.—

— Да вѣдь поддевку сдѣлали руки человѣка, а земля Божья.

— Цыцъ, замолчать! Кто васъ сбиваетъ, внушаетъ такія идеи?—

Упорствующій сельскій сходъ былъ запертъ въ сельскомъ правленіи и окруженъ казаками.

— Эхъ, и кричалъ же онъ,—разсказывали мужики,—только брызги летѣли. Затопаетъ ногами, выскочитъ на крыльцо:—«Мужичье, конституціевъ захотѣли. Земли да вольности!»

Мужики отвѣчали на всѣ крики крайне сдержанно, но бабы обложили кругомъ сельское правленіе и были настроены болѣе строптиво.

— Какъ выскочитъ онъ на крыльцо,—разсказывала мнѣ одна изъ старухъ,—да крикнетъ что-то. А намъ слышится. «Розогъ»—Ну, думаемъ: «все равно, берите бабы кирпичи, заполосуемъ его, будь что будь!»

— Потомъ вывели ихъ, оцѣпили, дочка моя прибѣжала къ отцу —«Что съ тобой дѣлаютъ, папаня?»—Казаки стали гнать, она какъ крикнетъ—«Прочь отъ меня. Потомъ не увидимъ его. Теперь мы должны быть вмѣстѣ съ нимъ».—

Черезъ два часа безполезныхъ криковъ губернаторъ положилъ резолюцію:—На другой день выдать зачинщиковъ, сказать, кто подучилъ, и кто написалъ приговоръ, и составить другой приговоръ въ офиціальномъ духѣ

Вечеромъ общество совѣщалось и въ виду присутствія

воинской силы рѣшило молчать, а говорить за себя предоставить сельскому старостѣ.

— Ну что, надумались, старики?—спросилъ губернаторъ на слѣдующее утро.

— Надумались, ваше превосходительство,—отвѣчалъ староста.

— Ага! Гдѣ новый приговоръ? -

— Нѣтъ, ужъ мы при старомъ, Ваше п—во!..

Губернаторъ опять разсердился и предпринялъ личный опросъ.

— Эй ты съ краю, ты что, надумался?

Но «ты съ краю» хранилъ упорное молчаніе. Весь сходъ молчалъ.

— А, вы изъ меня хотите сдѣлать Иванушку Дурачка? Я вамъ покажу! —погрозился губернаторъ.

На другой день по доносу деревенскаго шпіона было арестовано двадцать наиболѣе вліятельныхъ крестьянъ Въ числѣ ихъ было нѣсколько сѣдовласыхъ стариковъ и даже любопытная пара: отецъ съ тридцатипятилѣтнимъ сыномъ.

По своей обыкновенной системѣ губернаторъ назначилъ имъ административное наказаніе, 18 человѣкамъ одинъ мѣсяцъ тюрьмы, а Бычонкову и одному старику Савельеву—два мѣсяца.

Кстати сказать, общее число крестьянъ, заключенныхъ въ тюрьму по такимъ и подобнымъ дѣламъ по одной Безпокойной губерніи, уже къ сентябрю доходило до 600.

Фигура деревенскаго доносчика тоже очень типична Безъ собственнаго доносчика или цѣлой группы не обходится ни одно село. Ихъ бьютъ, поджигаютъ, выселяютъ вонъ, но на ихъ мѣсто являются новые.

Ивановскій доносчикъ былъ разорившійся деревенскій кулакъ. По разсказамъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, у него въ горницѣ была мягкая мебель, и по утрамъ онъ надѣвалъ на себя халатъ съ кистями. Онъ добывалъ деньги ростовщичествомъ, но появленіе кредитнаго товарищества разорило его въ два года. Подъ конецъ ему пришлось на старости лѣтъ приняться за плугъ.

— Ѣдешь мимо,—разсказывали мужики,– а онъ пашетъ,

да не умѣетъ Разучился смолоду. Козыряетъ у него плугъ, какъ бумажный змѣй безъ хвоста... Ну кто-нибудь и посмѣется:—«Не натеръ ли ты свои руки? Потри, говорятъ, по пальцамъ сальцемъ!.. — Изъ такихъ разорившихся ростовщиковъ, земельныхъ арендаторовъ, мелкихъ торговцевъ, набираются самые неумолимые враги освободительнаго движенія въ деревнѣ и городѣ, готовые не только на доносъ, но и на грабежъ и убійство.

Впрочемъ, судьба ивановскаго доносчика была не изъ пріятныхъ. Объ его участіи въ этомъ дѣлѣ узнали на другой же день и все село объявило ему безпощадный бойкотъ и войну. Дворъ его два раза поджигали и, наконецъ, сельскій сходъ категорически предложилъ ему убраться прочь. Несчастный доносчикъ отправился въ Вольскъ къ сыну, но даже сынъ не принялъ его и объявилъ: «мнѣ такихъ Искаріотовъ не надо!» Въ концѣ концовъ, неудачному Искаріоту пришлось переѣхать въ другую губернію.

Арестованные крестьяне для большей безопасности были отвезены въ сосѣдній Камышинскій уѣздъ и заключены въ Камышинскую тюрьму. Общество исполнило для ихъ семействъ всѣ нужныя работы, вывезло навозъ, помогло косить сѣно. Бѣднѣйшимъ дали хлѣба и картофелю.

Черезъ мѣсяцъ восемнадцать человѣкъ вернулись домой. Общество выслало имъ навстрѣчу восемнадцать подводъ. На каждой подводѣ сидѣло по четыре человѣка. Лошади были украшены зелеными листьями и красными лентами. Когда торжественный поѣздъ въѣзжалъ въ село, навстрѣчу ему вышли изъ конопляниковъ трое ребятишекъ, двѣ дѣвочки и мальчикъ и въ видѣ привѣтствія пропѣли извѣстную крестьянскую марсельезу:

За честь, за свободу, за хлѣбъ трудовой
Мы выйдемъ бороться съ врагами.

Это привѣтствіе со стороны дѣтей было такой неожиданностью, что нѣкоторые изъ освобожденныхъ просто расплакались.

Въ сущности такое поведеніе дѣтей было довольно естественно.

Въ Иваповкѣ вышли изъ употребленія всѣ народныя пѣсни

и замѣнились общими пѣснями русской интеллигентной молодежи, изъ которыхъ Некрасовскій хоралъ: «Укажи мнѣ такую обитель», является изъ самыхъ умѣренныхъ. Деревенскій хоръ въ Ивановкѣ большой, хорошо организованный, съ регентомъ и даже съ аккомпаниментомъ скрипокъ. Немудрено, что ребятишки, стоящіе кругомъ, перенимаютъ тѣ же пѣсни

— Посмотри на дѣтишковъ нашихъ, — указала мнѣ одна старуха во время такого пѣнія.—Они страсть хитрые Голосомъ то не выводятъ, а губами все шепчутъ.

Послѣ пѣсеннаго привѣта маленькихъ шептуновъ, весь поѣздъ подъѣхалъ къ чайной. Собралось человѣкъ триста крестьянъ, устроили тутъ же складчину и вышелъ импровизированный банкетъ

Бычонковъ съ Савельевымъ вернулись черезъ мѣсяцъ въ разгарѣ страды

День былъ будній. Тѣмъ не менѣе молодежь сбѣжалась со всѣхъ концовъ и предыдущій банкетъ былъ повторенъ наскоро, часа на два или на три.

— Какъ увидали, что Бычонковъ ѣдетъ, — разсказывали мнѣ молодые люди, — сейчасъ побѣжали въ его улицу. Потомъ думаемъ, что же мы съ пустыми руками? Собрали кой-чего, стали считать, перво на-перво собралось четыре съ полтиной. Купили меду, пряниковъ, коржиковъ, сѣмечекъ, пошли встрѣчу, спѣли кой-чего, потомъ ушли въ садъ.

Не лишне указать, что на этихъ банкетахъ не было ни водки, ни даже пива, ничего, кромѣ безобиднаго бутылочнаго меду, ибо молодежь вообще относится къ пьянству непріязненно и даже поговариваетъ о бойкотѣ винныхъ лавокъ.

Бычонковъ и Савельевъ разсказывали любопытныя подробности о своемъ тюремномъ заключеніи.

— Жилось намъ въ тюрьмѣ не худо,—разсказывалъ Бычонковъ, — все у насъ было Денегъ намъ посылали изъ дому и изъ общества. Разъ приходитъ къ намъ на свиданіе молодой студентикъ, приноситъ шесть рублей.

Я говорю:—«Намъ не нужно, насъ не забываютъ въ Ивановкѣ.»—А онъ чуть не плачетъ: —«Возьмите пожалуйста. Это мы собрали».—«Что же, говорю, я возьму для той же общей

кассы.»—Насчетъ книгъ хуже было. Книги тюремныя плохія. Напримѣръ, разсказъ: «отъ Божія ока не укроешься». Будто для воровъ, что чего ни дѣлать, Богъ найдетъ. Но воры ихъ не читаютъ. Другія повѣсти все про дворянскія добродѣтели Такія книги: читаешь, читаешь, плюнешь, да захлопнешь, чтобъ ей не раскрываться и не разлѣпливаться.

— А дядя Савелій читаетъ, читаетъ, да какъ закричитъ:— Кто писалъ, я бъ его, я бъ его, я бъ его!..

— Потомъ отпустили насъ. Идемъ двое, насъ желѣзнодорожные рабочіе спрашиваютъ:

— Откуда идете!— Такъ мы! — Какъ такъ? — Мы тюремщики, ослобонились.

— Вы, должно быть, Балашовцы. Эхъ, тогда полиція догадалась, не повела васъ черезъ нашъ мостъ. Мы думали васъ отбить. А тамъ тогда стачка была, человѣкъ 800 желѣзнодорожныхъ.

На лужайкѣ собиралось все больше и больше молодежи.

— Пѣвцы, сюда!

Въ центрѣ собранія образовался большой кругъ, внутри котораго стоялъ регентъ съ камертономъ и скрипкой.

Мы жертвою пали въ борьбѣ роковой
Любви беззавѣтной къ народу.
Мы отдали все, что могли, за него,—
За братство, любовь и свободу.

Торжественные звуки громко неслись въ воздухѣ. Всѣ сняли шапки и притихли. Стройной и сильной волной лилась надъ Ивановскимъ паркомъ и носилась вокругъ старой церкви заупокойная пѣснь борцовъ русскаго освобожденія.

А деспотъ пируетъ въ роскошномъ дворцѣ,
Тревогу виномъ заливая,
Но грозныя буквы на черной стѣнѣ
Чертитъ ужъ рука роковая.

— Марсельезу!

Хоръ дрогнулъ и сомкнулся тѣснѣе. Лица у всѣхъ засвѣтились юнымъ задоромъ и самый воздухъ какъ будто сталъ ярче и свѣтлѣе.

За честь, за свободу, за хлѣбъ трудовой
Идемъ мы бороться съ врагами.
Довольно имъ властвовать нами.
На бой, на бой, на бой!..

Пѣніе росло. Люди подходили и подходили. Къ хору примыкали все новые пѣвцы.

— Ну-ка студенческую! — предложилъ голосъ изъ толпы слушателей.

Тамъ, гдѣ тинный Булакъ
Со Казанкой рѣкой
Словно братецъ съ сестрой,
Обнимаются

— Веречумъ, веречумъ, я студентъ!—подхватили припѣвъ пятьдесятъ звонкихъ женскихъ голосовъ.

А Варламій святой,
Словно лѣшій какой ..

— Веречумъ, веречумъ, я студентъ!—подхватилъ звонкій женскій хоръ.

Голоса молодыхъ пѣвицъ звучали такъ громко и убѣжденно, и я внезапно уразумѣлъ, что если черная сотня называетъ сознательную крестьянскую молодежь студентами, то въ этомъ опредѣленіи заключается доля истины. Обѣ группы русской молодежи, студенческая и народная, сходны и по взглядамъ, и по настроенію, и по особой чистотѣ, которая обвиваетъ этихъ юношей какъ будто свѣтлымъ розовымъ флеромъ.

Инстинктъ черной сотни чувствуетъ это сходство и во многихъ мѣстахъ имя студентъ совершенно потеряло педагогическое значеніе и пріобрѣло партійный характеръ. Балашовскіе торговцы говорятъ про Ивановскихъ, Трубецкихъ и Тростянскихъ крестьянъ, что они «поверстались въ студенты».

Въ селѣ Лопатинѣ былъ случай еще характернѣе. Пятеро крестьянъ изъ селенія Песчанки, лежащаго въ самомъ глухомъ углу уѣзда и населеннаго хохлами, пріѣхали въ Лопатино искать, гдѣ «записываются въ студенцы».

— Такіе студенцы,—настойчиво объясняли они,—которые бунтуются, а между прочимъ не велятъ денегъ за аренду платить...

— Долой полицію!..

Одинъ изъ Ивановскихъ стражниковъ, воспользовавшись тѣмъ, что вниманіе школьнаго сторожа было отвлечено пѣсней, вошелъ въ садъ сквозь открытыя ворота.

Толпа встрѣтила его свистомъ и криками.

— Долой, долой! Какіе съ кокардами, имъ здѣсь не мѣсто.

— Да я снялъ кокарду!—оправдывался стражникъ.

— Кокарду то снялъ,—возразили изъ толпы,—а ржавая дырочка осталась.—

Раздался дружный хохотъ. Дѣйствительно, на шапкѣ стражника, на мѣстѣ снятой кокарды, осталась дырочка съ желтоватыми краями

— Уйди добромъ. Чужимъ мы не позволяемъ.—

— Садись, ребята, въ кружокъ, будемъ дѣлать митингъ.—

Публика усѣлась на травѣ, оставивъ въ срединѣ мѣсто для ораторовъ

— Пожалуйте на сельскій сходъ, — обратился ко мнѣ и къ Ѳеологову одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ.

— Будемъ рѣчи говорить.

Начались рѣчи, то задорныя и страстныя, то болѣе спокойныя, взывавшія къ обдуманности и планомѣрнымъ дѣйствіямъ.

— А у насъ новость открылась, — сталъ разсказывать одинъ молодой крестьянинъ,—мясная пропаганда —

— Какая мясная пропаганда!—

— Это послѣ Петровскихъ розговѣнъ, — смѣялись крестьяне, — нападутъ мужики на чей ни попало гуртъ, отобьютъ пару овецъ, да быка. Потомъ уведутъ на деревню и мясо подѣлятъ по душамъ «Вотъ и разговѣлись»!—

— И вы такъ дѣлаете?—спросилъ я въ упоръ.

Разсказчикъ замялся.—Нѣтъ, мы такъ не дѣлаемъ,—признался онъ,—напрасно на насъ говорятъ купцы, еще и разбойниками насъ величаютъ.

— Дѣлаютъ это изъ тѣхъ селъ, которыя темнѣе и злѣе..

Очевидно, иваповцы были слишкомъ культурны для такихъ прямыхъ операцій надъ чужимъ стадомъ, хотя бы имъ владѣлъ богатый помѣщикъ или купецъ.

— А вчера ночью цѣлый гуртъ угнали, — смѣялись крестьяне, — у Попова купца. Невѣдомо кто, невѣдомо куда. Штукъ съ полсотни А остальныхъ должно быть по степи разогнали. Теперь какъ хочешь, такъ и собирай.—

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выяснилось, что Поповъ за

свои операціи по арендѣ помѣщичьей земли пользуется единодушной ненавистью всѣхъ окрестныхъ селъ

— Теперь бываетъ разное,—смѣялись крестьяне.—Напримѣръ, село Мартыновка, то было черносотенное, а вдругъ объявило, что переходитъ къ сознательнымъ, и покосило у помѣщика траву...—

— А въ селѣ Лопатинѣ, — разсказывалъ другой, — изъ черносотенныхъ даже роптать стали:—«Надо, говорятъ, переходить въ бунтовщики, а то на ихъ сторонѣ теперь силы больше, даже матросы вмѣстѣ съ ними».—

— А въ Камышевкѣ у шпона просянку подожгли,—разсказывалъ новый разсказчикъ, — но только и въ шпонской партіи есть проворные Въ ту же ночь у одного сознательнаго тоже сожгли просянку...—

— Вы что же это, другъ друга жжете?—заволновался Алексѣй Петровъ.

— Этакъ у васъ въ селахъ житья не будетъ.

— А что съ ними дѣлать?—доказывали изъ толпы —И такъ житья нѣтъ отъ ихняго звѣрства... Стражники, шпоны, казаки, попы... Обдираютъ народъ, какъ липку. Съ ихними казаками и нагайками ангелъ и тотъ обозлится.

— Въ нашихъ селахъ стражникамъ не очень много ходу,—разсказывали другіе.—Гдѣ ни встанутъ на квартиру, ночью на окно прилѣпляется билетикъ: — «Здѣсь полицію не держать». Не то одно средство...

Ну, хозяинъ и всполошится: «Уходи, пожалуйста. А то и меня съ тобой сожгутъ»...

— Какъ это вы всѣхъ селъ не пережгли,—замѣтилъ я.—Крыши у васъ соломенныя...

— Ты тоже скажешь, — возразили изъ толпы. — Въ комитетахъ люди знающіе. Они выбираютъ такое время, росистое до безвѣтренное, или чтобы вѣтеръ не въ ту сторону тянулъ...

— Да вы бы полегче какъ-нибудь, — умолялъ Алексѣй Петровъ. Лицо его было взволнованно. Всю жизнь онъ велъ проповѣдь культуры и свободы, а теперь благодаря желѣзнымъ условіямъ русской жизни, эта проповѣдь, претворен-

пая въ дѣло, явилась одной изъ дѣйствующихъ партій междоусобной войны.

На лицѣ его даже проступило что-то безпомощное, женски-растерянное. И со своимъ грузнымъ тѣломъ и большими руками онъ напоминалъ матерую деревенскую насѣдку, которая вывела партію бойцовыхъ пѣтуховъ...

— Именемъ закона!..

У ограды парка показались головы лошадей и силуэты всадниковъ. Они положили винтовки поверхъ частокола и цѣлились прямо въ толпу. Вотъ оно русское «полегче»!..

Началось невообразимое смятеніе Женщины и дѣвушки бросились въ глубину парка, укрываясь за деревьями. Мужчины хлынули къ воротамъ.

Не знаю, что бы могло произойти, но въ слѣдующую минуту энергія осаждавшихъ нашла себѣ новую цѣль.

Мы съ Алексѣемъ Петровымъ, два учителя школы и членъ управы Абловъ отступили къ школьнымъ зданіямъ, спутники мои вошли внутрь школы. Я остался стоять на крыльцѣ школы, откуда можно было можно видѣть всю группу наступавшихъ казаковъ. Разумѣется, и моя фигура была хорошо видна съ улицы.

Какъ только ворота послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ были открыты, внутрь парка вошелъ урядникъ и обращаясь ко мнѣ заявилъ, что господинъ приставъ просятъ меня пожаловать на минутку.

Недолго думая, я сошелъ съ крыльца и вышелъ изъ воротъ.

Почти въ ту же самую минуту я увидѣлъ себя въ центрѣ группы вооруженныхъ всадниковъ, которые съ большой ловкостью заѣхали сзади и заставили меня отступить отъ стѣны парка. Они показались мнѣ чрезвычайно высокими. Лица у нихъ были свирѣпыя, глаза вытаращенные и даже усы топорщились съ какимъ-то чисто азіатскимъ видомъ. Въ рукахъ у казаковъ оказались нагайки, которыми они размахивали въ непріятной близости надъ самой моей головой.

Противъ меня въ центрѣ группы былъ молодой безбородый человѣкъ на черной лошади. Это былъ приставъ Сахаровъ. Лицо у него было странное, злое и вмѣстѣ изму-

ченное, и даже испуганное Онъ напомнилъ мнѣ извѣстнаго Арабин-тойона, сумасшедшаго курьера изъ разсказа Короленки.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось сдѣлать путешествіе изъ Иркутска въ Якутскъ въ партіи политическихъ ссыльныхъ и подъ командой того казачьяго сотника, который повидимому послужилъ прототипомъ Арабина.

Приставъ Сахаровъ походилъ на Арабина не только правомъ, но даже чертами лица.

Всадникъ на черной лошади безъ церемоніи сталъ наступать и оттѣснилъ меня назадъ къ казацкой цѣпи.

— Я васъ арестую,—кричалъ онъ.—Отвести его въ сельское управленіе.

— Прежде посмотрите мою визитную карточку — возразилъ я.

Полицейскій урядникъ, помѣщавшійся въ цѣпи, спѣшился, принялъ изъ моихъ рукъ карточку и поднесъ ее приставу.

— Здравствуйте, дорожный знакомецъ! — привѣтствовалъ онъ меня съ ехидной улыбкой.—Пришлось таки встрѣтиться!

Это былъ урядникъ Арѣшинъ, который считается самымъ умнымъ изъ полицейскихъ чиновъ Балашовскаго уѣзда и въ то же время играетъ очень дѣятельную роль въ полицейской организаціи для совмѣстнаго взиманія взятокъ. Ибо по разсказамъ обывателей такая организація существуетъ и дѣйствуетъ не хуже итальянской маффіи. И члены ея будто бы даже приносятъ присягу не выдавать другъ друга и не допускать слѣдствія.

Впрочемъ, и вся русская полиція представляетъ ни что иное, какъ одну огромную организованную маффію.

Я встрѣтилъ Арѣшина за два дня передъ этимъ въ вагонѣ, подъѣзжая къ Балашову. Онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ. Моимъ спутникомъ въ свою очередь былъ народный учитель Д., человѣкъ того новаго настроенія, которое народилось на Руси въ послѣдніе полтора года. Учителю Д. было лѣтъ тридцать пять отъ роду. Всю свою жизнь онъ, вѣроятно, помалкивалъ. Теперь онъ говорилъ неумолкая и постоянно вступалъ въ споры въ публичныхъ мѣстахъ и съ незнакомыми людьми, не уклоняясь отъ самыхъ щекотливыхъ вопросовъ. Учитель сцѣпился съ Арѣ-

шинымъ. Мало-по-малу въ споръ были втянуты не только я и жандармъ, но и вся остальная публика вагона.

Рѣчи Арѣшина были въ высокой степени характерны. Это былъ какой то анархистъ въ полицейскомъ мундирѣ, Кассандра изъ участка, предчувствовавшая паденіе своего чернаго царства и желавшая напророчить гибель всему міру. Японская война еще не была окончена, и, разумѣется, полицейскій пророкъ былъ ярымъ противникомъ мира

— Возьмутъ съ насъ японцы пятьдесятъ милліардовъ контрибуціи, — выкликалъ онъ почти истерическимъ голосомъ,—отберутъ всю Сибирь, Польшу, Кавказъ. А потомъ что?.. Эту аграрную смуту въ десять лѣтъ не унять. У насъ началась подлость гаже, чѣмъ у всѣхъ народовъ. Даже у Франціи въ революціи полегче было. Хотя они короля казнили, такъ въ деревнѣ другъ дружку не жгли...

— Вотъ Трубецкой говорилъ откровенно государю,—продолжалъ Арѣшинъ.—А гдѣ были эти Трубецкіе раньше? Отчего не остановили войну? Отъ трусости своей.

— Или отчего не исполняется царево приказаніе о скорѣйшемъ созывѣ? Гдѣ передачи? Отчего раньше не объединялись въ союзы, не возставали противъ произвола? . А теперь народъ натравливаютъ. Я бы ихъ на медленномъ огнѣ посжигалъ...

— Погибаетъ Россія, — выкликалъ онъ чуть не черезъ каждыя двѣ фразы.

— На части распадается Россія... Вотъ мы теперь ѣдемъ по дѣлу. А гдѣ - нибудь въ закоулкѣ намъ могутъ голову пробить. Подохнешь, какъ собака...

Эти іереміады продолжались вплоть до подгородней станціи, гдѣ оба чина слѣзли съ поѣзда и отправились по своему дѣлу.

Какъ только они вышли, вагонъ зашумѣлъ, какъ потревоженный улей.

— Слышите,—сказалъ какой-то толстый сѣдоватый купецъ съ злымъ смѣхомъ.—Самъ пьянъ, а говоритъ, что весь свѣтъ кружится. Отчего, молъ, насъ раньше не унимали? Гдѣ были передачи? А чѣмъ его унять? Развѣ дубиной по лбу.

Теперь встрѣча съ этимъ казеннымъ Іереміей не предвѣщала ничего утѣшительнаго.

Арѣшинъ взялъ мою карточку и поднесъ ее приставу. На карточкѣ было напечатано:—«Такой-то, въ командировкѣ отъ Академіи Наукъ.

Къ несчастію, приставъ Сахаровъ повернулъ ее вверхъ оборотной стороной. А на оборотной сторонѣ то же самое было напечатано по-англійски

— Вотъ видите! — объявилъ онъ съ торжествомъ, — вы, значитъ, иностранный агитаторъ. Я васъ арестую.

Тщетно я ссылался на свой паспортъ, тоже выданный изъ Академіи Наукъ.

— Не знаю никакой Академіи!—кричалъ Сахаровъ.—Отвести его въ холодную.

Мало того, когда я вынималъ паспортъ, зоркій взглядъ Арѣшина подозрилъ въ моемъ бумажникѣ литографированный листокъ.

Не долго думая, онъ очень ловко нырнулъ пальцами въ бумажникъ и вытащилъ предательскій листокъ на свѣтъ Божій.

— Прокламація!—кричалъ онъ съ торжествомъ.

Я объяснилъ, что это только программа очень умѣреннаго рабочаго Союза.

— Все равно, и союзы не разрѣшены,—возразилъ Арѣшин,—придется вамъ отвѣчать.

Подъ конвоемъ всѣхъ сорока пяти казаковъ меня повели въ сельское правленіе. Абловъ выскочилъ на шумъ и попытался вразумить пристава, но и самъ чуть не попалъ подъ арестъ.

Зато крестьяне шли за нами вслѣдъ большой толпой и поближе къ сельскому правленію шествіе ихъ постепенно приняло характеръ манифестаціи.

— Разойдись!—кричали казаки,—затопчемъ!—

Но толпа вела себя строптиво. Особенно рѣшительно вели себя женщины, и въ частности портъ-артурскія солдатки. Каждая изъ нихъ имѣла на рукахъ по младенцу. Это была заранѣе выработанная тактика, и нѣкоторыя брали даже чужихъ младенцевъ.

Вооруженныя этимъ живымъ щитомъ, онѣ дерзко лѣзли подъ самыя морды лошадей.

— На, песъ! бей невинную душку!—кричали онѣ —Глад

кіе черти, отъ японцевъ небось бѣгаете, а съ бабами мастера воевать, горшки обшаривать.—

Обозленные казаки арестовали одного изъ мужчинъ, но солдатки немедленно отбили его назадъ.

— Это мой деверь!—кричала одна изъ наиболѣе бойкихъ.—Моего мужа небось на войну взяли. А если деверя возьмете, мнѣ что, съ голоду помирать? Чертъ васъ возьми.

— Бей васъ лихая немочь!—проклинали солдатки.—Принесло васъ сюда на нашу погибель.—

— Идите, жалуйтесь на меня! — заявилъ, наконецъ, Сахаровъ.

— Кому жаловаться?—кричали солдатки,—какому кобелю!

— Вотъ ничего теперь у насъ нѣту, такъ намъ не страшно. Пойдемъ по имѣніямъ да по хуторамъ, сами, что нужно, отберемъ.

Въ сельскомъ правленіи между мной и Абловымъ съ одной стороны, и приставомъ Сахаровымъ и урядникомъ Арѣшинымъ—съ другой, произошелъ продолжительный споръ Я доказывалъ, что арестовать меня нѣтъ никакихъ причинъ, ссылался на Академію Наукъ и на русскую литературу, но приставъ Сахаровъ стоялъ на своемъ и утверждалъ, что я подозрительная личность, и что меня нужно отправить въ городъ

Въ своихъ рѣчахъ Сахаровъ постоянно сбивался на бунтовщиковъ крестьянъ.

— Я отъ нихъ ночей не сплю,—жаловался онъ,—на ногахъ едва держусь, до того довели подлецы. — Я заболѣю отъ нихъ, я умру отъ нихъ. А вы говорите объ Академіи Наукъ...

Въ концѣ концовъ разговоръ принялъ острыя формы.

— Знаете что, — сказалъ я обозлившись,—я васъ такъ распишу въ газетахъ, что радуга на васъ заиграетъ.

— Пишите,—возразилъ Сахаровъ съ безпечной улыбкой,—про меня уже и не то писали.

— Даже стихи сочиняли про меня, — прибавилъ онъ неожиданно довѣрчивымъ тономъ, — называли меня: Ивушка, Ивушка, дерево гнилое. Это еще когда я вь конторщикахъ служилъ.

Три года тому назадъ приставъ Сахаровъ дѣйствительно

служилъ мелкимъ писцомъ или конторщикомъ на пятнадцати-рублевомъ жалованьи. Теперь онъ дѣлалъ гораздо болѣе удачную карьеру, главнымъ образомъ благодаря покровительству губернатора Столыпина, съ которымъ онъ спознался черезъ голову Балашовскаго исправника. Конечно, въ пылу этой карьеры ему было не до газетъ.

Урядникъ сѣлъ составлять протоколъ для предстоящаго казеннаго пакета, въ приложеніи къ которому я имѣлъ быть пересланъ въ городъ Балашовъ

— Придя я въ школьный садъ,—гласилъ протоколъ,—тамъ оказалась неразрѣшенная толпа, которая занималась чтеніемъ. При ономъ присутствовалъ неизвѣстный человѣкъ, по описи бумагъ и имущества называющій себя такъ-то...

Когда казенный пакетъ былъ приготовленъ, пришлось садиться въ телѣжку. Казачій конвой, окружавшій телѣжку, имѣлъ чрезвычайно свирѣпый видъ Въ воздухѣ пахло избіеніемъ, урядникъ Арѣшинъ улыбался такъ зловѣще. Другая часть казачьяго отряда продолжала наступать на толпу солдатокъ, но попрежнему безъ особаго успѣха.

Въ виду всей этой обстановки я попросилъ Аблова не оставлять меня одного и ѣхать въ Балашовъ въ той же почтовой телѣжкѣ. Двоихъ всегда труднѣе избить, чѣмъ одного, и въ худшемъ случаѣ я имѣлъ бы хоть одного свидѣтеля.

Предосторожность оказалась далеко не лишней.

Наши конвоиры имѣли чрезвычайно обозленный видъ и съ самой околицы села начали употреблять весьма недвусмысленныя выраженія.

— Безстыдники, балбесы!—кричали они, подскакивая къ телѣжкѣ,—съ мужиками, съ лапотниками знаетесь, а порядочную полицію пренебрегаете! . Я относился къ ихъ брани безъ особаго раздраженія, вспоминая свой юношескій этапный опытъ, но Абловъ былъ возмущенъ и попробовалъ въ свою очередь возвысить голосъ. По при первыхъ же его словахъ стражники угрожающе подскочили къ намъ вплотную.

Я попробовалъ усовѣстить ихъ, говорилъ объ Академіи Наукъ объ ожидающей ихъ серьезной отвѣтственности и тому подобное. Не могу сказать, чтобъ я особенно вѣрилъ

въ свои слова, но стражники повидимому повѣрили и отъѣхали прочь.

Такія сцены повторялись по дорогѣ три или четыре раза Абловъ негодовалъ, стражники потрясали нагайками, а я проливалъ на эти бурныя воды словесное масло законности и озарялъ ихъ миражемъ отвѣтственности по суду.

Наконецъ, въ отдаленіи показались городскія колокольни. Старшій урядникъ задумался, окончательно утихъ и отъѣхалъ прочь. Мои слова въ соединеніи съ блескомъ золотыхъ крестовъ надъ церквами видимо производили на него свой гипнозъ. Внезапно съ правой стороны показался товарный поѣздъ. Нѣсколько вагоновъ и платформъ были заняты казаками, которые вѣроятно ѣхали на новое усмиреніе.

Урядникъ поскакалъ впередъ, сталъ махать шапкой. Поѣздъ остановился. Урядникъ соскочилъ съ лошади, взобрался на платформу и черезъ минуту отъ него осталось только воспоминаніе и пустое сѣдло.

Это была если не физическая, то нравственная побѣда ..

Въ городѣ «недоразумѣніе» разъяснилось. Жандармскій ротмистръ чувствовалъ себя довольно смущенно Онъ говорилъ о нервности и крайней возбужденности измученной полиціи. Доказывалъ также, что въ такія безпокойныя селенія, какъ Ивановка или Трубетчина, не слѣдуетъ вовсе ѣздить.

— Что вамъ тутъ дѣлать,—вырвалось у него,—уѣзжайте лучше въ другое мѣсто.

Часа черезъ два мы были отпущены. Главная цѣль Сахарова и его нагайской команды все-таки не была достигнута, ибо избіеніе не состоялось.

Обдумавъ положеніе, я рѣшилъ послѣдовать совѣту ротмистра и уѣхалъ въ Москву. Слѣдующее столкновеніе съ «нервной» полиціей вѣроятно не обошлось бы мнѣ такъ дешево

До сихъ поръ я не могу безъ сожалѣнія вспомнить, что благодаря вмѣшательству Сахарова мое знакомство съ Ивановкой прервалось въ самомъ началѣ. Ивановка, напримѣръ, имѣла своего стихотворца импровизатора изъ семьи Дудниковыхъ, гдѣ умѣнье говорить въ складъ и острословіе переходятъ отъ отца къ сыну. Теперь это упущеніе не можетъ

быть исправлено, ибо вскорѣ послѣ моего отъѣзда, казачій отрядъ, помѣщенный въ Ивановкѣ, въ цѣляхъ обузданія ея строптивости, зарубилъ Дудникова на смерть, вѣроятно, въ отместку за какое-нибудь летучее словечко.

Послѣ моего отъѣзда и въ Балашовѣ и въ Ивановкѣ произошли исключительныя событія. Приставъ Сахаровъ въ присутствіи губернатора Столыпина организовалъ черную сотню, одну изъ первыхъ въ великорусскихъ городахъ. Эта черная сотня въ союзѣ съ казаками сдѣлала нападеніе на либераловъ и при этомъ дѣйствовала нагайками болѣе рѣшительно, чѣмъ со мною и Абловымъ. Домъ Ѳеологова былъ разгромленъ и разграбленъ хулиганами. Казаки и черная сотня открыто хвастали, что имъ «приказано» убить Ѳеологова. Алексѣю Петрову пришлось спасаться изъ Балашова въ Тамбовъ.

Крестьяне изъ окрестныхъ селеній, Ивановцы, Тростянцы, Самойловцы, собирались явиться въ городъ и расправиться съ громилами, но Ивановцамъ скоро пришлось трепетать о своей собственной судьбѣ. Ибо начальство задалось цѣлью извести до тла это крамольное гнѣздо всѣми законными и незаконными способами.

По этому поводу на самомъ порогѣ конституціи я получилъ изъ Ивановки слѣдующія два письма, которыя и привожу съ сохраненіемъ правописанія.

Милостивый Государь

Владиміръ Германовичъ!

Меня просили написать Вамъ Ивановцы, пославшіе Вамъ письмо 8-го сентября о тѣхъ безпорядкахъ, какіе чинятся въ Ивановкѣ полиціей и казаками. Имъ желательно было бы получить отъ Васъ отвѣтъ: получили ли вы ихъ письмо или нѣтъ. Отвѣтъ вашъ многихъ ободритъ и вы этимъ сдѣласте Ивановцамъ большую услугу, которыя забываются рѣдко. Жизнь въ Ивановкѣ почти безъ возможности. Насилія

надъ женщинами, побои, грабежи и воровство безъ числа. 20-го сентября въ Ивановку пріѣзжалъ предводитель дворянства со слѣдователемъ — полновникомъ о побояхъ и воровствѣ, заявленій страшно много, болѣе 30 заявленій не могли выслушать за недостаткомъ времени. Одинъ старикъ, хозяинъ казачьей квартиры, заявилъ, что у него изнасиловали 3-хъ снохъ. Двѣ снохи солдатки — (одинъ сынъ на Дальнемъ востокѣ, другой на дѣйствительной службѣ, одна замужняя (мужа дома не было). Взводный, унтеръ и артельщикъ насиловали, казакъ держалъ 5 дѣтишекъ, сложивъ ихъ крестомъ, а остальные казаки (ихъ на квартирѣ всего 20 человѣкъ) держали старика, который бросился было на улицу, желая призвать помощь.

О прочихъ насиліяхъ не заявили, боясь стыда и побоевъ. Мужиковъ, которые жалуются, казаки бьютъ или офицеръ наказываетъ постоемъ.

Въ общемъ творится что-то ужасное — невозможное — подавляющее. Жить страшно. Ночью крестьяне не спятъ почти, ждутъ побоевъ или воровства, т. к. пьяные казаки врываются въ дома и дворы, колотятъ или грозятъ отколотить и воруютъ. Скотину крестьяне сгоняютъ на одинъ дворъ и караулятъ поочереди. Настроеніе подавлено. Желательно сочувствіе и ободреніе, поэтому Ивановцы и ждутъ жадно съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта.

Милостивый Государь Г-нъ Танъ

Быть можетъ, вы забыли, когда пріѣзжали къ намъ въ село 2-ую Ивановку. Но у насъ Ивановцевъ останется ваше посещеніе нашего села на долго въ памяти. Во первыхъ мы васъ лично видѣли, что и у многихъ останется вашъ образъ надолго и долго въ памяти. Во вторыхъ читали ваши корреспонденціи и они звучали грустью и тоской. Самый худшей день для Ивановцевъ когда васъ повезли изъ Ивановки арестованнымъ, грусно было смотрѣть на весь народъ, смотревшій вамъ въ слѣдъ. Только одинъ приставъ Сахаровъ былъ веселъ и напущалъ куда ненужно своихъ подвластныхъ казаковъ.

Съ того почти времени мы и переживаемъ нечто ужасное. Вамъ можетъ и извѣстно было или нѣтъ, что вокругъ Ивановки были нападеніе на землѣвладельческіе гурты, и вотъ землевладельцы жаловались губернатору, что это Ивановцы нападаютъ. Въ виду этихъ жалобъ 20 іюля и пріѣзжалъ къ намъ въ Ивановку губернаторъ съ 100-ю казаковъ, прожилъ два дня, но ничего не разслѣдовалъ и уѣхалъ оставилъ въ нашемъ селѣ 100 казаковъ при офицерѣ и 8 стражниковъ при приставѣ Посподовѣ который и проявилъ полнейшій произволъ.

Вотъ съ этихъ поръ и засвистали по мужичьимъ спинамъ и головамъ нагайкой. Бьютъ Ивановцевъ бьютъ и проѣзжихъ и кто подъ руку подвернется картину избіенія мы не можемъ описать а она равна будетъ, какъ описалъ г. Дорошевичъ на островѣ Сахалинѣ только разьвѣ съ тою разницей, что тамъ били по извесному месту тела, или были произшествіе въ римѣ, на турнирахъ когда выводили на арену разъяреннаго тигра или быка и пущяли на человѣка, точно такъ и здесь. Напьется надзиратель водки разъярится и кинется на арестованнаго какъ тигръ виновенъ или нѣтъ арестованный ему все равно бьетъ гдѣ попало и чемъ попало когтями за лицо кулоками по ребрамъ нагайками а если оторвется нагайка отъ рукоятки то пинками. Сейчасъ надзиратель другой Штопель но онъ еще звѣрее того. Избили людей одинокихъ, у которыхъ по 4 — 5 человѣкъ дѣтей и бросаютъ изувеченныхъ прежде въ полицейское управленіе а потомъ въ тюрьму безъ всякой медицынской помощи.

И вотъ когда вы были у насъ въ Ивановкѣ, Ивановцы приходили посмотрѣть васъ, какъ человѣка-писателя, но полиція приписала ваше посещеніе и наше собраніе къ незаконному сборищу и переписала много мужиковъ, бабъ и девокъ. И грозитъ всемъ адмистротивный арестъ конечно неисключая и васъ съ Ѳеологовымъ.

Если это сбудется попророчеству полиціи, то некоторые дома останутся безъ людей пустовать, приходится заколотить окна и двери, а скотину пустить на подножный снѣгъ.

Еще полиція грозитъ нашему селу, что семей 150 выплютъ изъ Ивановки вовсе на поселеніе въ разные места. И

вотъ по избіенію вышупомянутыхъ лицъ сколько мы не жаловались, но они ни откого защиты намъ нѣтъ и мы вспомнили русскую пословицу до Бога высоко а до царя долеко а большое наше начальство отдало насъ на произволъ Надзирателямъ, казакамъ, ябедникамъ и доносчикамъ имъ всемъ вѣра, что кто ни скажетъ, а мы чего не говоримъ, намъ нечего не вѣрятъ.

И вотъ мы Ивановцы 30 Августа сего года написали приговоръ къ Губернатору объ всехъ обидахъ, которые произнесли намъ казаки, и приставъ въ приговорѣ вы усмотрита подробно хотя приговоръ и написали но зверство не прекращается. Приговоръ этотъ прилагаемъ къ этому письму.

Копія.

1905 года, августа 30 дня, мы нижеподписавшіеся, состоящіе въ вѣдѣніи г. Земскаго Начальника 9 участка, бывшіе удѣльные крестьяне, Саратовской губерніи, Балашовскаго уѣзда, Ивановской 2-й волости, Ивановскаго 2-го сельскаго общества, въ которомъ ревизскихъ душъ 572 и домохозяевъ имѣющихъ право голоса на сходѣ 230. Сходъ былъ созванъ нашимъ сельскимъ старостою г. Дудинымъ и вмѣстѣ съ нимъ находилось 178 домохозяевъ, на которомъ составили настоящій приговоръ въ слѣдующемъ:

Пун. 4). Въ нашемъ селѣ Ивановкѣ 2-й, по распоряженію г-на Саратовскаго губернатора съ 21-го іюля сего года поставлена охрана изъ полусотни казаковъ 7-го Оренбургскаго полка, для водворенія тишины и спокойствія въ окружности. Вслѣдствіе чего охрана казаковъ производитъ сама безпорядки, о чемъ было сего числа предъявлено на Сельскомъ сходѣ крестьянами нашего общества объ обидѣ ихъ казаками изъ означенной охраны; а именно: Степанъ Павловъ Именновъ заявилъ, что казаки днемъ его дочь Марію 16 лѣтъ, изстегали плетью. Николай Васильевъ Митянинъ 75 лѣтъ заявилъ, что его самого днемъ, въ домѣ крестьянина Михаила Ѳедорова Осипова, казаки, находящіеся у него на квартирѣ, изстегали плетью до 50 ударовъ. Илья Быковъ заявилъ, что въ томъ же домѣ ему нанесли плетью до 50 ударовъ

ни за что. Фитей Теншинъ заявилъ, что у него ночью казаки украли 4 рубашки ситцевыхъ и 4-ро шароваръ. Артемъ Никуловъ заявилъ, что у него также ночью украли казаки съ вѣшалки со двора 4 рубашки мужскихъ. Пантелей Семеновъ Колядовъ заявилъ, что казаки у него украли ночью двѣ копны ржи въ снопахъ изъ скирда и въ дополненіе къ сему и его у его же дома вечеромъ избили плетью ни за что. Кузьма Ефимовъ Дудниковъ заявилъ, что у него расхищено казаками два воза сѣна и украденъ одинъ гусь, и кромѣ того, днемъ рубили шашками ветлы на огородѣ, ради потѣхи. Наумъ Кузнецовъ заявилъ, что къ нему въ домъ явились казаки въ его отсутствіе, начали требовать водки и разнаго угощенія съ угрозами, отчего все его семейство изъ дому разбѣжалось. Матвѣй Зубревъ заявилъ, что у него ночью казаки разбили два окна вдребезги, не зная за что. Яковъ Ѳедоровъ Семикинъ 2-й заявилъ, что у него казаки ночью съ разъѣзда, украли одну свинью. Дементій Родіоновъ Орловъ заявилъ, что у него казаки, стоящіе на посту, расхитили два воза яровой соломы. Силантій Гав Кузнецовъ заявилъ, что казаки ночью забрались къ нему въ домъ и подъ угрозою разогнали все его семейство изъ дому и у сосѣда Назара Блинова украли 5 горшковъ молока изъ погреба. Петръ Кузнецовъ заявилъ, что 4 казака зашли къ нему на огородъ для похищенія корма днемъ, но имъ не удалось украсть, а ночью вытащили всѣ сани съ огорода и разставили на переулкѣ. Карпъ Дудниковъ заявилъ, что у него съ огорода почью похищено изъ скирда 50 сноповъ овса. Павелъ Бѣляевъ заявилъ, что казаки днемъ забрались къ нему въ домъ, начали бить его цѣпную собаку, которая оторвалась и убѣжала и напугала его дѣтей. Тимофей Ивановъ Блиновъ 2-й заявилъ, что у него ночью украли 10 мѣръ ячменя и балаганъ, который они и возвратили обратно. Гаврилъ Ивановъ Колотовкинъ заявилъ, что у него казаки расхитили 50 сноп. овса, 25 сноп. пшеницы и 70 сноп. ржи. Сергѣй Чирсковъ заявилъ, что у него казаки расхитили два воза мякины. Иванъ Яковлевичъ Семикинъ 2-й заявилъ, что у него изъ скирда похищено 50 сн. ржи, а также похищены у разныхъ лицъ гуси и овцы. Всѣ означенныя похищенія казаки про-

изводили самоуправно. Кромѣ сего изложеннаго, находящійся при охранѣ Полицейскій Надзиратель, производящій дознаніе, допрашиваетъ крестьянъ у себя на квартирѣ, бьетъ таковыхъ нагайкою, гдѣ попало, и дозволяетъ производить то же истязаніе казакамъ, такъ что въ числѣ арестованныхъ ранѣе сего 13 челов., всѣ были избиты нагайками и двоихъ Антона Орлова и Андрея Бѣляева, арестованныхъ послѣ избили нагайками до полусмерти, которые пріобщены священникомъ Святыхъ Таинъ и осмотрѣны врачемъ, препровождены 30 августа въ тюрьму. Командиръ, находящійся при охранѣ полусотни казаковъ, за казаками вовсе не смотритъ, которые пьянствуютъ, каждодневно производятъ разные грабежи и насилія, ходятъ по селу днемъ и ночью, какъ безпастушная скотина и наказываютъ крестьянъ безвинно нагайками. И кромѣ всего изложеннаго, крестьянинъ Николай Ѳедоровъ Дудниковъ, Георгіевскій кавалеръ, честнаго поведенія, 28 августа сего года со схода съ прочими крестьянами былъ уполномоченъ къ надзирателю съ объясненіемъ, чтобы тотъ прекратилъ производящіеся насилія и грабежи казаками. И вотъ послѣ сего 29-го августа, крестьянинъ Н. Ѳ. Дудниковъ оказался убитымъ казаками въ 2 часа дня, въ домѣ крестьянина Василія Григорьева Семикина, за то, что онъ претендовалъ противъ грабежа казаками

Въ виду происходящихъ безпорядковъ производимыхъ казаками при охранѣ, со стороны общества можетъ возникнуть противъ казаковъ оборонительное положеніе и произойти нежелательное для общества происшествіе.

Постановили просить Госп. Саратовск. Губернатора казачій постой и охрану по случаю производимыхъ казаками безпорядковъ удалить изъ нашего общества, виновныхъ казаковъ производившихъ безпорядки предать суду и водворить въ нашемъ обществѣ порядокъ, тишину и спокойствіе.

Въ виду производимыхъ, безпорядковъ казаками подоставленію фуража для оныхъ казаковъ, подводы отъ общества прекратить, дровъ для варки имъ пищи не доставлять впредь до распоряженія. Госп. Саратовскаго Губернатора при производствѣ дознанія виновныхъ просимъ, чтобы дознаніе производилось въ нашемъ волостномъ правленіи при волостномъ

старшинѣ или сельскомъ старостѣ, не подвергая прежде суда наказанію нагайками

Означенный приговоръ просимъ нашего сельскаго старосту чрезъ уполномоченныхъ крестьянъ нашего общества, Ивана Ильина Осипова и Давыда Кузьмича Бунина, представить Госп. Земск. Начальнику на утвержденіе, и по утвержденіи представить Г. Сарат. Губернатору и кромѣ того послать копію предводителю дворянства и судебному слѣдователю. Въ чемъ составивъ настоящій приговоръ, подписомъ утверждаемъ.

Сельскій Староста *Г. Дудинъ*.

Сельскій писарь *Я. Черновъ*.

Такъ расправилось начальство и казаки съ Ивановскими крестьянами наканунѣ конституціи.

Привѣтъ вамъ, Ивановцы! Что-то дѣлается съ вами теперь? Былъ ли у васъ по поводу конституціи новый казацкій погромъ? Или дѣйствительно, какъ говорилъ Поповскій приказчикъ: «тянуло, тянуло, да перевѣсило»? Ау, Ивановцы, откликнитесь!..

Послѣ того, какъ эти строки были написаны, пришли первыя извѣстія о томъ, что взрывъ народнаго отчаянія въ Саратовской губерніи наконецъ разразился Если принять во вниманіе все, что тамъ происходило и что происходитъ во всѣхъ концахъ русской земли, можно только удивляться, что онъ не разразился ранѣе.

Казацкія и полицейскія экзекуціи имѣли мѣсто не въ одной только Ивановкѣ Второй, онѣ прошли по всѣмъ селеніямъ, такъ или иначе прикосновеннымъ къ «сознательной партіи», а такихъ селеній въ нѣкоторыхъ уѣздахъ чуть не половина. До конституціи молодое крестьянство терпѣло. Послѣ 17 октября выносить долѣе поруганіе личности и организованный сверху разбой не стало никакой возможности, и случилось то, что должно было случиться. Формы движе-

нія были продиктованы обстоятельствами, стихійнымъ недовольствомъ и озлобленіемъ всего русскаго крестьянства, отчасти предвкушеніемъ жестокой расправы, которая тотчасъ же стала надвигаться со всѣхъ границъ Саратовской губерніи Теперь эта расправа осуществилась, но подвести какой-нибудь итогъ совершенно невозможно. Великая освободительная трагедія еще только начинается. Все, что произошло до сихъ поръ, можетъ назваться развѣ прологомъ. Теперь желѣзный занавѣсъ, закрывавшій черную арену русской жизни, уходитъ вверхъ. На сценѣ еще темно, еще хаосъ Въ хаосѣ реветъ буря, сверкаетъ молнія, восходитъ багровая заря

Главнымъ актеромъ новой драмы явится народъ Будемъ ждать начала перваго акта, группировки народныхъ актеровъ, уясненія взаимныхъ положеній, свободнаго развитія героическихъ страстей.

II.

Первый крестьянскій съѣздъ въ Москвѣ.

— Тогда явился земскій начальникъ, собралъ черную сотню, мѣстныхъ богачей и старшину. Послали доношеніе, куда слѣдуетъ. Потомъ созвалъ сельскій сходъ, говоритъ прямо, «Если попадутся вамъ братья Крамаренки, избейте ихъ!»— Тутъ зашумѣли: «За что?» — «Цыцъ! Молчать, не разговаривать! .»

Между тѣмъ, по округѣ пошелъ слухъ, стали къ намъ являться люди изъ разныхъ волостей.—«Просятъ васъ покорно пріѣхать приговоръ писать!»—И вездѣ постановляли тоже о землѣ и о собраніи народныхъ представителей»...

Засѣданіе крестьянскаго съѣзда происходитъ подъ Москвой въ сельской мѣстности. Участвуютъ больше ста делегатовъ изъ двадцати пяти русскихъ губерній. Большая часть великороссы, есть бѣлоруссы и хохлы. Инородцевъ нѣтъ ни одного. Есть нѣсколько газетныхъ корреспондентовъ, секретарей и пр.

Мѣстомъ засѣданія служитъ большой старый сарай, укромно расположенный въ сторонѣ отъ дороги. Несмотря на полтораста присутствующихъ, въ сараѣ полная тишина. Публика слушаетъ докладъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Многіе встали съ мѣста и подошли къ самому столу. Другіе сидятъ на импровизированныхъ скамьяхъ изъ досокъ, положенныхъ на чурбаны и кое-какъ прибитыхъ гвоздями. Огромное большинство въ высокихъ сапогахъ, поддевкахъ и косоворткахъ. У многихъ одежда совсѣмъ старая, въ заплаткахъ. Руки у всѣхъ обросли мозолями и тверды, какъ желѣзо. Щеки об-

вѣтрены и шеи сожжены отъ работы подъ солнцемъ и открытымъ небомъ. Мѣстами встрѣчаются славныя молодыя лица, открытые взгляды, напоминающіе учащуюся молодежь. Но у большинства широкія бороды, часто подернутыя просѣдью, глаза у нихъ суровые и лобъ въ морщинахъ. Всѣ молчатъ и слушаютъ, какъ въ церкви. И, несмотря на убогую обстановку, собраніе дышетъ какой-то особой торжественностью, и высокая кровля сарая, прорѣзанная въ разныхъ направленіяхъ тонкими стропилами, похожа на острый куполъ готическаго храма.

— Тогда пріѣхалъ непремѣнный членъ,—продолжаетъ ораторъ,—собралъ выборныхъ отъ всѣхъ десяти волостей на нашей сельской площади «для усовершенствованія приговоровъ».—«Пишите,—говоритъ,—только о мѣстныхъ нуждахъ, напримѣръ, о прирѣзкѣ выгона. Не вступайтесь въ высокія дѣла!. »

— Не надо!..—Чернобородый мужикъ, стоящій въ переднемъ ряду, неожиданно вмѣшивается въ рѣчь оратора. У него голая грудь, огромная мохнатая голова. Рукава у него засучены, какъ будто бы онъ приготовился къ какой-то спѣшной работѣ. И, глядя на него, я вспоминаю крылатое слово одного моего знакомца изъ саратовскихъ крестьянъ: «Кудлатые заворошились...»

— Мѣстныя нужды было прежде обсуждать,—заявляетъ чернобородый.—Теперь не время. Намъ, быть можетъ, больнѣе, что наше отечество гибнетъ, чѣмъ имъ... Пропадаетъ оно и дома и на полѣ... Ѣздятъ на насъ, душатъ, обдираютъ, какъ бѣлку, истязуютъ невинныхъ людей!..

Голосъ у чернобородаго запальчивый, съ надрывомъ, глаза горятъ мрачнымъ огнемъ. Гдѣ я видѣлъ эту зловѣщую фигуру? И вдругъ мнѣ вспоминается парижскій Салонъ, большое полотно молодого художника Лафорта: толпа идетъ въ лохмотьяхъ и шерстяныхъ колпакахъ, босикомъ, или въ деревянныхъ лаптяхъ. У всѣхъ колья, косы, желѣзныя палки. Впереди огромная чернобородая фигура съ желѣзными вилами въ рукахъ. И на вилахъ болтается какой-то ужасный, безформенный, кровавый лоскутъ...

— Двадцать пять приговоровъ,—продолжаетъ докладчикъ

и подпимаетъ со стола пачку сѣрыхъ документовъ.—Сколько тысячъ подписей, а скрѣплены печатями Люди приходили слишкомъ за 60 верстъ А то побѣгутъ съ косовицы, по дорогѣ рѣка. Обходить греблю далеко и некогда. Вотъ они скинутъ одежду и переплывутъ на нашу сторону. Въ чемъ мать родила, приходятъ подписываться.

— Изъ другихъ волостей насъ звали, да мы сюда ѣхали. И даже на вокзалъ намъ три подписки принесли отъ новыхъ обществъ. «Что для крестьянскаго союза вы дѣлать будете, мы заранѣе согласны и во всемъ томъ спорить и прекословить не будемъ».

— Въ нашей губерніи то же самое,—говоритъ другой делегатъ —Узнали про указъ изъ газетъ и отъ добрыхъ людей, собрались обсудить противъ этого. Старшина запретилъ и урядникъ потому жъ Тутъ всѣ встрепенулись Почему скрываютъ, или, можетъ, языкомъ прибалтываютъ?.. Вотъ будутъ народные выборные. Надо съѣхаться намъ въ селѣ Хомутахъ Сейчасъ старшина послалъ къ земскому нарочнаго. Узнали про нашъ интересъ. Пріѣхалъ къ намъ въ четыре часа утра, засталъ насъ спящихъ, поѣхалъ, конечно, въ экономію, къ барину.

— Является въ восемь часовъ, напитавшись экономическимъ духомъ, а можетъ и шампанскимъ.

Публика смѣется. — Извѣстно, стаканники они, — продолжаетъ ораторъ,—чужое вино стаканами пьютъ, отъ волостного судьи до самого земскаго...

— Велѣлъ намъ собраться въ классъ, въ земскую училищу Мы входимъ въ классъ и рѣшили: полицію не пускать Такихъ смѣлыхъ людей новаго времени поставили у дверей,—не пускать и только. Стражники не уходятъ.

— Почему не пускаете насъ?—Потому, мы не арестанты и не японцы, чего вамъ надо на нашемъ сходѣ?.. Можетъ, намъ радости привезъ начальникъ, ласковый манифестъ.

— Тутъ приходитъ земскій. — «Покорнѣйше прошу васъ не волноваться».—А что правда, что есть царскій указъ отъ 18 февраля? Почему вы скрывали четыре мѣсяца?..

— «Писаря своего спросите, почему онъ не объяснилъ».— «Эй, писаря сюда».—А писарь убѣжалъ со схода... А зем-

скій кричитъ: «Не волноваться!.. Вспомните сосѣдей вашихъ, село Шахово. Три года тому назадъ пришла на нихъ воинская сила, разбила, изувѣчила. И вамъ то же будетъ. Чѣмъ смуту заводить, теперь такое время, надо за отечество стоять!..»

— Я впереди стоялъ и отвѣчаю къ нему.—Я согласенъ стоять, но если я паду, потомъ мои дѣти пойдутъ побираться. У васъ собакъ много, а крестьянамъ подать нечего...

— Тутъ онъ разсерчалъ: «Отвести его къ дверямъ» —Я отошелъ шагъ къ дверямъ, на мое мѣсто вступилъ другой товарищъ, можетъ говорить еще хлещѣе меня. Такъ у насъ было сформировано, пока онъ шампанскимъ паливался.

— А земскій опять говоритъ· «Вамъ лучше положиться на насъ. У меня есть дядя, знатный сановникъ. Онъ составилъ для васъ милостивый проектъ, чтобы примѣрно переселить васъ на казенныя земли, отъ сотворенія міра никѣмъ не паханныя. Тамъ строевого лѣсу много. И даже валежникъ по восьми саженъ».

— А мой товарищъ говоритъ. — Не хотите ли вы сами, господа дворяне, этотъ валежникъ корчевать? У насъ и такъ спины трещатъ!

Новый ораторъ быстро вскакиваетъ на скамью Онъ тонкій и злой, въ рѣчи волнуется и сильно размахиваетъ руками.

— Земскій начальникъ, какъ чирей,—кричитъ онъ,—наболѣло отъ него. Только доткнися, ревмя ревемъ... Мы дожили до конца. Дальше жить нечѣмъ. У всего народа земельная болѣзнь. Вездѣ смута аргарная —Онъ произноситъ *аргарная*, а не *аграрная* —Но прежде всего свобода, всеобщій и равный приговоръ, законодательный разборъ.

Одинъ ораторъ смѣняетъ другого. Всѣ они разсказываютъ изумительныя вещи.

— У насъ десять приговоровъ,—говоритъ одинъ,—восемь послали въ комитетъ министровъ, а два задержаны..

— Въ нашемъ уѣздѣ было собраніе, шестьдеся[illegible]олномоченныхъ. Полиція переписала, но крестьяне отказались разойтись...

— У насъ двадцать два человѣка, можно бы двѣсти, но

это пока. Тоже выбираемъ не зря. Другіе бываютъ болтуны... Но если угодно, за нами пятьсотъ пристанутъ...

— У насъ въ одиннадцати уѣздахъ организація, гольные крестьяне. Только теперь стали интеллигенцію привлекать, да она идетъ туго...

— У насъ было собраніе въ четыреста человѣкъ изо всѣхъ селъ, рѣшили: передать всю землю въ руки народа.

— У насъ было сходбище въ пять тысячъ человѣкъ, въ городѣ, у земскаго дому. Прочитали петицію, согласились, выбрали уполномоченнаго. А онъ теперь въ Харьковской тюрьмѣ казенныхъ блохъ кормитъ...

Не менѣе поразительныя вещи они разсказываютъ о матеріальномъ состояніи деревни.

— Неурожай у насъ. Яровые на траву скосили. Копей кормить печёмъ, самимъ голодъ. Дѣти мрутъ, народъ пухнетъ, милостыню некому подавать...

— У насъ другой годъ подати не платятъ. Пробовали худобу продавать, никто покупать не смѣетъ. Боятся кулаки. Теперь искать перестали.

— А у насъ наберутъ недоимщиковъ въ холодну, а они не входятъ всѣ. Десятскій и пойдетъ къ старшинѣ, что не хватаетъ мѣста ихъ садить...—«Нужно ли ихъ садить! пусть постоятъ, не велики бары!»—Съ тѣмъ и набьютъ ихъ въ холодну, какъ огурцовъ въ кадку, и двери замкнутъ. Стойте тамъ!

Среди делегатовъ есть двое увѣчныхъ. У одного отрѣзаны по локоть обѣ руки, онъ потерялъ ихъ на фабрикѣ, подъ маховымъ колесомъ. У другого параличныя ноги, и онъ кое-какъ ползаетъ по землѣ при помощи двухъ костылей. Они присланы сюда, вѣроятно, какъ неспособные къ страдной земледѣльческой работѣ, которая теперь кипитъ во всѣхъ концахъ Руси. Впрочемъ, я замѣчалъ, что увѣчные часто становятся деревенскими интеллигентами Работоспособность, покинувъ руки, уходитъ въ голову, и физическій трудъ замѣняется чтеніемъ и размышленіемъ. Повторяется старая исторія Игнатія Лойолы и Тихо де-Браге.

Безрукій делегатъ выходитъ впередъ. Онъ не можетъ

дѣлать жестовъ. Быть можетъ, поэтому рѣчь его имѣетъ медленный и торжественный характеръ.

— Имѣю честь привѣтствовать первое собраніе крестьянскихъ депутатовъ для великаго дѣла земли русской И желаю передать собранію отъ имени пославшихъ меня товарищей общій подъемъ, энергію и силу движенія, которое охватило нашу дорогую страну. Натяжка гнета, какъ тугая струна, вотъ-вотъ оборвется. Они просили меня передать вамъ ту вѣру, ту надежду, и чтобы не забывать намъ, крестьянамъ, что насъ 120 милліоновъ и легко мы можемъ отмѣнить все злое надъ нами...

— Сравнивая разницу газетъ «Сынъ Отечества» и «День», просили передать тотъ плевокъ, котораго достойны эти самозванные пустохвалы. Какое право имѣютъ курскіе кабатчики или разные Амаліи Карлы говорить отъ крестьянскаго имени? И просили меня передать порицаніе черносотникамъ и хулиганамъ, но выразить подлинное довѣріе интеллигенціи, нашимъ истиннымъ радѣтелямъ. Если намъ соединиться съ нашими учеными братьями изъ интеллигентовъ, то едва ли найдется сила, которая предъ нами не уступитъ».

Публика рукоплещетъ. — «Ура!—стремительно восклицаетъ чернобородый. — Теперя все поняли. Студенты, головы клади за нихъ, больше ничего»!..

Я не ожидалъ отъ этой черной фигуры такого экспансивнаго довѣрія къ «ученымъ братьямъ». Но я вспоминаю изъ своихъ волжскихъ наблюденій, что терминъ: «студентъ» теряетъ свой учебный характеръ и превращается въ политическую категорію. О жителяхъ цѣлаго ряда селеній говорятъ, что они «поверстались въ студенты».

Между прочимъ за Невскою заставой старики говорятъ то же самое о сознательной рабочей молодежи.

Послѣ безрукаго вышелъ пожилой крестьянинъ, одѣтый нѣсколько лучше общаго уровня, по профессіи садоводъ и плотникъ, и произнесъ прекрасную, тщательно обдуманную рѣчь.

— Есть проектъ, — сказалъ онъ,—чтобы дать права богачамъ, а народу ничего. Бойтесь этого. Если теперь плохо,

тогда будетъ стократъ хуже. Потому чиновникъ не такъ держится за свое, какъ богачъ и всѣ его домочадцы Даже, коснись дѣло до земли, есть изъ крестьянъ, которые прикупили участки, они говорятъ: у насъ есть земля, а до другихъ намъ дѣла нѣтъ И, напримѣръ, въ несчастной Англіи свобода такая, о которой еще только начинаемъ мечтать, а землю прозѣвали, теперь и огородовъ нѣтъ. Если и мы прозѣваемъ теперь, то на триста лѣтъ, да и никогда не поправимъ Когда начнутся выборы, то намъ будетъ ловко на предвыборныхъ совѣщаніяхъ заявить свою волю, что мы добиваемся всеобщаго, для всѣхъ равнаго права. Конечно, у тѣхъ, кто надъ нами, есть такая думка, чтобъ сдѣлать выборы тихо да гладенько, безъ лишняго разговора, какъ у Шевченки сказано: «на всихъ языкахъ вси мовчатъ, бо благоденствуютъ»... А только мнѣ вспоминается хохлацкая присказка, какъ человѣкъ снялъ со столба веревочку, а на веревочкѣ были привязаны волы, а за волами была повозка. Нельзя протащить веревку, чтобы вмѣстѣ не прошли и волы и возъ. А безъ воловъ одна веревка не стоитъ ничего.

— Такъ уже сбылось у насъ въ Черниговской губерніи Губернаторъ пригласилъ выбирать депутатовъ въ комиссію по крестьянскому положенію, гдѣ засѣдаютъ господинъ Горемыкинъ да Стишинскій и Плеве. Такіе друзья крестьянскіе, что одобряютъ крестьянскую обособленность въ безправіи и безземельѣ. Отъ каждой волости выбрали по двое уполномоченныхъ. А десятка два уполномоченныхъ отъ каждаго уѣзда выбрали по три депутата, всего 45 отъ 15 уѣздовъ. Одного губернаторъ не хотѣлъ позвать, одного арестовалъ, а еще шесть по назначенію. А когда губернаторъ сталъ имъ говорить о старыхъ сословныхъ правахъ, они и слушать не захотѣли.

— «Эти законы, говорятъ, нужно давно въ архивъ сдать. А если вы одобряете наши отдѣльныя права, то возьмите ихъ себѣ, а намъ дайте общія, для всѣхъ равныя!»—А потомъ написали петицію, чтобъ дать землю всѣмъ народамъ, кто бы ни былъ, евреямъ, полякамъ и другимъ, кто хочетъ. И общее образованіе на государственный счетъ, какъ

общую повинность. И законодательное собраніе. Подали губернатору, а онъ читать не сталъ, а сталъ говорить напротивъ Тутъ самый старый сказалъ: «Мы не для этихъ рѣчей пріѣзжали, намъ эти рѣчи давно надоѣли. Пойдемте, лишень, отсюда»! Да такъ всѣ и ушли, только шесть назначенныхъ остались..

Настроеніе собранія растетъ Со всѣхъ сторонъ требуютъ слова, перебиваютъ другъ друга, говорятъ по двое. Предсѣдатель все время звонитъ въ колокольчикъ, но съ трудомъ поддерживаетъ необходимый порядокъ.

— Кто работаетъ, тотъ долженъ пожинать плоды. Кто нѣтъ, пусть голодаетъ. А у насъ наоборотъ, на резиновыхъ шинахъ, ѣздятъ за границу, трудомъ тысячъ рукъ нашихъ братьевъ...

— Трудно приходится жить. Мы плакали, просили, но безъ всякихъ послѣдствій. Теперь приходится принять другія мѣры...

— На что намъ переселеніе? Мужикъ летитъ въ пропасть, такъ соломиной не поддержишь? .

— Начальства слишкомъ много, земскіе, урядники, стражники, старшины, сотскіе, не перечтешь: пусть одни народные представители распоряжаются!

Вскакиваетъ какой-то растрепанный парень совсѣмъ первобытнаго вида и заявляетъ:

— Отъ попа крестьянамъ еще хуже, чѣмъ отъ земскаго. Открылась чайная, сталъ ѣздить. Евангеліе мѣшаетъ читать: «Не вашего ума»! Устроили спектакль, произвели театръ, сталъ говорить, оттого и дождь не идетъ, наряжаетесь въ хари. «Сказано, говоритъ, отдавайте кесарево кесарю», а самъ наложилъ на дѣвокъ налогъ, по полтиннику съ головы. Какой же въ этомъ кесарь?

Это заговорили народныя нѣдра, вплоть до самыхъ застѣнчивыхъ и безсловесныхъ.

Съ открытія засѣданія прошло шесть часовъ, а высказалось не болѣе четверти присутствующихъ. Несмотря на весь интересъ ихъ описаній, собраніе начинаетъ обнаруживать нетерпѣніе —«Время дорого.—раздаются голоса.—надо приступить къ программѣ» — «Будемъ засѣдать сплошь, —

предлагаютъ самые ретивые,—съ утра и до утра. Кто знаетъ, удастся ли еще разъ собраться».

Первые три пункта программы проходятъ быстро и единогласно. Всѣ новыя личныя права, семь свободъ, четыре члена извѣстной избирательной формулы, законодательное собраніе. Равенство языковъ и національностей. Тѣ же начала и въ мѣстномъ управленіи. Никакой администраціи, кромѣ выборной на срокъ, выборные судьи, полиція по назначенію отъ мѣстной выборной власти и прочая и прочая. Даже параграфъ: безъ различія половъ—проходитъ съ полнымъ единодушіемъ. Одинъ старикъ мотивируетъ женское равноправіе оригинальными аргументами.—«Мы хотимъ земельнаго надѣла на женскую душу. Больше этого права нѣтъ. Остальныя права въ приложеніи»...

Хохлы требуютъ областного самоуправленія «Намъ болятъ наши нужды по полосамъ, по областямъ». Больше говорить объ областяхъ некому, ибо на этомъ замѣчательномъ совѣщаніи нѣтъ никого, кромѣ русскихъ, изъ половины губерній, обозначенныхъ въ положеніи о Государственной Думѣ.

Вопросъ о народномъ образованіи проходитъ тоже гладко. Общее, обязательное, безплатное, по расширенной программѣ, кормежка дѣтей въ школахъ. Отмѣнить Законъ Божій, или по желанію родителей. Даже отмѣнить ѣ и ъ.

Со всѣхъ сторонъ сыплются добавочныя предложенія, свидѣтельствующія о томъ, что надъ этимъ вопросомъ много и тщательно думалось.

Связать низшее образованіе съ среднимъ, а среднее съ высшимъ. Обязательный учебный возрастъ до 13 лѣтъ Пятилѣтній срокъ низшей школы.—«Какой съ малолѣтка работникъ, только убивать его!»—мрачно заявляетъ чернобородый мужикъ съ голой грудью и тотчасъ же выражаетъ желаніе, чтобы государство давало стипендіи всѣмъ способнымъ дѣтямъ, желающимъ продолжать образованіе, дабы не пропадали русскіе таланты.

Собраніе все-таки продолжаетъ проявлять нетерпѣніе.—«Давайте говорить о землѣ»!—раздаются голоса.—Ибо «земельная болѣзнь» составляетъ центральную ось всего этого совѣщанія.

Вопросъ о казенной землѣ проходитъ очень быстро.—То наша казна, — заявляютъ съ разныхъ сторонъ. — Та земля для насъ, а не для купцовъ брать ее съ торгу.—«Я Костромской губерніи — заявляетъ одинъ делегатъ,—такого-то уѣзда, такого-то села. У насъ земли только по одной десятинѣ. Фабрикъ нѣтъ, одно крестьянство, а землишка плохенькая. Сей годъ самъ второй не придетъ. Кругомъ насъ земля удѣльная. Мы видимъ, прекрасные луга сгниваютъ безъ всякой пользы, лѣсъ сохнетъ, а если потрава, то приходитъ стрѣлокъ и беретъ съ насъ полный штрафъ. Такимъ хозяйствомъ заниматься нельзя. Надо удѣльную землю приспособить крестьянамъ».

— Драгуны!—раздается со двора предостерегающій окликъ У воротъ и на перекресткѣ стоятъ люди «на стремѣ». Это они подаютъ свой голосъ. По большой дорогѣ, саженяхъ въ двухстахъ, медленно проѣзжаетъ эскадронъ драгунъ. Онъ тянется, Богъ знаетъ откуда, длинной, узкой и прямой лентой Переднія лошади приближаются къ боковой дорожкѣ.—Свернетъ, или не свернетъ?—Всѣ глаза напряженно слѣдятъ за движеніемъ всадниковъ.

— Прогуливаются они!—Вздохъ облегченія вырвался изъ полутораста грудей. Драгуны проѣхали поворотъ. Мало-помалу эскадронъ сползъ внизъ, по скату широкой ложбины, и скрылся изъ виду. Въ глубинѣ дороги показался второй эскадронъ, потомъ третій. Оба проѣхали мимо. Потомъ одинъ вернулся и также медленно проѣхалъ назадъ.

Вечеръ стоитъ чудной красоты. Тихо, ясно. Легкая роса ложится на траву и на листья молодыхъ березъ. Быть можетъ, эта красота искушаетъ кавалерію продолжать свою прогулку. Мѣсто собранія выбрано не безъ лукаваго расчета въ центрѣ расположенія драгунскихъ полковъ, и даже изъ дверей сарая легко различить на крышахъ ближайшихъ избъ странные значки, указывающіе число расквартированныхъ лошадей, легкими шариками, плавно раскачивающимися на тонкихъ соломенныхъ жгутахъ...

Совѣщаніе давно возобновилось Вопросъ о землѣ возбуждаетъ такой интересъ, что никакія опасенія посторонняго нашествія не могутъ заглушить его.

— Объявить всю землю владѣніемъ народа. Кто работаетъ своими трудами, пускай получаетъ участокъ. Остальная отходитъ для общаго владѣнія.

Предложеніе проходитъ въ полномъ единодушіи. Полтавцы, черниговцы и херсонцы поддерживаютъ его еще ревностнѣе общественниковъ великоруссовъ

Вопросъ какъ-то самъ собой сводится къ самому щекотливому пункту. о выкупѣ частновладѣльческихъ земель.

Мнѣ пришлось въ одномъ очень почтенномъ собраніи либеральныхъ землевладѣльцевъ разсказывать о крестьянскомъ движеніи по видѣннымъ мною примѣрамъ. Когда я коснулся аграрной программы, слушатели прервали меня единодушнымъ вопросомъ:

— А признаютъ ли они выкупъ?

Я могъ только сказать, что я лично признаю выкупъ.

Теперь оказывается, что большая часть членовъ совѣщанія отнюдь не раздѣляетъ моего взгляда на вещи.

— Какой выкупъ?—заявляетъ одинъ за другимъ.—Земля—Божій даръ, какъ воздухъ или свѣтъ. Кому сколько нужно, тотъ пусть и возьметъ!

— Мы крестьяне при землѣ, а дворяне при дворѣ, а земля придатокъ. Намъ земля, а имъ окладъ.

— Землю люди не робили, Богъ или Духъ Святой. Ее захватано князьями, да графами. Это надо нарушить. Перешелъ въ другую профессію, тогда окладъ, земли не надо. Кузнецу, столяру, плотнику.

— Наша собственная земля!.. Сколько мы заплатили въ видѣ выкупныхъ платежей. Теперь развѣ съ помѣщиковъ потребовать выкупъ!..

Предложеніе нравится многимъ Они предлагаютъ отобрать у помѣщиковъ инвентарь и составить кредитный капиталъ для ссудъ бѣднымъ крестьянамъ.

Другіе предлагаютъ общѣе: взять у богачей часть ихъ капиталу и уплатить изъ него государственные налоги.

Рѣчи противъ выкупа становятся все страстнѣе.

— Зачѣмъ выкупать землю, мы не продавали ее. Мы ее давно окупили работою за безбожную цѣну. Есть хутора,

зимою поденщина по гривеннику, а лѣтомъ и по воскресеньямъ работаютъ.

— Выкупъ меня возмущаетъ,—заявляетъ непримиримый голосъ.—Тотъ, кто устраиваетъ изъ народной жизни скачку съ препятствіями, черезъ барьеръ... Вспомните, какъ нашихъ бабушекъ и прабабушекъ продавали въ придачу къ шарабану, заставляли щенковъ грудью кормить Это развѣ не выкупъ? Это кровавый выкупъ. Бочками кровь проливали. Неужели еще бочки золота? А лучше по-моему: «Встань, проснись, пахарь-другъ, разогни-ка спину. Брось на время свой плугъ и возьми дубину»...

— Браво! — кричатъ со всѣхъ сторонъ, рукоплещутъ и топаютъ ногами, несмотря на шипѣніе предсѣдателя, требующаго сдержанности.

Нѣкоторые голоса однако начинаютъ высказываться за выкупъ. Первый голосъ подаетъ человѣкъ культурнаго обличья, въ воротничкахъ и пиджакѣ Это бывшій волостной писарь, нынѣ гласный отъ крестьянъ и членъ земской управы.

— Какъ же безъ выкупа? — говоритъ онъ. — Фабрика и земля одинаковое средство. Многіе помѣщики перекупили свою землю.

Публика принимаетъ эти аргументы очень холодно.

— Навѣрное самъ владѣлецъ,—говоритъ мой сосѣдъ,—по обличію видно.

Въ собраніи есть еще нѣсколько такихъ делегатовъ въ воротничкахъ Они говорятъ по разнымъ вопросамъ, но не пользуются особеннымъ вліяніемъ.

Безногій крестьянинъ медленно выползаетъ на передній планъ, перебирая костылями. Онъ произноситъ свою рѣчь, полулежа на землѣ и раскинувъ врозь свои длинныя деревянныя опоры. А публика стоитъ на скамьяхъ и смотритъ на него внизъ. Я невольно соображаю, какого труда ему, должно быть, стоило добраться съ далекаго юга до Москвы

— Мы не имѣемъ нравственнаго права, — тихо говоритъ онъ,—вырвать у нихъ изъ рукъ ихъ питаніе и выбросить ихъ на улицу. Дать имъ пожизненную пенсію. Пусть тоже живутъ...

— Дать пенсію по триста рублей въ годъ,—соглашается черниговскій,—сколько пригодно для безбѣдной жизни культурнаго человѣка

Начинается ожесточенный споръ. Особенно рѣзкія рѣчи раздаются противъ дворянскихъ латифундій.

— Я живу въ селеніи Отрада, графа ***, но только чья отрада,—не наша, а его. Онъ имѣетъ имѣніе кругомъ моего дома Курицу прогнать на водопой, надо деньги платить. Въ селеніи двѣ церкви, одна для насъ, а другая для него, и попъ особенный, а служба начинается съ десяти часовъ Передъ церковью онъ поставилъ Катерину, свою «пралюбительницу», къ себѣ, значитъ, грудями, а къ паперти задомъ. Выкупиться у него только четверо могли, а мы все въ кабалѣ. Теперь у него есть 300,000 десятинъ. Какъ ему выкупъ платить, откуда такую уйму денегъ взять?

— Мы тоже помнимъ, откуда они земли получали,— подхватываетъ другой — Екатерина да Павелъ тысячами десятинъ раздавали... Даромъ получили, въ банкахъ за большія деньги заложили да перезаложили, а за что же еще выкупъ. И такъ они воспользовались. А лучше банковые кредиты на себя перенять.

Вопросъ переходитъ къ выкупу мелкихъ владѣній и даже крестьянскихъ участковъ.

— Не надо выкупа, — заявляютъ непримиримые. — Кто хоть двадцать десятинъ купилъ, то не мозолистами руками. Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ

— Кто хоть пять десятинъ купилъ,—заявляетъ южанинъ хохолъ, — то за чужой трудъ. У меня есть десятина купленная, я не стою за нее.

Одинъ изъ поволжскихъ делегатовъ немедленно идетъ дальше.

— Дѣдъ мой двадцать лѣтъ копилъ грошъ къ грошу, купилъ 35 десятинъ земли. Мы довольно пользовались ею, теперь отдаю ее въ земельный фондъ, на общую пользу... Не надо выкупа!..

Но черниговскій делегатъ не хочетъ уступать.—«Я три губерніи пѣшкомъ исходилъ,—сообщаетъ онъ,—Черниговскую,

Воронежскую, Тамбовскую. Наши крестьяне не сдаются на безвыкупъ. Напримѣръ, въ Усманскомъ уѣздѣ мужики весь скотъ продали на приплату къ банковскимъ. Кто раньше молоко пилъ, теперь не имѣетъ, дѣти тощаютъ, за то съ землею. Станутъ картошку копать, да такъ сырую, какъ орѣшки, въ ротъ и бросаютъ,—такъ истощали. Это ихъ не сласть пріучила, а нужда. А теперь они попользоваться не успѣли, а мы у нихъ безъ выкупа отнимаемъ. Въ этомъ нѣтъ справедливости. Насъ теперь въ разныхъ мѣстахъ называютъ Христолюбивое воинство, какъ первые христіане,— то на ъ надо не отгонять, а пріобрѣтать сторонниковъ. А такъ многихъ отгонимъ».

Споръ разгорается. Нѣкоторые предлагаютъ уплатить всѣ «кредиты», т. е. банковскіе долги, тяготѣющіе на частновладѣльческихъ земляхъ, но болѣе осторожные продолжаютъ настаивать на выкупѣ.

— Нельзя не платить,—доказываетъ южанинъ.—У насъ не проведешь такъ. У насъ крестьяне хотятъ, что надо платить, но только надо сбить цѣну.

— Если я найду два рубля, — аргументируетъ другой, опять южанинъ,—то беру себѣ. Каждый старается самъ для себя. Поэтому надо уплатить чужія деньги.

Средняя партія предлагаетъ компромиссъ, минимальный выкупъ до пятидесяти или до ста десятинъ или же до десяти тысячъ рублей по умѣренной оцѣнкѣ естественной стоимости земли.

Но непримиримые настаиваютъ на своемъ.

— Хорошо, что только землю, — иронически говоритъ одинъ,—а если бы захватили свѣтъ, воздухъ, воду, такъ тоже выкупать?.. Но если кто изъ бѣдныхъ купилъ десятину или двѣ, кто у него отберетъ?.. Ему еще прибавится. А если сто или двѣсти десятинъ, такой крестьянинъ хуже помѣщика.

— Полно спорить,—предлагаетъ, наконецъ, новый голосъ,—во всемъ свѣтѣ это самое трудное. Вотъ выберемъ народныхъ представителей въ учредительное собраніе, пускай сговариваются между собой и рѣшаютъ, какъ лучше.

На дворѣ давно стемнѣло, но въ этомъ старомъ сараѣ

было бы несвоевременно зажечь огонь. Совѣщаніе продолжается въ темнотѣ, и лица ораторовъ все выступаютъ изъ густѣющей мглы.

— Кого принимать въ члены,—поднимаетъ вопросъ черниговецъ,— насъ пока двадцать или тридцать тысячъ, ничтожная горсточка Нужно привлекать многихъ. Требуется ловкость, политика. Нельзя безъ ума.

— Крестьянъ принимать, другихъ не надо,—раздаются голоса.

— Интеллигентовъ принимать, городскихъ и деревенскихъ!..

Предложеніе объ интеллигентахъ проходитъ безъ возраженій.

— А принимать ли землевладѣльцевъ? — спрашиваетъ какой-то не совсѣмъ увѣренный голосъ.—Есть люди полезные!..

— Не надо помѣщиковъ,—кричатъ со всѣхъ сторонъ,— хвали траву въ стогу, а барина въ гробу.

Низенькій пожилой крестьянинъ выходитъ впередъ.

— Разные бываютъ господа,—заявляетъ онъ.—Я имѣю честь быть потомкомъ барскаго человѣка отъ полковника Пестеля. Мы помнимъ, какъ онъ пострадалъ, и знаемъ за что. За то самое, чего и мы теперь добиваемся. И братъ его былъ честный господинъ, всю землю отдалъ безъ копѣйки. Надо разбирать не по состоянію глядя, а по человѣку.

Вопросъ сорванъ и оставленъ открытымъ на разрѣшеніе мѣстныхъ совѣщаній.

— Городскихъ рабочихъ привлекать,—предлагаетъ голосъ.

— Городскіе рабочіе—наши братья,—отвѣчаютъ съ разныхъ сторонъ,— они такіе же трудящіе...

Кто-то предлагаетъ резолюцію:

— Только въ союзѣ и солидарности съ рабочими крестьяне могутъ добиться освобожденія.

Одинъ изъ интеллигентовъ пробуетъ развивать предъ собраніемъ точку зрѣнія безземельнаго прогресса, но не имѣетъ успѣха. Ибо вмѣсто безземельнаго прогресса собраніе настаиваетъ на націонализаціи земли.

Интеллигентъ говоритъ длинно и собраніе слушаетъ не безъ нетерпѣнія.

Временами между ораторомъ и слушателями завязываются отдѣльные діалоги.

— Вы хотите, господа,—говоритъ ораторъ,—передать всю землю въ руки народа. Я не придаю этому особаго значенія. Напримѣръ, фабрики и заводы нельзя передать. Стало быть, и землю также...

— Отчего стало быть?—возражаетъ голосъ изъ толпы.—Вы не съ того конца зашли. Начали съ меньшаго, а перешли къ большему... Вы начните отъ земли, а перейдите къ фабрикамъ...

— Если передать крестьянамъ всю обработанную землю, какая есть въ Россіи, — продолжаетъ ораторъ,—на каждую душу придется не больше одной десятины прибавки...

— Ничего, намъ хватитъ,—успокоительно сообщаетъ тотъ же голосъ. — Вы считайте лучше по иному: примѣрно, крестьяне одну часть работаютъ на своей землѣ, другую на арендованной, а третью въ господскихъ экономіяхъ. Надо передать крестьянамъ всѣ три части. Больше того, сколько есть земли, мы не ищемъ...

— Чѣмъ станетъ бѣдный крестьянинъ обрабатывать увеличенный надѣлъ?—вопрошаетъ ораторъ,—у него инвентаря не хватитъ. .

— Найдется, — упорно возражаетъ тотъ же голосъ,—Въ аренду беремъ, да находимъ, чѣмъ пахать. Для собственной какъ не найти?..

— Я знаю,—продолжаетъ ораторъ,—многіе изъ насъ стоятъ за поземельную общину. А въ сущности, общину создала казна для круговой поруки при уплатѣ податей. Многіе крестьяне хотятъ разрушить общину...

Въ разныхъ концахъ собранія раздается ропотъ.

— Потомъ можно будетъ устроитъ новую общину, свободную,—успокоительно сообщаетъ ораторъ.—Я тоже признаю преимущество общиннаго владѣнія...

Онъ начинаетъ довольно подробно описывать преимущества общиннаго владѣнія землей.

Собраніе успокаивается.

— А зачѣмъ сперва уничтожать, а потомъ опять создавать?—настаиваетъ оппозиція.

Начинаются послѣднія рѣчи.

— Почтить память всѣхъ жертвъ вставаніемъ,—предлагаетъ голосъ. Въ сараѣ совершенно темно. Только слышно, какъ вся масса быстро вскочила на ноги.

— Поздравляю васъ съ первымъ всероссійскимъ совѣщаніемъ крестьянъ, — говоритъ предсѣдатель. — Желаю вамъ вернуться сюда съ новыми отрядами. Каждому вернуться корпуснымъ командиромъ.

— Ура!..

Теперь слишкомъ поздно для какой-либо опасности. Собраніе кричитъ и рукоплещетъ, не стѣсняясь. Ворота сарая открываются и группа темныхъ призраковъ начинаетъ исчезать во мглѣ...

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.—По губерніи Безпокойной:

Стр

Вмѣсто предисловія. 5

Артель 17

Въ усадьбѣ 24

Крамаевка 29

Совѣщаніе въ Петровскѣ. 38

Въ лѣсу. 51

Алексѣй Петровичъ. 65

Ивановка Вторая 78

II.—Первый крестьянскій съѣздъ въ Москвѣ . 110